ISSN0136-0140

1993

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В НОМЕРЕ

ФИЛИП К. ДИК
КЛАНЫ АЛЬФАНСКОЙ ЛУНЫ

АЙЗЕК АЗИМОВ
ПОКУПАЕМ ЮПИТЕР

ГРЕГОРИ БЕНФОРД
ЛЕВИАФАН

МАК РЕЙНОЛЬДС
КТО ПЕРВЫЙ?

7 /12/

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

1993

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

МОТИВ

СБОР ДАННЫХ

УСЛОВИЯ

ГИПОТЕЗА

ЭКСПЕРИМЕНТ

РЕЗУЛЬТАТ

Майкл Д. Миллер. *Черед Тайсона.* 4

Айзек Азимов. *Покупаем Юпитер.* 10

Олег Феофанов. Если у вас нет сотни тысяч... 12

Грегори Бенфорд. *Левиафан.* 16

Татьяна Никулина. Найдите пару для фараона. 18

Джеймс Э. Томпсон. *Принцип синхронности.* 22

Мак Рейнольдс. *Кто первый?* 26

Сергей Алексашенко. Действовать ещё можно. Но очень ограниченно. 36

Филип К. Дик. *Кланы Альфанской Луны.* Роман. 42

Эммануил Гушанский. Объять необъятное. 93

Редактор журнала:
Александр Шалганов.

Редакция:
Елена Босовская,
Валерия Галлай,
Владимир Губарев,
Ирина Кирсанова,
Михаил Комаровский,
Леонард Никишин,
Елена Сеславина.

Иллюстрации:
Ольга Дунаева *(М. Миллер),*
Александр Жабинский *(Д. Томпсон),*
Евгений Зеленцов *(Г. Бенфорд),*
Александр Махов *(А. Азимов),*
Игорь Мельников *(Ф. Дик),*
Константин Рыбалко *(М. Рейнольдс).*

Верстка:
Татьяна Сычева,
Тамара Шеламова.

Сдано в набор 5 05 93. Сдано в печать 10 06 93
Отпечатано в ИПК «Московская правда»,
123845, Москва, Д-22, ул 1905 года, д 7
Усл печ л 12,2 Уч изд 14,1 Тираж 110 тыс экз
В розницу цена договорная
Заказ № 3167

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 209-05-36 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

© «Если»
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Майкл Д. Миллер

Черед Тайсона

Тайсон ехал по старому шоссе, соединявшему некогда два штата, когда фары его полицейской машины высветили впереди в добром полукилометре какой-то предмет. Он включил батарею инфракрасных сенсоров и звуковых сканеров, подвешенную под передним бампером. В маленьком мощном компьютере, закрепленном за приборной доской, ожила экспертная система.

— Объект: мужчина с повышенной температурой тела, — четко произнесла она и сделала паузу, ожидая дополнительной информации. — Вероятно, Бродяга, — добавила система и через минуту уточнила: — Возможно, больной. Будь осторожен.

Тайсон быстро приближался и скоро уже мог разглядеть полу белой рубашки, выбившейся из-под черной куртки незнакомца. Даже на таком расстоянии он заметил, что рубашка грязная.

Менее опытный Коп* наверняка нажал бы на тормоза, выбросил парашют для экстренной остановки и попытался произвести жесткий захват. Но Тайсон, Крутой Коп, понимал, что это дешевка, подходящая для зрителей боевика, но никак не для настоящего Бродяги. Настоящий Бродяга перескочит через ограждение шоссе и скроется в высокой траве еще до того, как замрут дымящиеся шины. И поэтому Тайсон не стал выключать фары, а перестроился в левый ряд и прибавил скорость, как поступил бы любой Добропорядочный Гражданин, избегающий встречи с Бродягой на пустынном шоссе.

Спидометр показывал 180 миль в час, когда мощная черная машина метеором пронеслась мимо ошарашенного Бродяги. Тайсон заметил, как фигура сделала неуклюжее движение в сторону обочины. «Слизняк, — подумал он. — И навряд ли умнее слизняка». Тайсон пыхнул большой гаванской сигарой, предвкушая арест — событие, которым не наслаждался уже более года.

Удалившись еще на шесть километров, Тайсон резко затормозил, пересек разделительную полосу и погнал в обратном направлении. Теперь, однако, он ехал с выключенными фарами, предоставив ультразвуковым сканерам выискивать на дороге ямки и ухабы, которые компьютер проецировал на ветровое стекло мрачными красными пятнами. За четыре километра до того места, где произошла встреча с Бродягой, он сбросил скорость до 50 миль, а затем переключил управление на экспертную систему.

— Режим «ОХОТА», — приказал Тайсон и потянулся. Легкая судорога пробежала по затекшим членам. Слишком долго пришлось просидеть за рулем.

— Замечен объект, — неуверенно произнесла экспертная система. — Дистанция полтора километра... те же особенности, что и у предыдущего объекта... Повторяю, Бродяга, мужчина — возможно, больной. Осторожно.

— Мой клиент, — удовлетворенно кивнул Тайсон, довольный тем, что Бродяга не стал прятаться в кустах и не сбежал через поля. Рука Крутого Копа погладила дубинку, обтянутую кожей, прошлась по холодному корпусу газового баллончика, ощутила надежную твердость служебного револьвера — оружия, которым он никогда не пользовался и не намеревался воспользоваться сейчас. Бродяга был слишком ценной добычей, чтобы отдавать ее Докторам или Могильщикам.

Тайсон подумал о Докторах и всех прочих, кто остался в скрытом сейчас за горизонтом Городе: Юристах, Пекарях, Уборщиках, Добропорядочных Гражданах, Психиатрах. Все они были связаны взаимными обязанностями, которые теоретически должны идеально состыковываться, подобно шестеренкам в большом часовом механизме. Реальность лишь в каких-то несущественных деталях отличалась от идеала, и Тайсон был вынужден признать, что эта система оказалась намного удачнее любой другой. Во всяком случае, подумал он, инициативная личность всегда может сделать пару мелких исправлений в тех местах, где система дает осечку.

Столетие назад, когда генетические инженеры только начинали раскрывать секреты спиралей ДНК, большинство людей с трудом справлялись со своими служебными обязанностями. Производительность труда упала до критической отметки, а затем круто спикировала еще ниже. Неудовлетворенность работой свирепствовала, словно эпидемия, а забастовки не прекращались. И тогда Генинженеры, как их стали называть, открыли способ, позволяющий перепрофилировать людей для определенных профессий. И склад ума, и взгляды, и темперамент, и интеллект — все формировалось в соответствии с задачей.

Но волшебство, заложенное в гигантские молекулы, не оправдало надежд.

Как и следовало ожидать, все повально захотели стать международными банкирами, блестящими учеными, государственными деятелями, великими артистами. В пределах одного-двух поколений их количество переросло разумные пределы. Понятно, что одновременно не осталось желающих собирать мусор, прислуживать за столиками в ресторанах, мыть полы или подстригать газоны. Соперничество между супергениями стало безжалостным и по-настоящему разрушительным. Тайсону было достаточно бросить взгляд за окно на разбитое шоссе, чтобы убедиться в последствиях этой грызни.

Но цивилизация, которая шла ко дну в результате профессиональных нестыковок, теперь умирала, приняв излишнюю дозу лекарства от этой болезни. Можно сказать, она уже едва дышала.

** В Америке так называют полицейских (прим. перев.).*

Насильственно вводились усиленные квоты на жизненно необходимые профессии вроде Дворника или Продавца. Верх взяла социальная инженерия как сердце нового порядка, а инженерия генная попала в немилость. ДНК стало словом, которого избегали как грязного ругательства.

Вскоре после того как Тайсон был зачат, его мать посетила Семейного Врача, получавшего приказы от правительственного компьютера. Компьютеру требовался Коп, подкласс Крутой, и Врач произвел необходимые изменения в зиготе, которой тогда был Тайсон. Девять месяцев спустя Маленький Полицейский, как его нежно называли родители, появился на свет. С самого начала он был именно таким, какой и требовался правительству. Конечно, мистер и миссис Тайсон были слегка встревожены той неумолимой последовательностью, с которой развивался их сын, влекомый своим призванием. Он бывал очень груб со сверстниками, но мать и отец утешали себя тем, что жестокость малыша была задана, а не являлась результатом воспитания. В конце концов они ведь были Идеальными Родителями.

Еще подростком Тайсон инстинктивно презирал Бродяг, в которых он видел лентяев, склонных к мелкому воровству, пьянству, а то и худшим вещам. Но они обеспечивали Копов, Психиатров и Социальных Работников прибыльной службой. Именно это имело решающее значение.

Тайсон попытался влезть в шкуру Бродяги. Что бы он стал сейчас делать? Вероятно, прижался к обочине, поближе к ограждению, чтобы в нужный момент метнуться в высокую траву.

— Семьдесят пять метров, — произнесла экспертная система, прервав его размышления. Тайсон прищурился, но ничего не смог разглядеть в темноте. Он загасил сигару и на мгновение задумался, не является ли Бродяга приманкой в чьей-то хитроумно расставленной ловушке? Вряд ли. Преступники, способные напасть на Копа, не запятнают свою репутацию связью с Бродягой.

— Двадцать метров, — прошептала экспертная система. — Я определила его габариты. Примерный вес 100 килограммов, рост около 190 сантиметров.

Крупный, подумал Тайсон. Он на минуту задумался, не вызвать ли подкрепление, но сразу отбросил эту мысль. Во-первых, он Крутой Коп и способен самостоятельно справиться с любым Бродягой. Во-вторых, Пожарные, Доктора, Психиатры, да и все, кто прослушивает полицейскую волну, настигнут его раньше, чем он приблизится к Городу.

А ему нужно было привезти Бродягу в Город. Там, на одной из узких улочек Тайсон найдет Наладчика — человека, профессия которого не санкционировалась Социальными Инженерами и фактически была незаконной. Наладчик тайком переделывал гены.

Причина возникновения генетического «черного» рынка была проста: Социальные Инженеры допускали ошибки. Там маленький просчет в планировании, здесь мелкая ошибка в вычислениях — и по всей сложно переплетенной общественной ткани пошли морщины.

В первый раз Тайсон приехал к Наладчику пять лет назад, во время большой нехватки Преступников, когда тысячи Юристов лишились работы. Вскоре Копы начали отлавливать Бездельников и Бродяг и привозить их к Наладчикам, которые переделывали этот в общем-то безобидный материал в Закоренелых Преступников. Тогда Тайсону удалось прихватить даже парочку Добопорядочных Граждан.

Баланс был на время восстановлен, но возникли другие сложности. Снизилась заболеваемость, и Доктора организовали эпидемию чумы. Было мало пожаров, и Пожарные рыскали по улицам в поисках кандидатов на должность Поджигателя первого класса...

— Двадцать метров, — предупредила экспертная система.

Тайсон встряхнулся. Так можно и форму потерять. Он открыл дверцу, бесшумно вылез на шоссе и легонько щелкнул машину по заднему крылу, сигнализируя, что он уже вышел и готов.

Фары машины внезапно вспыхнули, завизжала сирена, стробоскопы на крыше разорвали темноту ослепительным светом. Ошеломленный каскадом лучей и звуков, Бродяга пригнулся к земле, зажимая уши ладонями.

Тайсон обогнал медленно ползущую машину. Бродяга попытался увернуться, но Тайсон оказался проворнее. Точным ударом дубинки по голове, он уложил путника на землю.

— Стоять! — крикнул Коп машине. Та замерла, угрожающе урча двигателем. Стробоскопы погасли, сирена умолкла.

Тайсон осмотрел добычу. Макушка Бродяги намокла от крови, но пульс был ровный и сильный. Лицо покрывала двухдневная щетина, оно было измазано грязью, и, как видно, уже давно. Тайсон заметил пару старых шрамов. От мужчины разило крепким виски — любимым правительственным пойлом Бродяг.

И все же сквозь грязь и густую щетину был заметен яркий румянец незнакомца. Тайсон коснулся лба Бродяги, он оказался горячим. «Так и есть: лихорадка,» — подумал Тайсон. Он подтащил человека к машине и связался с экспертной системой.

— Температура повышена до 103,5 по Фаренгейту, пульс 90, кровяное давление 100 на 75, — прозвучал диагноз. — Заразные или прочие патогенные микроорганизмы не обнаружены, причина лихорадки неизвестна. Также небольшое малокровие. Ему требуется Доктор.

Тайсон выругался: он не хотел, чтобы Доктора мешали ему. Но если один или, что более вероятно, несколько Докторов преградят ему путь, у Тайсона не будет законных поводов сохранить человека за собой. Бродяга или нет, по закону этот человек сейчас был Пациентом.

Если поднажать, он сможет оказаться в городе через пятнадцать минут. Беда в том, что изголодавшиеся по Пациентам Доктора или рыскающие в поисках Клиента Социальные Работники могут поджидать его на окраине. И у них будет достаточно законных оснований. Тайсон знал десятки Юристов, способных превратить простейший арест в дело государственной важности.

Теперь главное — скорость. Если он сможет добраться до города раньше, чем пронюхают соперники, то у него есть шанс пробиться к Наладчику.

Тайсон залез в машину, запер дверцы и нажал на акселератор окованным сталью ботинком. Машина рванула с места, выбрасывая из-под колес куски обветшавшего дорожного покрытия. Он стремительно мчался по шоссе с выключенными фарами.

Ультразвуковые сканеры фиксировали ухабы или выбоины в бетоне. Руль, которым теперь управлял компьютер, бешено крутился из стороны в сторону, ведя машину меж невидимых препятствий.

Тайсон услышал за спиной звук, обернулся и увидел Бродягу, вцепившегося пальцами в мелкую сетку, которая перегораживала переднее и заднее сиденья.

— Эй! Эй! Что происходит? Слушай, что я...

— Заткнись! — прорычал Тайсон. Он ткнул пальцем в кнопку на приборной панели, из динамика послышался механический голос:

«У тебя есть право молчать. У тебя есть...»

— Пожалуйста! — взвыл Бродяга. Его голос оказался на удивление высоким. — Дайте закурить.

Тайсон небрежно нажал другую кнопку. Бродяга завопил. Его тело отчаянно задергалось — Бродягу било током. Тайсон секунду подержал палец на кнопке, потом отпустил. Огоньки на приборной панели, почти погасшие из-за сильного расхода энергии, снова ярко вспыхнули. Магнитофон, автоматически сделавший паузу, снова забубнил:

«Если ты отказываешься от права...»

Тайсону было наплевать на права Бродяги. Прищурившись, он вглядывался в даль. Сперва ему показалось, что какая-то темная масса перегораживает разбитое шоссе в том месте, где оно пересекает кольцевую дорогу. Но по мере того как он приближался, препятствие приняло очертание размытой стены и в конце концов оказалось шеренгой машин «скорой помощи».

— Ага, — обрадовался Бродяга, — вот и Доктора появились.

Тайсон, игнорируя его слова, вжал педаль тормоза в пол. Машину занесло. Бродягу отшвырнуло назад и сильно ударило о боковое стекло. Машина остановилась в десяти метрах от сверкающей огнями фар преграды. Тайсон круто вывернул руль, кинул машину на бордюр и сразу вниз, в высокую траву. Медики помчались вслед за полицейской машиной, яростно мигая фарами. Вой сирен перекрывал рев мотора Тайсона, а мигалки на крышах взрывались маленькими световыми бомбами.

— Они приехали за своим Пациентом, — радостно сказал Бродяга. — Ты не можешь владеть мною единолично.

— Ты не Пациент до тех пор, пока остаешься моим Арестованным, — прорычал Тайсон.

— А ты, если и сбежишь, то спрятаться в этом городе все равно не сможешь, — гнул свое Бродяга.

Тайсон упрямо сжал тяжелую челюсть и резко свернул в сторону кольцевой дороги. Его машина легко взобралась по крутому склону, пересекла шоссе перед самым носом медиков и нырнула в лабиринт городских улиц. Но от погони оторваться не удалось. Она висела у Тайсона на хвосте и, как он понял, ждала подкрепления.

— Если до тебя не доберутся Доктора, это сделают Пожарные. Или Социальные Работники. Или Дантисты. Все местные Доброжелатели, которым до смерти хочется кого-нибудь обвинить, пожалеть или осчастливить. Им нужна работа.

Тайсон не ответил на ворчание Бродяги и круто свернул на тротуар, избегая столкновения с выскочившей из переулка «скорой помощью». Его машина зацепила прислоненный к стене велосипед, оторвав руль и выбросив из-под колес фонтан железных обломков.

— Сумасшедший город, — крякнул Бродяга. — Самый безумный из всех, где мне довелось побывать.

— Угу, — буркнул Тайсон, уворачиваясь от ревущего турбиной аварийного фургона, который лидировал в погоне и уже почти настиг машину Тайсона. Гидравлический подъемник на долю минуты завис над защитным стеклом полицейской машины. Бродяга ахнул.

Тайсон яростно крутанул руль. Машину занесло метров на сто и развернуло навстречу армаде сверкающих фар и пылающих красных мигалок.

— Свет! — скомандовал Тайсон.

Из-под передней решетки полицейской машины сверкнули два серебристых стеклянных глаза. Каждый был ксеноновой лампой со световым потоком в 100 тысяч свечей в режиме непрерывной работы и 400 миллионов свечей в режиме вспышки. Сконцентрировав поток ослепительного света, Тайсон гикнул, включил максимальную скорость и ринулся в самую гущу догонявших его машин. Обернувшись, Бродяга с ужасом увидел, как сначала первая, а за ней и другие машины накренились, потеряв управление, и всей своей мощью врезались кто в витрину, кто в стену дома, кто в столбы уличных фонарей. Летели осколки стекла и визжал металл, а секунду спустя улица полыхала, как огромный факел, — одна «скорая» пробила тонкую стенку незаконно припаркованного бензовоза.

Тайсон свернул за угол, на миг опередив волну раскаленного воздуха, ворвавшуюся на перекресток вслед за стеной радужной пыли.

— Что это было? — спросил Тайсон.

— Бензовоз, — отозвался затаивший дыхание Бродяга.

— Вот и нашлась для них работенка, — с внезапным облегчением произнес Тайсон. Улица за их спиной полыхала. — Доктора налетят сюда, как акулы на обломки кораблекрушения.

Он взглянул на отражение Бродяги в зеркальце и улыбнулся, заметив выражение его лица.

— Понравилось?

— Не особо, — признался Бродяга. — Не в моем стиле.

— Такое постоянно происходит. Особенно в городе. Особенно в *этом* городе. В прошлом месяце безработица достигла 15 процентов. Каждому приходится крутиться.

— Зато все наконец-то кончилось, — сказал Бродяга отрешенно.

— Не совсем, — возразил Тайсон.

Бродяга поднял глаза.

— Дело в том, что осталось еще пять тысяч Пожарных, десять тысяч Психиатров и, одному правительству известно, сколько Дантистов...

— Ого!

— Верно, «ого». Прежде чем мы попадем к Налад... — Тайсон оборвал себя на полуслове. — Прежде чем мы попадем куда-нибудь.

— К Наладчику?

Тайсон пожал плечами.

— Конечно.

Бродяга смотрел на него, не отрываясь.

— Думал, ты знаешь. Миллион людей сидит без работы. Нам приходится самим о себе заботиться.

— А разве ареста недостаточно?

— Да что тебе терять? Ты всего лишь Бродяга. Представь, что тебя сцапали Доктора. Ты пробудешь больным до конца своих дней. Или Социальные Работники. Они развратят тебя до такой степени, что ты разучишься самостоятельно есть. Зато если станешь Преступником, будет шанс высоко взлететь. Быть может, попадешь в синдикат. Международная торговля наркотиками. Боевики. Деньги. Женщины. Путешествия, черт побери!

Бродяга вновь взглянул на Тайсона.

— Я хочу остаться Бродягой.

Тайсон пожал плечами.

— О, Боже праведный, — простонал вдруг Бродяга, взглянув вперед.

Должно быть, их выследила пожарная машина. Теперь ее массивные, в человеческий рост, шины твердо упирались в тротуар, а нос — в стену здания напротив. На дверце был выведен золотом огромный номер «101». Обернувшись, Тайсон увидел, как мощная черная тень заслонила дорогу сзади, отрезая путь. Они в ловушке!

— Нет, — упрямо сказал Бродяга. — Нет! Я не пойду... не могу пойти с Пожарными... они...

— Хорошо, хорошо, — успокоил Тайсон. — Не паникуй.

Бродяга вскрикнул и съежился на заднем сиденье.

Тайсон тем временем заметил, как от пожарной машины отделилась фигура мужчины полных двух метров ростом и размером с платяной шкаф. «Шкаф» направлялся к патрульной машине. Он был бородат и носил очки «Холокаст» — такие темные, что уменьшали ярчайший свет ксеноновой лампы до вполне приемлемого свечения. Тайсон все равно включил прожектора, на что пожарные ответили струей пены. Пена злобно зашипела на горячих линзах, превращаясь в едкий белый дым. Тайсон смыл пену струей горячей воды, но свет благоразумно выключил, заметив в руках Пожарного внушительных размеров топор.

Гигант ухмыльнулся и снял очки, потом шагнул вперед и одним отработанным движением снес прожектора. Машина содрогнулась от удара. Ксеноновая лампа болталась на тонком электрическом проводке.

Огромный Пожарный остановился возле дверцы Тайсона, согнулся и постучал в окно. Тайсон уставился на него.

— Мы не сможем вырваться силой, — прошептал Бродяга. — Нам их не одолеть. Дай мне выскочить, ускользнуть, смыться...

— Конечно! Здорово придумал! — озлобился Тайсон. — Но он-то хочет, чтобы я открыл окно.

— Нет-нет! Только не окно. Подожди! Я кое-что придумал, может быть, получится. Выпусти меня.

— Ты что, свихнулся? — спросил Тайсон, оборачиваясь, чтобы взглянуть на Бродягу.

— А какой у нас выбор? Они нас здесь просто убьют. Дай мне шанс. Отправляйся за пожарными машинами. Обогни квартал и поезжай следом. У меня есть идея.

Тайсон покачал головой.

— Ты мой Арестованный.

Громила-Пожарный стучал по стеклу острым лезвием топора.

— Как видишь, уже нет, — возразил Бродяга. Крыть Тайсону было нечем. Гигант уже готовился к удару, когда Тайсон резко распахнул задние дверцы. Бродяга стремительно выскочил. Великан тут же схватил добычу за горло и поволок к ближайшей пожарной машине. Секунду спустя оба оказались внутри. Тайсон нажал педаль, его машина рванула вперед и быстро набрала скорость.

Он и не думал сдаваться. В Бродяге чувствовалась внутренняя твердость, которая теперь сверкала искоркой надежды на великих пустынных равнинах пессимизма Тайсона. «Этот человек, когда с него облетела внешняя шелуха, оказался не таким уж типичным Бродягой — подумал он. — Должно быть, в нем есть нечто большее, какой-то особый штрих, добавленный хитроумными Генинженерами, уставшими от строгания стандартных завитушек ДНК».

Тайсон медленно свернул за угол, позволяя своей машине раствориться в темноте. Поначалу он преследовал пожарных осторожно, позволяя им оторваться на почтительное расстояние. Затем, когда убедился, что остался незамеченным, постепенно, метр за метром, начал сокращать дистанцию. Он не мог отказаться от ставки на Бродягу.

Вскоре он был вознагражден. Идущая впереди машина, неожиданно сделав вираж, врезалась прямо в стену жилого дома. Кабина вошла в образовавшуюся пробоину, машина вздрогнула и остановилась. Посыпалась штукатурка, дождем полетели вниз обломки бетона. Через разверзшуюся дыру хлынула мебель из комнаты на втором этаже, вслед за ней с грохотом вывалилась раковина. Среди кучи обломков взорвался телевизор. С рухнувшей на тротуар кровати тяжело спрыгнул человек и захромал в темноту.

Бродяга выпрыгнул из кабины и помчался к изумленному Тайсону. Залезая на переднее сиденье рядом с Крутым Копом, он выглядел почти спокойным.

— Что случилось? — спросил Тайсон, объезжая пожарную машину и устремляясь прочь по улице.

Бродяга смотрел прямо перед собой.

— Ничего не было проще. Они не ожидали от меня подвоха, и поэтому я смог крутануть руль. Один хороший рывок, и мы врезались в дом. Их просто оглушило. — Он повернулся к Тайсону. — Спасибо, что держался рядом.

Тайсон взглянул на Бродягу.

— Нам чертовски повезло. Как тебе удалось не вылететь через ветровое стекло?

— Я же видел, как несется навстречу здание. Успел отпустить руль и пригнуться. А они — нет. — Бродяга вздохнул. — Я обдумал твое предложение стать Преступником. Мне и впрямь надоело слоняться по округе, не получая ничего, кроме пинков. Возможно, я достоин лучшей участи. Думаю, твое предложение — выход из тупика.

Тайсон взглянул на него, потом на пустынную улицу.

— Тебе полагается находиться сзади.

— Конечно, — отозвался Бродяга, пожимая плечами. — Но тебе не кажется, что я давно бы сбежал, если б хотел? К тому же, я могу помочь тебе выкрутиться.

Тайсон холодно взглянул на него.

— Возможно.

— Ну тогда остановись. Я сяду назад.

Тайсон огляделся. Они отъехали меньше чем на

милю от обломков пожарной машины и теперь направлялись в противоположную от лаборатории Наладчика сторону. Это означало, что Тайсону придется преодолеть вдвое больший путь назад — как раз то, чего он не желал. Возможно, за его голову уже назначена награда, а ему хотелось выкрутиться, сохранив ее.

— Некогда! — отрезал он. — Будем пробиваться к Наладчику самой короткой дорогой.

— Хорошо, — согласился Бродяга.

Но короткая дорога оборвалась через пять кварталов. Группа Социальных Работников, засев в ближайшем жилом доме, соорудила баррикаду. Когда Тайсон ее заметил, полицейская машина летела со скоростью 160 миль в час, и у него не осталось времени на размышления.

— Налево, — крикнул Бродяга. Тайсон резко вырулил в переулок, а затем во двор между домами. На секунду ему показалось, что они угодили в тупик, но в противоположном конце двора он заметил выезд в другой переулок. Тайсон проскочил по нему, выехал на улицу, потом на другую, еще в один переулок и понял, что... заблудился.

— Направо, — охотно подсказал Бродяга.

Тайсон на мгновение заколебался.

— Где мы сейчас?

— Не волнуйся, — успокоил Бродяга. — За последние двадцать лет я много раз пробирался в город. Я знаю его не хуже тебя. А некоторые районы даже лучше, потому что туда не заходят Копы.

Тайсон сосредоточился на управлении. Его мучила мысль, что они все более удаляются от Наладчика. Один раз он резко свернул, выбрав наугад боковую улицу, и почти врезался в несколько машин «скорой помощи». Их Водители выскочили из ближайшего круглосуточного бара и бросились в погоню.

Как Тайсон и опасался, весть о нем разлетелась по городу. Водителям «скорой помощи» уже не было дела до Пациента. Несколько их коллег погибли или стали инвалидами. Виновником трагедии был Крутой Коп.

— Сюда, — показал очередной поворот Бродяга. «Скорая помощь» приближалась. Тайсон сделал резкий вираж, едва не перевернувшись. Попытавшемуся повторить его маневр Водителю не повезло. Его машину занесло, и она перевернулась.

— Чистая работа, — похвалил Бродяга. — Кажется, я знаю безопасный путь. Если только вспомню...

— Было бы неплохо, потому что я совершенно не представляю, куда нас занесло, — прорычал Тайсон.

— Сейчас налево, — указал Бродяга. Тайсон бросил машину влево, где она затряслась по разбитой улице, прогромыхала мимо нескольких полуразвалившихся складов и внезапно выпрыгнула на гладкий бетон — въездную эстакаду скоростного шоссе, огибающего порт.

— Поднимайся наверх и гони, — скомандовал Бродяга.

Тайсон разогнал машину до 200 миль в час, перешел на инфракрасные фары и круговой радар. Они вплыли в стену тумана, поверхность шоссе под колесами превратилась в скользящую ленту.

Светало. Солнце всходило за морем, слева от них.

— Мы так далеко заехали? — удивился Бродяга.

— Почти на пятьдесят километров. Долгонько придется добираться до Наладчика.

— Поедем по прибрежной дороге, — предложил Бродяга. — Скоро движение на ней станет интенсивным, и мы затеряемся среди машин. К Наладчику попадем раньше, чем через час. — Он ненадолго умолк. — Сверни на следующем перекрестке.

Тайсон сбросил скорость, машина съехала с шоссе на пригородную двухполосную дорогу, тянущуюся сквозь завесу густого тумана. Через пять минут впереди не осталось ни одной машины, и, судя по радару и инфракрасным сенсорам, сзади тоже не было никого.

— Поверни здесь, — сказал Бродяга.

— Здесь? Но это в сторону океана.

— Возле этой дороги через пять миль есть городок, и местный начальник полиции будет просто счастлив получить меня из твоих рук. Говоришь, у вас в городе нехватка Преступников? Тогда представь, какова ситуация здесь. Сверни на дорогу, идущую вдоль пляжа. Она нам как раз подойдет.

Тайсон немного подумал, потом свернул на грунтовую дорогу, вскоре превратившуюся в полосу плотного песка, перешедшего в дюны. Затем дорога исчезла.

Машина, буксуя, взбиралась на гребень дюны, когда завеса тумана разошлась и их ослепило яркое солнце, играющее бликами на кобальте моря. Перед ними открылась бескрайняя гладь океана. Тайсон замер, вглядываясь в нее. На полоску пляжа неторопливо накатывали волны, вдали у горизонта застыл корабль.

Бродяга выхватил из рукава крошечную ампулу и вскрыл ее. Раздался легкий щелчок. Из сломанного горлышка мгновенно вырвалось бледно-желтое облако, заполнившее кабину. Тайсон заметил его за мгновение до того, как понял, что это такое: быстродействующий нейротоксин. Сперва он подавит симпатическую нервную систему, парализовав руки, ноги, пальцы, шею, голову и язык Тайсона. Затем газ начнет уничтожать парасимпатическую нервную систему, умертвит его пищеварительный тракт, а вслед за ним — сердце и легкие. В последнюю секунду откажут высшие нервные центры мозга.

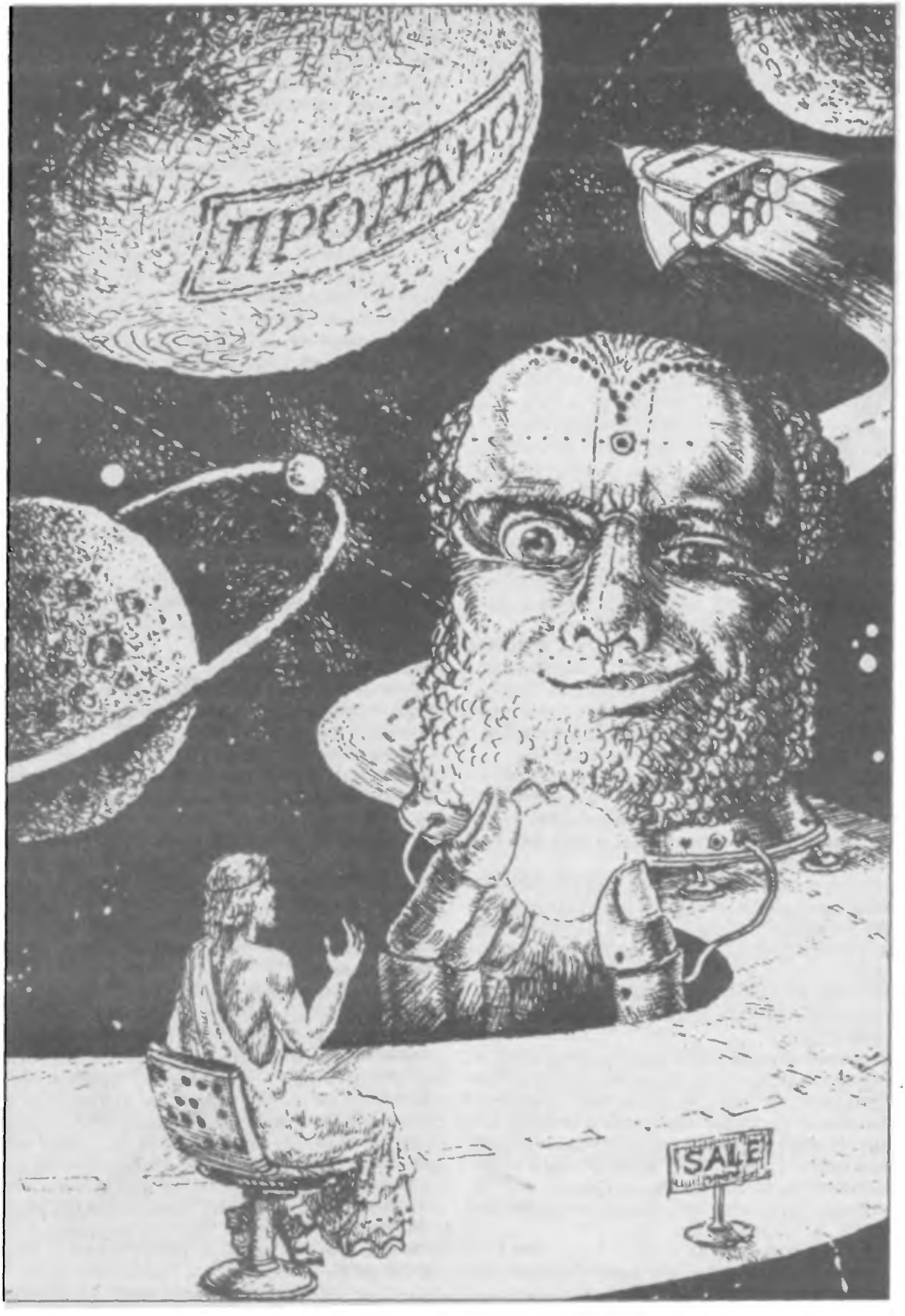
Бродяга повернулся и вгляделся в парализованного Тайсона. Укол противоядия, решил Тайсон. Оно-то, наверное, и повышает температуру тела. Таким образом, наверное, он справился и с Пожарными. Тайсон почувствовал, что мысли его стали странно чужими, словно ботинки, переставшие налезать на ноги. Он похолодел, ощущая полное изнеможение. Теперь уже недолго.

Бродяга нежно коснулся колючей щетины на лице Крутого Копа и повернул его голову так, чтобы глаза Тайсона смотрели через боковое стекло.

— Ты оказался хорошим помощником, — сказал Бродяга. — Ты исключительно жесткий человек, но у тебя было место в этом обществе. За одну ночь ты подарил нам столько работы, что многим не придется голодать несколько недель. — Он сделал паузу. — Спасибо тебе, друг. Моя жена и дети благодарят тебя.

Когда Тайсону уже отказал слух, он увидел, как на вершине дюны показалась мрачная черная машина и покатила в их сторону. Это был катафалк. Появились Могильщики.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ



Айзек Азимов

Покупаем Юпитер

Хотя он и был симулакрум*, однако быстро сообразил, почему люди не торопятся с переговорами. Давно отказавшись от надежды овладеть реальной сущностью энергии, они теперь поджидают его в своей убогой скорлупке, окруженной белым пламенем защитного поля, в нескольких десятках километров над поверхностью Земли.

— Нам понятны ваши нерешительность и сомнения, — мягко говорил симулакрум с окладистой золотой бородой и широко расставленными темно-оранжевыми глазами, — нам остается только уверять вас, что мы не причиним вам никакого вреда. Мы можем представить веские доказательства, что наша древняя раса обитает на кольце вокруг звезды спектрального класса GO, так что ваше Солнце излучает слишком мало энергии для нас, а ваши планеты слишком массивны и не подходят для нашей расы.

Представитель Земли (который был Министром по делам науки и по поручению Правительства выполнял функции полномочного Представителя Земли на переговорах с инопланетянами) возразил:

— Но ведь вы сами недавно сообщили, что теперь мы находимся на одном из ваших главных торговых путей.

— Да, новая колония Киммоношек культивирует недавно заложенные поля текучих протонов.

— Прекрасно, но ведь не исключена опасность использования торговых маршрутов в военных целях. Могу только повторить, что вы получите наше согласие лишь в том случае, если честно и правдиво объясните, зачем вам нужен Юпитер.

Как только был задан этот вопрос, симулакрум, как всегда, начал темнить:

— Если народ Ламбержа...

— Ясно, — сурово ответил Министр, — для нас это звучит объявлением войны. Вы и те, кого вы называете народом Ламбержа...

— Но мы предлагаем вам выгодный вариант, — сказал симулакрум поспешно. — Вы осваиваете только внутренние планеты вашей системы, на них мы не претендуем. Нас интересует лишь одна планета, называемая Юпитером, которую, я полагаю, ваша раса не только не сможет никогда приспособить для жизни, но даже посетить. Размеры Юпитера, — он снисходительно усмехнулся, — для вас чуть-чуть великоваты.

Министр, которому не понравился тон гостя, чопорно заявил:

— Все это так, однако спутники Юпитера — отличные объекты для колонизации, и мы намереваемся вскоре их заселить.

— Наша сделка этому не помешает. Спутники — ваши в любом случае. Мы просим только сам Юпитер, совершенно бесполезную газообразную планету. Вы, конечно, понимаете, что мы можем преспокойно присвоить Юпитер, не спрашивая вашего согласия. Однако мы пошли на переговоры, так как предпочитаем покупать, а не захватывать. Такое решение позволит избежать конфликтов в будущем. Как видите, я с вами совершенно откровенен.

— Так зачем вам нужен Юпитер? — упрямо переспросил Министр.

— Ламберж...

— У вас война с Ламбержем?

— Это не важно.

— Да ведь если вы и вправду затеваете войну и с нашей помощью создадите на Юпитере укрепленную базу, народ Ламбержа может расценить нас как ваших союзников и обрушить на нас свою мощь. Земляне не могут позволить втянуть себя в такую неприятную историю.

— Я не собираюсь вас ни во что втягивать. Даю честное слово, что вашей расе не будет причинено никакого вреда. Конечно, — тут симулакрум снова попытался припугнуть собеседника, — в обмен на ваше понимание и великодушие. Наши супергенераторы будут ежегодно снабжать планеты вашей системы любым необходимым количеством энергии.

— Можно ли истолковать это так, — сказал Министр, — что будущий прирост энергии легко удовлетворит любую потребность в ней, которая может возникнуть?

— Да, возможности возрастут в пять раз по сравнению с вашим нынешним максимальным потреблением энергии.

— Что ж, как вы уже могли понять, наше Правительство наделило меня довольно широкими полномочиями для ведения переговоров, но все-таки я должен провести ряд консультаций. Лично я склонен доверять вам, однако не могу принять решение, точно не уяснив, зачем вам нужен Юпитер. Если аргументы будут достаточно правдоподобными и убедительными, я, вероятно, смогу доказать Правительству и народу необходимость подписать с вами взаимовыгодное соглашение. Если же я попытаюсь подписать соглашение без объяснений, Правительство и население Земли простонапросто вынудят меня расторгнуть его. В таком случае вы сможете, как уже было сказано, завладеть Юпитером силой. Но ведь это будет захватом чужой собственности, чего, судя по всему, вам бы не хотелось.

Симулакрум нетерпеливо прищелкнул языком:

— Я не могу продолжать до бесконечности эту маленькую распрю. Ламберж...

** Биоробот (прим. перев.).*

Он прервал поток слов, подумал и продолжил:

— Можете ли вы дать честное слово, что ваша неуступчивость — это не уловка, инспирированная Ламбержем, чтобы задержать наше...

— Клянусь! — заверил Министр.

Министр по делам науки бодро вошел в зал заседаний Правительства, энергично массируя выпуклый лоб. Он выглядел сейчас лет на десять моложе, чем раньше, когда начинал долгие и бесплодные переговоры с симулакрумом.

— Я сообщил ему, — начал он сдержанно, — что его народ может получить желаемое, как только я заручусь формальным согласием Президента. Надеюсь, Президент и Конгресс не станут возражать. Слава Богу, пекущемуся о нас, мы, господа, получаем в свое распоряжение невероятную мощь взамен никуда не годной планеты, которую нам все равно никогда не освоить.

— Но ведь мы пришли к выводу, что только война Миццаретта с Ламбержем может объяснить их посягательства на Юпитер, — прорычал Министр обороны, багровея от возмущения. — В этих обстоятельствах, если сопоставить их военный потенциал с нашим, нам абсолютно необходим строгий нейтралитет.

— Но, коллега, речь идет не о войне, — возразил Министр по делам науки. — Симулакрум представил нам объяснение причин, побуждающих его народ колонизировать Юпитер, — с моей точки зрения, весьма убедительное и рациональное.

Полагаю, Президент будет полностью согласен с моим мнением, так же, как и вы, господа, когда во всем разберетесь. У меня с собой их планы строительства Нового Юпитера...

Члены Правительства возбужденно зашумели.

— Новый Юпитер? — судорожно выдохнул Министр обороны.

— Не слишком отличающийся от старого, господа, — пояснил Министр по делам науки. — Мне переданы эскизы — оригинал можно будет увидеть из Глубокого Космоса.

Он положил репродукции на стол. На одном из них была изображена целая вереница разноцветных планет: желтая, светло-зеленая, светло-коричневая, с узорчатыми лентами белоснежных турбулентных завихрений. Все они сверкали, подобно крапинкам драгоценных камней на бархатном фоне Космоса. Между ними протянулись странные полосы тьмы, темнобархатные, как и их космический фон, украшенные причудливыми узорами.

— Это, — сказал Министр по делам науки, — дневная сторона планеты. Ночную сторону можно посмотреть на другом эскизе.

Здесь Юпитер выглядел тонким полумесяцем, окруженным космической тьмой, однако во тьме проступали какие-то полосы, украшенные сходным с предыдущим орнаментом, который фосфорицировал ярко-оранжевым цветом.

— Насколько я понимаю, — пояснил Министр по делам науки, — это обычный оптический феномен, светящийся газ, который не вращается вместе с планетой, а зафиксирован на границе ее атмосферы и Космоса.

— И что это означает? — спросил Министр торговли.

— Как вы уже поняли, — продолжал Министр по делам науки, — через нашу Солнечную систему теперь проходит один из их важнейших торговых путей. Не менее семи кораблей с Миццаретта побывали в последнее время в нашей Солнечной системе, и каждый энергично проводил телескопические наблюдения Земли и других важнейших планет. Любопытство туристов, которое так легко понять... Массивные планеты — редкостная экзотика для пришельцев из эфемерных миров.

— И что же означают эти таинственные знаки?

— Да просто реклама. В переводе текст звучит примерно так: «Покупайте Миццареттский Эргон, Незаменимый для Поддержания Внутреннего Тепла и Сохранения Вашего Здоровья. Дешево! Гарантированно! Эффективно!»

— Вы имеете в виду, что Юпитер нужен им всего лишь как рекламный щит у дороги? — вспылил темпераментный Министр обороны.

— Совершенно верно. Как мне представляется, Ламберж тоже производит таблетки эргона, конкурирующие с миццареттскими. Это и вызывает у Миццаретта горячее желание заполучить Юпитер навеки в свое полное распоряжение, причем только легальным путем, на случай будущей тяжбы с Ламбержем. К счастью, для нас миццареттцы явные новички в такого рода торговых сделках.

— Почему вы так считаете? — спросил Министр внутренних дел.

— Да потому, что они легкомысленно пренебрегают получением определенных привилегий на других наших планетах. Щит на Юпитере будет столь же успешно рекламировать Солнечную систему, как и их собственную продукцию. Так что, когда их конкуренты с Ламбержа появятся у нас, чтобы добиваться уничтожения миццареттской рекламы на Юпитере, мы спокойненько предложим им купить Сатурн со всеми его кольцами. Думаю, будет легко разъяснить ламбержцам, что кольца придают Сатурну несравненно более эффектный вид из Космоса.

— А потому, — подхватил, внезапно просияв, Министр финансов, — он и обойдется им значительно дороже.

И все собравшиеся от души, как дети, развеселились.

Перевел с английского
Иван МАРТЫНОВ

Олег Феофанов,
доктор философских наук

ЕСЛИ У ВАС НЕТ СОТНИ ТЫСЯЧ...

Удивительно, что этот рассказ Азимова не был переведен на русский язык раньше. Ведь на службу советской пропаганде было поставлено все, что хоть как-то задевало «ложные буржуазные ценности». Помните: «451° по Фаренгейту»? Оглушенный бездуховностью общества мрачного будущего, герой спасается бегством от навязчивого призыва: «Зубная паста Дензм!» Что же такое реклама в жизни американца и чем становится для нас? На эту тему размышляет специалист по рекламе, профессор Российской академии управления, главный консультант фирмы «Паблик Рилейшнз Сервис Лтд» Олег Феофанов.

Что и говорить, реклама — идеальный объект для насмешек: пестра, криклива, вездесуща, к тому же утверждает не высокие, а потребительские ценности. Ежедневно на американца обрушивается полторы тысячи рекламных объявлений. На каждое из них он вынужден потратить около двух секунд. Неудивительно, что американцы и высмеивают рекламу, и негодуют по ее поводу, но... жизни без нее себе не представляют.

Да это было бы и невозможно — существовать вне среды обитания. Ибо американец рождается, живет и умирает в мире рекламы. И если, по утверждению социолога Вэнса Паккарда, американская экономика, не будь рекламы, развалилась бы через 15 секунд, то остается только гадать, сколько продержалось бы общество, граждане которого, проснувшись однажды, не знали бы, куда пойти нынче вечером, в какую школу определить сына, что приготовить на обед, кто подлечит заболевшую собаку, какую соску выбрать младенцу и какой фирме (увы!) заказать гроб.

Чтобы как-то выделиться в этом потоке, задержать внимание потребителя, увлечь его, реклама обязана стать и занимательной, и изобретательной. Она может перерасти в грандиозную кампанию с участием звезд эстрады, а может остаться событием частной жизни одного города, но все-таки — событием.

Так, в свое время, в Ричмонде открывался новый универмаг — в шестиэтажном здании старой постройки, прямо скажем, не самом удачном для такого рода предприятия: американца трудно заманить выше первого этажа, даже при наличии эскалаторов и лифтов. Владелец придумал такой рекламный ход. В день открытия с крыши магазина начали пушечную стрельбу... долларовыми бумажками. К каждой из них крепилось приглашение на четвертый этаж, где намечалась демонстрация мод.

В назначенный час при большом стечении народа показ состоялся. А после него публика разбрелась по этажам универмага. К вечеру хозяева свели дебет и кредит: выбросив, в буквальном смысле, на ветер 20 тысяч долларов, магазин получил выручку, в 20 раз превосходящую ту, что сулил ортодоксальный путь.

«РЕКЛАМА СОЗДАЛА АМЕРИКАНСКУЮ НАЦИЮ»

Это утверждение принадлежит еще одному американскому социологу, Дэниелу Бурстину. Люди, приехавшие из разных стран, искали возможности сплочения. Есть такой закон восприятия, названный психологами «бэнд вэгон» (повозка с оркестром), что означает — быть всем вместе, иметь общие приоритеты, устремления. Законодателем этих приоритетов выступила именно реклама. Когда советские идеологи обличали заокеанский империализм, то мишени для критики выбрали очень точно: джинсы, кока-кола, жевательная резинка. Это действительно «их» приоритеты. Приоритеты потребительские. Но ведь за ними — равенство стартовых возможностей, предпринимательство как сфера приложения сил и путь к богатству. Все это вкупе и составляет то, что называется американским образом жизни. Все это является двигателем прогресса, побуждая людей к достижению новых высот.

Вспоминаю американский рекламный плакат начала 60-х, который нередко встречал на улицах Оттавы, где в то время работал. Это был экспорт идеи американского образа жизни. Все традиционные атрибуты: двухэтажный особняк посреди ухоженной лужайки, от него, вперед и выше, в горку ведет широкая ровная дорога. В перспективе сквозь пальмы сияют море и солнце. На самой дороге — открытый форд, а в нем — среднестатистическая американская семья: за рулем — отец семейства, рядом — жена, на заднем сиденье — двое детишек. Все четверо сияют белозубыми улыбками. Подпись: «Американский путь — лучший путь».

Думаю, один такой плакат сработал на симпатии к своей стране гораздо эффективнее, нежели все наши лозунги о светлом будущем на идею социализма. Что касается внутренней пропаганды, то в США ее просто нет. Эти функции взяла на себя реклама. Жизненные ценности утверждаются не через доказательство рентабельности самой доктрины капитализма, а через реальность. Вот владелец небольшого магазина. Его доход такой-то, у него есть дом, машина. Свои покупки он делает в этом супермаркете. Его жена предпочитает такие-то духи для себя и кроссовки такой фирмы для детей. Подход вроде бы полностью деполитизированный. На самом деле он ненавязчиво внедряет в сознание среднего гражданина мысль, что достигнуто это благополучие не иначе, как в недрах капитализма.

Да людям, собственно, и некогда разбираться, что на дворе: коммунизм, демократия, тоталитаризм... Важно другое: как живет простой человек при этом режиме.

Реклама показывает, что есть что, выполняя тем самым пропагандистскую роль и выступая важнейшим фактором интеграции.

ЕШЬ АНАНАСЫ!

«Покажите мне рекламу, и я скажу все об этой стране», — провозгласил уже знакомый нам Дэниел Бурстин. Социолог сошел бы с ума, если бы полистал современные российские газеты или включил любой из каналов нашего телевидения. Потому что на первом месте у нас реклама компьютеров, на втором — банков, а на долю прочей приходится всего лишь двадцать процентов.

Вечером, когда голубой экран собирает на свой огонек все население квартиры, от малышей до бабушек, нам предлагают купить кирпичный завод или вложить миллион в приобретение какого-либо предприятия, участвовать в биржевых торгах или непременно продать свою квартиру.

«Если у вас нет ста тысяч, вы не наш клиент!» — заявляет банк через популярную ежедневную газету.

«Господа, — выкрикивает девушка из радиоприемника, — миллион для вас еще деньги?»

Хочется задать ответный вопрос. Господа бизнесмены, думаете ли вы о том, какое впечатление производит все это на массовое сознание? Да, оно искалечено психологией социального иждивенчества, идеями равенства (распределения, а не возможностей). В обществе идет один из самых сложных процессов — процесс социальной дифференциации. Он объективен, и деваться нам некуда: рыночные отношения выявляют стоимость труда, и в зависимости от этого определяется положение человека, материальное и социальное. Но, действуя такими грубыми методами, создавая психологическое и политическое напряжение, реклама начинает играть в обществе дезинтеграционную, разобщающую роль.

«Вот они — предприниматели, вот они — буржуи... Виллы на Канарских островах покупают!» — скрипит зубами перед телевизором наш «средний» гражданин.

И справедливо... Потому что бизнесмен, размещая рекламу, не позаботился ни о нем, ни о его жене, ни о его детях. А в рекламе каждый хочет видеть себя — и жена, и внучка, и бабушка. И не потому, что они ждут клипа о стиральном порошке, игрушках или вязальных спицах. Реклама должна фиксировать в сознании каждого: «Да, я не пользуюсь услугами этой фирмы, но я знаю, что она работает на общество и на меня, как на члена этого общества».

Вот, например, как решили эту проблему молодые польские кинематографисты, для которых рекламное дело — тоже напрочь забытое старое. Скверная погода: зябко, пасмурно, да еще и дождь начинается. Укрываясь от непогоды, прохожий заглядывает в банк. Просто потому, что это — первая дверь на его пути. Отворив ее, он делает для себя открытие: в банке, оказывается, очень хорошо — кондиционер, мягкое освещение, приятный интерьер, приветливые улыбки девушек за стойкой. Посетитель не производит никаких операций — просто пережидает дождь и покидает банк с первыми лучами выглянувшего из-за туч солнца.

Западные бизнесмены давно привыкли подчеркивать социальную значимость своей фирмы. Их слоганы (рекламные девизы) непременно подчеркнут важность товара или услуг для всего общества и каждого его члена: «Лучшие вещи для лучшей жизни благодаря химии» («Дюпон»); «Пусть люди из «Монтсанто» поработают для вас»; «Мы делаем вещи, которые сближают людей» (фирма, выпускающая телефонные аппараты); «Дружественный мир гостиницы «Хилтон»; «От подвала до чердака: лифты фирмы «Отис».

У нас в этом плане тоже появляются кое-какие проблески: «Мы движем недвижимость» (фирма «Бансо»); «Господа, ваши ананасы еще зреют, ваши рябчики еще летают, но ваше радио уже звучит!» (радио «101»); «Сделаем мир немного чище» (Биржа вторичных ресурсов).

А вот еще хороший лозунг: «Вместе мы добьемся большего». Очень бы мило, если бы не прямое заимствование из американской рекламы.

Красть, конечно, грешно, но когда годами, десятилетиями было только: «Летайте самолетами «Аэрофлота» (можно подумать, я могу выбрать «Люфтганзу»), «Храните деньги в сберегательной кассе» (нет, я предпочитаю «Чейз нэшнл»), «Покупайте бриллианты в магазинах Ювелирторга» (меня больше устроит «Де Бирс»), — тогда невольно тянет припасть к свежему источнику.

Но, по своей необразованности, мы и перенимать-то толком не умеем — вот и черпаем все, что придется, вместе с осадком чужих ошибок. Да, видно, судьба наша такая — донашивать шляпки за буржуазией (по меткому выражению Г.Лисичкина).

Позаимствовали, к примеру, традицию перебивать художественные фильмы рекламными спотами. Манера сама по себе — хамская. Ну ладно, деньги нужны для нашего же с вами блага — закупки новых сериалов, как объясняют деятели телевидения. Но о соседстве-то можно позаботиться! Скажем, женатый герой говорит своей молодой подружке: «Для наших встреч, дорогая, нам нужно подыскать квартиру». В это время на экране появляется бегущая строка: «Фирма снимет для вас квартиру в Москве». Пожилые дамы в шоке. Вспоминается эпизод многолетней давности. По канадскому телевидению демонстрировался фильм, где героя, прекрасного парня, несправедливо приговаривают к смерти через газовую камеру. На этой ноте, где вообще следовало бы воздержаться от вторжения, вклинивается рекламный сюжет фирмы, выпускающей газовые плиты. Возмущенная фирма подала на прокатчиков в суд.

Есть множество видов рекламы, у каждой из которых — свое назначение, своя роль в этой жизни. Одна из них — реклама-напоминание. Годится только для известных фирм — мелькать на уличных щитах, плакатах, экране телевидения одним лишь названием: «Панасоник», «Форд», «Дзинтарс». Подробности опускаются — они хорошо знакомы потребителю. У нас же эту моду взяли никому не известные компании, организации, частные лица. До сих пор не могу понять, что такое «Всесоюзный регистр» — страховое общество, симфонический оркестр, банк или сорт сигарет?

Кстати, о напоминании. Некоторые отечественные фирмы, сняв удачный клип и прокатав его несколько месяцев по телевидению, затем бесследно исчезают из поля видимости. Что это означает? Фирма обанкротилась? Кончились деньги на рекламу? Или она нахватала заказов (кстати, за счет зрительского времени) и плюнула на нас с вами?..

Абсурдно сравнивать российский рынок с американским, но все же позволю себе напомнить, чем обернулась самонадеянность компании «Кока-кола». В годы, когда она была крупнейшим рекламодателем, ее менеджеры неосмотрительно срубили треть ассигнований на рекламу. Результаты не замедлили сказаться: трети аудитории — как не бывало. За этим последовали другие неверные шаги, попытка изменить имидж, форму бутылки и прочее, но начало положило пренебрежение к рекламе-напоминанию.

МОЛНИИ И СВЕТЛЯЧКИ

Впрочем, нам до таких головокружительных кульбитов далеко. Научиться бы делать рекламу, похожую на рекламу, а не на инструкцию к пылесосу или малохудожественный фильм. Прежде всего необходимо знать, что главная задача рекламы — создать позитивную установку к товару, услуге или политической идее. Достигается это формированием определенного имиджа. Его еще называют образом, но хочется подчеркнуть, что этот термин, не случайно введенный в наш научный оборот, означает образ не просто стихийно складывающийся, а управляемый, формируемый. Технология создания имиджа весьма сложна. Порой нашим рекламистам это просто неизвестно.

Создается имидж двумя путями: через процесс идеализации или процесс абсолютизации. При последнем какая-то черта выпячивается, увеличивается, выносится на первый план. При идеализации же объект искусственно наделяется какими-либо свойствами. В результате у потреби-

теля возникают некие приятные ассоциации, которые, по сути, никакого отношения к функциональным качествам товара, услуги не имеют. Но тем не менее впечатление неразрывно связывается с данным объектом. Классический пример: сигареты «Мальборо». Ни свойства табака, ни история фирмы никак не связаны с ковбоями. Но средствами рекламы создан устойчивый образ сигарет для крепких парней, настоящих мужчин, словом, ковбоев.

В нашей практике рекламная идея редко переводится на язык имиджа. В основном все сводится к тому, чтобы сделать рекламу занимательной, увлекательной, запоминающейся. Получается, что реклама вроде бы сработала, запомнилась, но какой товар или услуга были главным действующим лицом, вряд ли кто усвоил.

В имидже нет ничего второстепенного. Даже мелкая неточная деталь может разрушить хорошо выстроенный образ. Могут возникнуть незапланированные ассоциации, которые сведут на нет все искусство рекламиста. Эта система ценностей потенциальных потребителей должна быть хорошо изучена специалистом по рекламе. Ведь саму рекламу можно рассматривать как конечный результат определенного социально-психологического исследования (маркетинг данной социальной среды, ее приоритеты, система ожиданий, настрой и т.д.).

Похоже, руководители отечественных фирм редко заботятся об их названиях, а ведь это — отправная точка в формировании имиджа. Сегодня стало модным вводить в названия иностранные слова. Но подбирая английское слово, надо, по крайней мере, проконсультироваться с человеком, знающим этот язык. Странное впечатление производит название фирмы «Сэлдом», что по-английски означает «редко»... Может быть, кому-то покажется благозвучным название находящейся в Москве компании «Котекс». Но «Котекс» — это зарегистрированное название специальных гигиенических принадлежностей для женщин в определенные периоды. А ведь данная компания — внешнеторговая. Что-то о ней подумают зарубежные партнеры...

Еще одна важная функция имиджа — идентификация фирмы. В России около трех тысяч банков, все они выполняют практически одни и те же функции. Тем не менее всегда можно найти какую-либо идентификационную идею, которая отличала бы этот банк (пусть не функционально) за счет привязки определенного имиджа. Из всех финансовых структур я, например, запомнил лишь систему бирж «Алиса». И только потому, что там присутствовал хоть какой-то индивидуальный знак — собака. Хотя, признаюсь, мне не очень-то нравилось, что она на меня зевала.

Все часы показывают одно и то же время. Тем не менее у одних — имидж «старинных», антикварное оформление которых — воплощение истории фирмы, насчитывающей более двухсот лет («Патек Филип»), у других — эстетически престижный имидж («Картье»). Часы «Таймекс» надежны, прочны и дешевы.

Под этот устойчивый образ товара сочиняются рекламные тексты — слоганы. Самым трудным из литературных жанров назвал рекламу английский писатель Олдос Хаксли. Еще бы. Идея, лаконично и образно сформулированная, должна увлечь потенциального потребителя и служить средством продвижения товара, а отнюдь не самовыражения режиссера. Классик рекламы Дэвид Огилви сказал: если я запомнил саму рекламу, а не товар, значит, это плохая реклама. Заметим, однако, что рекламу, сделанную самим Огилви, помнят все: «Самый громкий звук, который вы слышите в салоне роллс-ройса на скорости в сто миль — это тиканье часов. Но фирма работает и над этой проблемой».

Однако вернемся в наше отечество. Мне неоднократно доводилось быть председателем жюри на конкурсах российской видеорекламы. И всякий раз вспоминались слова Марка Твена о том, что разница между почти точным словом и точным словом, как между светлячком и вспышкой молнии. На этих конкурсах мерцали в лучшем случае светлячки.

Многим импонирует реклама банка «Империал»: там и Наполеон, и Цезарь, и Людовик, все красочно, постановочно, масса мизансцен, любопытных деталей. И работает на престиж... режиссера, очень неплохого, надо сказать. Но где банк? Ладно, можно было бы смириться и с такой версией, выбери создатели трилогии черту, действительно характеризующую банкира. Но они, загипнотизированные непонятно почему полюбившимся им афоризмом, настойчиво обыгрывают одно качество — точность. Может быть, по чисто формальному признаку: «Точность — вежливость королей», а банк — «Империал»? И — мимо. Банк, это в первую очередь надежность.

Надежность волнует клиентов (а не то, что их обсчитает бухгалтер).

Точность же — профессионализм рекламиста.

От автора

Мир, разделенный на мужчин и женщин, актеров и зрителей, автомобилистов и пешеходов, делится, конечно, на потребителей рекламы и рекламодателей. И если свое выступление я посвятил и тем, и другим, то мой постскриптум — для тех, кто заботится о репутации родной фирмы.

Наблюдая нередко, как и где размещаете вы свою рекламу, на какую аудиторию нацелено то или иное выбранное вами средство массовой информации, кажется порой, что ваша фирма собирается жить два-три месяца. Слово «планирование» вызывает у вас идеосинкразию. Тем не менее, любое предприятие на Западе имеет отдел планирования, который точно знает, в какой модификации товар будет пользоваться спросом через пять-десять лет. У Форда есть перспективные модели, которые он собирается выпускать через 15 лет (с соответствующими коррективами, разумеется). Одним словом, разрабатывается не только тактика, но и стратегия маркетинга.

Думаю, среди вас, господа предприниматели, финансисты, коммерсанты, немало тех, кем движет чувство, что ваше предприятие выживет, будет развиваться, благоденствовать. Недаром слово «будущее» часто встречается в ваших рекламных девизах.

Читатели журнала фантастики — предприниматели, ученые, техническая интеллигенция, студенты — это действительно, в силу склонностей, те люди, которые смотрят в будущее, обладают перспективным мышлением. Если ваша фирма заинтересована не в том, чтобы, продав партию компьютеров, открыть казино, а всерьез и надолго утвердиться на рынке, аудитория «Если» — ваша аудитория. Кстати, аналогичные американские журналы переполнены рекламой новых технологий, современной бытовой, множительной техники, компьютеров новых поколений.

Лишь отчасти справедливо утверждение, что реклама обслуживает наши сегодняшние потребности. Поддерживая их, она, опережая ожидания, создает новые. Реклама должна научить людей жить в цивилизованном мире, пользоваться цивилизованными услугами, товарами, должна выдвигать цивилизованные, подлинно демократические политические идеи. Найдем же свое место в этом мире.

Грегори Бенфорд

Левиафан

За ними что-то гналось.

Бет это ничуть не беспокоило.

— Рикки, — лениво поинтересовалась она, — что ты чувствуешь?

Рикки обмотал ветку цепким хвостом и, подтянувшись, появился над живой беседкой из приторно пахнущих цветов и лиан, где они укрывались.

— Мускус. Горечь. Пот.

— Воздушный паук?

— Хуже. Не знаю, кто.

Рикки оттолкнулся, высоко взмыл, воспользовавшись слабой гравитацией, ловко перевернулся и приземлился всеми шестью ногами на колючую ветку.

— Вызови мать, — сказал он, подергивая ушами.

— Хорошо.

Дернув себя за ухо, Бет настроила микроволновый передатчик под кожей на частоту матери. Она пересказала ей опасения Рикки, и в ее голове зазвучал шелковистый голос матери:

— Я уверена, что вдвоем справитесь с любым, кто живет внутри Левиафана. Я не позволяла развиться новым видам.

— А ты вспомни того летучего кота. Он же мне руку откусил, мам.

— Но ведь я ее заменила, — оскорбленно напомнила мать.

— Знаю, знаю. Ты еще сказала, что это ценный для меня жизненный опыт.

— Так оно и есть.

Бет приподняла оранжевые брови и отключила передатчик.

— Что скажешь, Рикки-тики-тави?

— Ближе. Сильнее. Трое.

— Давай нырнем в облака.

Они взлетели, включив маленькие ракетные ранцы. Заросли желто-зеленых джунглей сначала раскинулись внизу, потом образовали свод над головой, словно далекий мерцающий потолок. Когда они пролетели над поблескивающим озером, их окутал туман. Теперь они находились в самом центре Левиафана. Чашу из пышной листвы местами пронизывали широкие воздушные проходы, пропускающие внутрь желтые столбы солнечного света. Оказавшись под хлопковым слоем облаков, Бет стрелой метнулась к воздушным туннелям.

Они мчались наружу по радиальной трубе, отталкиваясь от стен и набирая ускорение за счет вращения Левиафана. Стены трубы казались плотным влажным пологом и кишели разнообразной попискивающей живностью. Лоснящаяся летающая крыса метнулась на них с оливковой ветви. Она летела поперек ветра, расправив голубой, как яйцо малиновки, главный парус, и стремительно приближалась к Рикки.

Это и было ошибкой. Рикки взмахнул рулевым хвостом и выставил вперед когти. Крыса попыталась сложить парус вдоль мачты, но слишком поздно. Рикки сделал вираж и хлестнул по парусу хвостом, разорвав его — на голубом полотне расползлось красное пятно.

— Четко! — воскликнула Бет, когда крыса взвизгнула и бросилась прочь.

— Трое все еще сзади, — крикнул Рикки.

— Оторвемся.

Наверное, какой-то новый вид, подумала она. Биотехники конструируют космическую живность на основе земных животных. Даже у Левиафана есть ментальный шаблон плюс неокортесковые вставки.

Бет нравилось свободно планировать, подставив распростертые крылья ровному дыханию Левиафана. По этим пустотелым трубкам в теле гигантского цилиндрического вращающегося животного мчались газы, перегоняемые его внутренними поверхностями. Пахучие, влажные — но и живые от множества мигрирующих мини-птиц, роящихся в потоках воздуха, подобно радужным всплескам.

Она любила навещать мать, когда та работала. Левиафан был огромным живым кораблем и ежесекундно требовал от ее матери сложного экоконтроля. Но, поскольку ни один подобный суперорганизм не мог быть абсолютно безопасным, сам его воздух был напоен будоражащим предчувствием борьбы. Возбуждение смешивалось с теплым ощущением любящих объятий матери.

Они устали, достигнув оболочки Левиафана, и отыскали на ней смотровой купол. Рикки подвернулся угловатый пурпурный фрукт, и они зачмокали губами, высасывая из него сок. Сквозь кристаллические стены купола Бет разглядывала бесчисленные стаи космической живности, на которые набегала тень вращающегося Левиафана.

Да, уродцы. Грубая, бородавчатая черная кожа. Огромные оранжевые глаза. Панели, впитывающие слабый солнечный свет. Плотно сжатые рты; тела, раздутые внутренними газами. Тройные позвоночники, искусная геометрия, напоминающая парусные суда. Всего лишь столетие биотехники лежит между этими довольно простыми конструкциями и невероятной сложностью Левиафана.

Рикки, указывая на что-то, вытянул палец-прутик. На фоне космоса он был похож на помесь выдры и хорька (послужившего для него прототипом), но высокий лоб и постоянная ехидная улыбка указывали на его истинный уровень интеллекта.

— Комета. Лови.

— Ага! — Бет вытерла рот рукой. — Мама будет рада.

Левиафан полыхнул сзади большим фонтаном желтовато-белого пара, стремясь догнать кувыркающуюся впереди глыбу льда. В полупрозрачных трубках забулькала перекись водорода, смешиваясь в воронкообразных камерах с раствором катазы. Бет ощутила ровное дыхание. Столь далеко от солнца — когда даже величественный Сатурн выглядит маленьким холодным бело-голубым пятнышком — органические ракеты были лучшими двигателями.

Холод просачивался даже сквозь многочисленные кристаллиновые слои купола. Бет оттолкнулась, устремившись к теплому ветерку, дующему из брюха Левиафана. Центробежная сила укоротила дугу ее полета — и это спасло ее.

На нее бросилось нечто лоснящееся, ржаво-красное. Оно сложило вдоль тела лапы-треножник, выставив вперед зияющую розовую пасть с мелкими поблескивающими зубами, но пасть захлопнулась, ухватив лишь воздух. Бет принялась вращать руками, подтягивая ноги, и пронеслась буквально на волосок от зубов.

Она никогда еще не видела таких чудищ. Оно вцепилось в Рикки, а тот впился когтями ему в спину. Их т р о е. И тут же из зарослей выскочил второй. Бет взмахнула рукой и метнула нож. Существо обмякло и проплыло мимо: нож насквозь пронзил шею. Рикки стискивал горло первого мертвой хваткой. Бет успела заметить третьего. Три его ноги метнули вперед красный хлыст с грузом на конце. Хлыст ударил ее по руке, и кожу словно обожгло. Он обвил руку, а, когда Бет рывком попыталась освободиться, в кожу впились острые шипы.

Если не можешь вырваться, вспомнила Бет, надо нападать. Она дернула хлыст к себе и, согнув ноги, нанесла удар, с удовлетворением услышав хруст и треск — при низкой гравитации особой прочности тела не требовалось.

Существо взвыло и умчалось прочь. Противник Рикки висел мешком, во рту болтался посиневший язык.

— Радость, — сказал Рикки.

Бет потерла пожелтевший рубец на руке и вызвала мать.

— Шутки шутками, мама, но это уже чересчур.

— Должно быть, я проглядела эту мутацию, — взволнованно отозвалась мать: — Наверное, их споры проникли внутрь во время случки Левиафана.

— Так Левиафанов ж е н я т?

— Им только этого и надо. Они все время вынюхивают, нет ли поблизости другого. Вспомни, ведь мозг Левиафана создан на основе мозга животного. Мы изменяем их, делаем умнее, но сохраняем базовые мотивации. Потому что их проще растить, чем изготовлять.

Бет заметила, что из-под ребер Рикки сочится кровь.

— Послушай, Рикки ранен!

— Рикки создан так, что сам залечивает свои раны.

— Пусть наши животные умнее, — сказала Бет, — они все равно страдают от боли.

Рикки прижал уши, не соглашаясь:

— Боль — это долг.

— Но Рикки...

— Любовь — это долг, — сказал Рикки.

— Я совсем запустила полную инвентаризацию корабля, — сказала мать.

— Извините. Сейчас...

К удивлению Бет, перед ней появилась мать. На этот раз она воспользовалась стаей крысоптиц. Птицы поднялись из зарослей красно-коричневыми облачками, которые собирались воедино, образовав колеблющийся в воздухе гобелен. Хлопая крыльями и крича, стая сформировала грубое подобие человеческой фигуры, лицо которой, составленное из парящих птиц, постепенно стало знакомым. Нежные, немного неправильной формы губы, царственная голова, уничтоженная в результате несчастного случая. Остались лишь разум матери и ее органы чувств, потерявшие остроту ощущений, но способные управлять Левиафаном.

— Так много деталей! — прошептал в мозгу Бет голос матери. — Я просто не успеваю. Боюсь, я слишком увлеклась сбором комет. Левиафан доволен нашим успехом.

Бет посмотрела вперед и увидела, что они догоняют ядро кометы. На таком расстоянии от Солнца она казалась всего лишь грязно-белой ледяной глыбой. Бет порадовалась за мать, у которой каждая нервная цепочка восстановленного мозга была загружена заботами о Левиафане. Воссоздав себя в виде реплики из птиц, она сделала трогательный жест. Но едва Левиафан начал счищать с астероида первые слои, Бет удивленно раскрыла глаза.

— Мама, посмотри на это темное вещество. — Бет показала рукой направление, хотя знала, что мать сможет увидеть все гораздо лучше, подключив зрение прямо к глазам Бет. — Видишь? Стоит лишь соскоблить верхние несколько метров, и останется только голая скала.

— Жаль... — разочарованно отозвался шелковистый голос в голове девочки. Бет нахмурилась. Вся система жизнеобеспечения зависела от доходов, которые мать получала, продавая лед внутренним планетам. Левиафан должен был окупать себя.

Бет ощутила огорчение матери — раздражающие, мутно-коричневые потоки эмоций, и это заставило ее пнуть стенку купола, чтобы вызвать разум Левиафана. Вскоре она почувствовала, как на фоне мыслей матери сонно зашевелились мысли Левиафана.

— Эй, ты! Найди-ка мне большую, богатую комету, слышишь? Сейчас же!

Левиафан содрогнулся и послушно загрохотал двигателями.

— Он ведь всего лишь животное, дорогая, — сказала мать.

Бет кипела. Глупые животные. Надо будет воздействовать на сознание предков Левиафана, задать им цель. Так кто там был его предком? Ну, конечно...

— Хороший пес! А теперь — ищи!

Перевел с английского
Александр ВОЛЬНОВ

Татьяна Никулина

НАЙДИТЕ ПАРУ ДЛЯ ФАРАОНА

В конце концов таинственный космический Левиафан обернулся давным-давно знакомым «другом человека». Это, конечно, трогательно, но выведение левиафанов пока остается делом отдаленного будущего (да и вряд ли современные кинологи одобрили бы экстерьер этого зверя), но вот какие породы собак появляются сейчас? Или хотя бы какие новые породы появляются у нас в России, в Москве? Об этом рассказывает Татьяна Никулина, кинолог, председатель московского клуба «Фауна».

В реестре международной кинологической организации зарегистрировано около четырехсот пород собак. До начала перестройки в Союзе было распространено от силы полсотни пород (если я и ошибаюсь, то ненамного), и это связано опять-таки с «железным занавесом». Удивительно, но в собаководстве, как в осколочке зеркала, отражается все, что происходит в нашем государстве: те же центробежные разобщающие тенденции, что и в политике, те же «суверенные» амбиции, а у наиболее консервативных организаций, которые в мире кинологии тоже есть, все те же диктаторские планы, стремление возглавить все движение — ну просто все один к одному.

Наш клуб появился в 1986 году, отпочковавшись от МГОЛСа (Московского городского общества любителей собаководства), так как нас не устраивала консервативная манера вести дела. Хотелось серьезных профессиональных контактов с зарубежными клубами, новых связей, интересных выставок. До этого в Москве было всего два клуба: ДОСААФ, который занимался служебным собаководством, и МГОЛС. Мы были первыми, кто создал что-то свое. Сейчас в «Фауне» больше четырех тысяч членов, представлены собаки 57 пород — прежде всего служебные, декоративные, борзые. А объединений собаководов только в Москве уже десятки.

Тем не менее, как и граждане «большого» общества, кинологи стали понемногу приходить к сознанию, что надо объединяться, иначе мы развалим всю племенную работу. До последнего времени собак в Россию привозили очень мало, мало новых пород, новых кровей. И лишь лет пять назад, когда упростились проблемы, связанные с выездом за рубеж, хлынул поток. С тех пор какие-то породы получили развитие и распространились, а какие-то до сих пор считаются либо редкими, либо малочисленными, хотя в мире они далеко не всегда являются таковыми.

«В почти кинематографически быстром течении нашей жизни современный человек время от времени хочет почувствовать, что он пока еще остался самим собой. И ничто не даст ему столь приятного подтверждения этому, как «семенящие сзади четыре ноги», — писал этолог, Нобелевский лауреат Конрад Лоренц. Хотя он же (довольно ехидно) замечал, что как среди женщин идет постоянный отбор по красоте, и в результате красавицы бывают глупыми, так и среди собак — вот тут я с ним не согласна

Да, самые умные, я думаю, дворняжки. Здесь идет жесточайший отбор, и выживают собаки с наиболее гибкой психикой, самые сообразительные. Помеси часто дают прекрасные экземпляры в смысле физическом, они могут быть полны чувства собственного достоинства, умны, преданы хозяину. Но их нельзя разводить, ибо эти качества не передаются по наследству.

Потому так ценятся высокопородные собаки. Что значит «порода»? Полное соответствие физических, умственных и, если хотите, моральных возможностей собаки тем задачам, для решения которых она была выращена. Причем эти качества наследуются. Если, предположим, ризеншнауцер — в нашем доме сейчас пара собак этой породы — был выведен для службы, он должен быть мускулистым, с прекрасным костяком, анатомически правильно сложенным и, конечно, умным. Или, допустим, борзая — длинная, узкая. Все подчинено скорости...

Новые породы появляются сейчас очень редко, потому что уже существующие отвечают в принципе самым разным вкусам и способны выполнять самые разные задачи. Тем не менее, если кого-то что-то не удовлетворяет, это может дать толчок к работе над новой породой. Импульс может быть и другим — допустим, в СССР были чисто амбициозные попытки создания новых пород, вряд ли продиктованные чем-то, помимо стремления иметь **нашу** собаку. В сталинские времена, например, пытались вывести московского дога — получилось нечто неполноценное, породу закрыли. Пытались вывести и «своего» водолаза, скрестив известного всем ньюфаундленда с кавказской овчаркой. Не удалось, оригинальные породы были лучше помеси.

Осталась московская сторожевая, соединившая крови сенбернара и кавказской овчарки. Она не пользуется популярностью, на мой взгляд, потому, что изначально не определена задача, для чего, для каких целей выводится такая собака: это искусственная порода.

Но есть и очень удачные попытки отечественных кинологов, например, черный терьер. Охранная служебная собака, соединившая три крови — ротвейлера и ризеншнауцера в первой генерации, а затем эрдельтерьера. Кстати, эта порода сейчас пользуется огромной популярностью в мире, можно сказать, на нее ажиотажный спрос (хотя это может объясняться просто модой на экзотику). Достижение отечественных кинологов-декораторов — московский длинношерстый той-терьер. Очень симпатичная собачка — игрушка с лохматыми ушками. Правда, в международном реестре ее до сих пор нет,поскольку наши собаки никуда не вывозились и не выставлялись.

РАЗУМЕЕТСЯ, мода играет большую роль в распространении породных собак. Что в связи с этим изменилось в Москве?

Появились **стаффордширские бультерьеры** — и сразу стали популярными, особенно среди «крутых» ребят нового поколения. Это бойцовая собака (выведена в Англии специально для некогда популярной травли быков и медведей), вокруг которой сейчас идет небольшой скандал: Общество охраны животных добивается запрета на собачьи бои (подобный запрет, кстати, существует во многих цивилизованных странах), а наши новые не самого высокого полета коммерсанты очень полюбили это развлечение. Кровь, драка...

Официально такие бои, насколько я знаю, не санкционированы, но они проходят в Сокольниках и на частных дачах, для «своих». В Англии эту породу вообще запретили к разведению, поскольку собака агрессивная, может даже напасть на человека.

Порода получена в начале прошлого века в результате скрещивания английского бульдога вероятнее всего со староанглийским черноподпалым терьером. Вес кобеля — 12,5-17 кг, суки — 11-15,5 кг. Рост 35,5-40,5 см.

У той же публики очень большим успехом пользуется **ротвейлер,** массивная и подвижная черноподпалая собака английских мясников. Их держат прежде всего для охраны. Откровенно говоря, я не люблю эту породу — при соответствующем воспитании из такой собаки нетрудно сделать «машину для убийства». Рост кобеля — 63,5-68,5 см, суки — 58,5-63,5 см.

А вот **ризеншнауцер** удивительно сочетает почти кошачью ласковость и отвагу, даже агрессивность. Это «моя порода». Впрочем, она не является ни особо модной, ни редкой. Если цена на щенка бультерьера может достигать 150-200 тысяч рублей, то самый высокопородный щенок ризена даже при нынешних ценах вряд ли будет стоить больше пятидесяти — семидесяти тысяч. Кстати, приведенные цены никем не установлены, наш клуб считает, что цена — личное дело племзаводчика.

Безумно дорогие собаки **мастифы** и **мастино.** Мастиф — порода древняя, известная с античных времен. Сейчас этих рыхлых, короткошерстных тяжелых собак приводят из Германии, Англии. Они очень крупные: рост кобеля до 76 см, суки — до 70 см. Мастино, или неаполитанских мастифов, чьи размеры чуть меньше, но тоже весьма значительны, везут из Италии. При внушительной устрашающей внешности и мастиф, и мастино собаки спокойные. Надо сказать, что породы эти выведены для содержания на улице в странах с мягким климатом — у собак складчатая кожа, и в складках собирается запах, так что в городской квартире животные вряд ли чувствуют себя очень хорошо. И хозяевам, видимо, нелегко, однако престиж перевешивает.

И уж совсем престижно иметь **ирландского волкодава,** это одна из самых крупных собак в мире. Использовалась она, как явствует из названия породы, для травли волков в Ирландии. Мощный, впечатляющий облик; рост кобеля 81-86 см. Как легко догадаться, псу нужен простор и хорошая кормежка, так что эта собака «для богатых». Кстати, щенка ирландского волкодава за рубли и не купишь. Цена где-то около 200 долларов. Но в принципе у нас собаки, по сравнению с мировыми ценами, очень дешевы — по нашей глупости и по нашей бедности. Хороший высокопородный щенок может стоить в Европе полторы тысячи долларов.

Появились в Москве и **комондоры,** огромные, как бы состоящие из грязно-белых шнуров, которые спускаются до земли. Это венгерская пастушья собака (рост кобеля около 80 см, суки 70 см). Чисто внешне у меня эта порода вызывает смятение, я не очень понимаю людей, которые заводят в квартире пса, страшно похожего на кучу швабр, сваленную на полу.

Еще одна мощная, солидная, красивая пастушья собака появилась недавно у нас: **бувье де франс.** По виду напоминает ризеншнауцера, но не стрижется.

Из декоративных собак очень модными и дорогими являются **мопсы,** хотя редкими их, наверное, уже не назовешь — они быстро распространяются. Квадратная, крепко сбитая, мускулистая и в то же время элегантная короткошерстная собачка бежевого, серебристого окраса, вес которой колеблется в пределах 6,4-8,2 кг. У мопсов есть совершенно человеческая особенность — они храпят во сне.

Совсем недавно объявилась в Москве редчайшая древняя порода, **мексиканская голая собака.** Зимой я впервые видела такую у нас на выставке. Смешное забавное существо: голая кожа и чубчик на голове. Нормальная температура тела у этих собак 40,5°С, а традиционная пища — овощи и фрукты.

В обществе «Фауна» зарегистрирована первая — фантастической красоты — **мальтийская болонка.** В России их раньше просто не было. Маленькая (рост около 25 см), с роскошной белой шерстью почти до пола. На картинках ее многие видели, но «живьем» это производит впечатление: собака двигается, будто волна.

Есть теперь в Москве и фараон, то есть **фараонова собака,** — представитель древнейшей в истории человечества породы (изображения этих собак встречаются на египетских саркофагах). Великолепный охотничий пес с точеным телом (рост кобеля 56-63,5 см, суки — 53-61 см). «Наш» кобель получен хозяйкой в подарок от зарубежных друзей. Он, увы, единственный на всю Москву, так что о щенках даже разговора нет.

Вообще, когда в страну ввозится новая порода, нужно не менее трех собак, чтобы начинать племенную работу. Но редко кто привозит собак целенаправленно, все решает случай и вкус владельца. Поэтому без пары пока в нашем городе удивительный красавец **золотистый ретривер** (по одной из версий начало породы дали русские цирковые собаки) и **бородатый колли.**

О СОБАКАХ можно говорить бесконечно, тем более что, хотя жизнь стала гораздо труднее, собак-то — за Москву ручаюсь, но, думаю, и по всей России тоже — стало больше.

Чтобы не повторять общие слова, расскажу историю, которая случилась, когда мы с мужем, Юрием Владимировичем Никулиным, работая в цирке, делали репризу под условным названием «Шапки». Юрий Владимирович и Михаил Иванович Шуйдин были на манеже, Юра сидел на стуле и читал газету, а на голове у него была кепка. Из кулис выбегала собака, рыжий ирландский сеттер по кличке Люкс. Он был очень экспансивный, темпераментный. Вылетал на манеж, ляпался лапами на спину клоуна, сдирал зубами шапку — а Никулин, по идее, должен был думать, что шапку сдирает Шуйдин, и возникал конфликт между ними. Затем Юра доставал из кармана следующую кепку и продолжал читать. Наконец на четвертой шапке клоун оборачивался, видел перед собой улыбающуюся собачью морду, падал в обморок, собака вытаскивала у него из-за пазухи последнюю шапку и убегала.

На одном из спектаклей Юра вышел, сел на стул, надел шапочку и развернул газету. Мы скомандовали Люксу: «Вперед!» Он пробежал метров пять — половину расстояния, — потом буквально на цыпочках подошел к стулу, аккуратно встал лапами на самый краешек спинки, потянулся, кончиками зубов снял кепку и убежал обратно. Мы ахнули: что происходит? Оказалось, когда Юра сел на стул, то почувствовал острый приступ радикулита. И вот он сидел и ждал, что подбежит Люкс, ударит его, как обычно, лапами в спину, и он упадет от боли. Люкс «понял».

Он аккуратненько унес кепку, а Юру унесли на стуле с манежа.

Большую часть нашей жизни мы держим дома собак. Были и дворняжки. Была фокстерьер Кутя, опять же подобранная на улице, очаровательный зверь с яркой индивидуальностью. Последние годы держим ризеншнауцеров. Бывает по-всякому, приходилось и терять собаку, но тут же заводим новую, потому что без собаки я не могу.

...Недавно приехали соседи из Канады и рассказали, что там все породные собаки кастрированы, кроме тех, которые еще щенками отобраны на племя. На улицах собаки не лают, не бегают, не играют. Тишина и благопристойность. Дворняжек нет — откуда им взяться?

Нам до подобного прагматизма далеко. И слава Богу!

Записала
Елена МИХАЙЛОВА

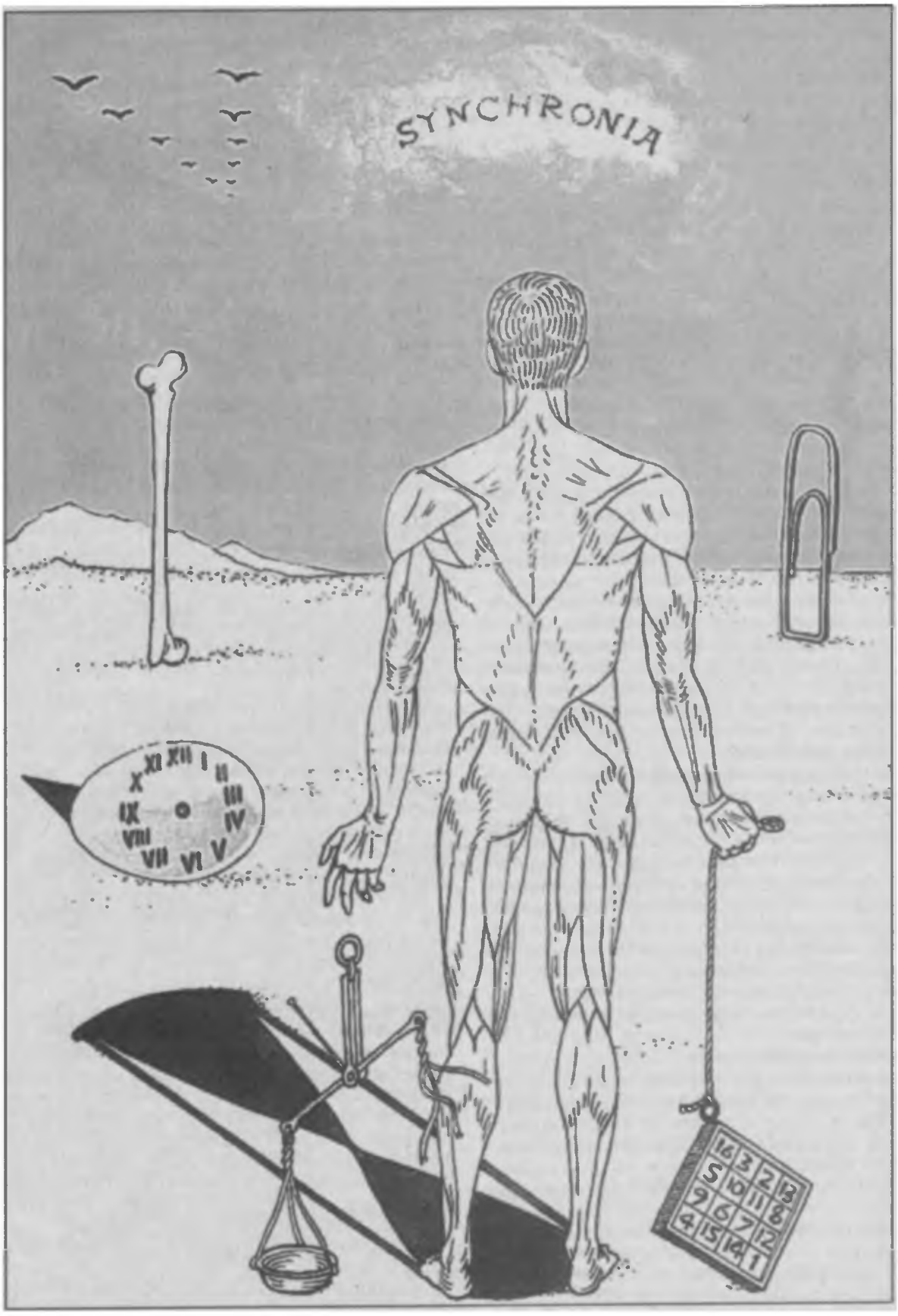
«Зачем нужно читать эту книгу, чтобы узнать, как завоевывать друзей? Почему не изучить приемы величайшего завоевателя друзей, какого только знал мир? Кто он такой? Вы можете встретить его завтра на улице. Когда вы приблизитесь к нему на расстояние десяти футов, он начнет вилять хвостом. Если вы остановитесь и погладите его, он будет вне себя от радости, стараясь всячески показать вам, как сильно он вас любит. И вы знаете, что за этой демонстрацией привязанности с его стороны нет никаких скрытых мотивов: он не хочет продать вам какую-либо недвижимость и не имеет намерения вступить с вами в брак.
Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, почему собака — это единственное животное, которому не надо работать для того, чтобы жить? Курица должна нести яйца, корова — давать молоко, канарейка — петь. А собака зарабатывает себе на жизнь тем, что дарит вам только любовь».

Дейл Карнеги.
«Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей».

ГЕНЫ ВМЕСТО ЛЕКАРСТВ?

Преодолеть врожденную болезнь, тем более изменить природу человека или другого живого существа — до недавнего времени это было чистой фантастикой. Когда появилась генная инженерия, подобные фантазии обрели под собой вполне реальную почву, превратившись в перспективное научное направление.
В этом номере вы найдете два произведения, сюжет которых опирается на генные изменения: «Черед Тайсона» Майкла Д.Миллера, где люди дошли до «специализации» по профессиям, и «Левиафан» Г. Бенфорда, где космические корабли... выращивают, так как это более экономично, да и управляются они чужим мозгом.
Ну, а что все-таки происходит в реальности? Оказывается, возникает новое направление — генная терапия.
Возможно, сентябрь 1990 года войдет в историю медицины, как и сентябрь 1967 года, когда хирург Кристиан Барнард произвел пересадку сердца.
Около двух с половиной лет назад в американском Национальном центре здоровья в Бетзеди, вблизи Вашингтона, доктор Френч Андерсон впервые в истории ввел ген четырехлетней девочке из Кливленда. Новая технология, названная «генной терапией», по мнению специалистов, сыграет важную роль в борьбе против рака, СПИДа и наследственных заболеваний.
В январе 1991 года Френч Андерсон начал лечение еще одной больной с помощью подобной методики. В обоих случаях пациентки страдали отсутствием иммунитета и могли жить только в специальных стерильных камерах. Причина этой болезни, сходной со СПИДом, в том, что соответствующий ген не способен вырабатывать нужный фермент (аденозин дезаминаза — АДА).
Вместе со своими коллегами, доктором Майклом Блезом, специалистом по иммунным заболеваниям, и Кеннетом Калвером, экспертом по пересадкам тканей, доктор Андерсон решил лечить болезнь в самой ее основе — не вводить в организм фермент АДА (как делали раньше), а заменить поврежденный ген здоровым.
У девочки обычным способом взяли лимфоциты (белые кровяные шарики) и затем выращивали их в пробирке в присутствии вируса, болезнотворная активность которого была нейтрализована. «Прооперированный» вирус был превращен в «носитель» здорового гена, который у человека управляет образованием фермента АДА. Теперь вирус был готов выполнить предназначенную ему роль: согласно своей агрессивной природе, внедриться в белые кровяные тельца, неся с собой не болезнь, а новый ген.
Измененные кровяные клетки начали размножаться в пробирке, и доктору Андерсону оставалось только ввести их в кровь пациентки.
Вакцинация проводилась раз в месяц, чтобы новые лимфоциты вытеснили старые. В паузах между инъекциями девочка жила дома и чувствовала себя хорошо. Защитные силы организма значительно выросли. Но итоги эксперимента с уверенностью можно будет подвести лишь через несколько лет.
Стивен Розенберг, онколог из медицинского центра в Бетзеди, с января 1991 года пытается лечить подобным же способом больного с тяжелой формой рака кожи — прогрессирующей меланомой. Разница лишь в том, что в этом случае генетически заменяются белые кровяные тельца, чьи природные свойства нарушены раком. При этом к культуре, в которой выращивают лимфоциты, добавляют интерлейкин-8, вещество, повышающее эффективность белых кровяных телец в борьбе с болезнью. Обогащенные таким образом тельца впрыскиваются в организм больного. В течение последних двух лет в США так лечатся уже пятьдесят пациентов, их самочувствие улучшается.
На этом доктор Розенберг не остановился. 8 октября 1991 года он произвел новый эксперимент на 46-летнем пациенте, страдающем меланомой в последней стадии. Идея была такой: канцерогенные клетки самого больного использовать для защиты организма от этого же вида рака! Таким способом, по последним сообщениям Розенберга, он лечит четырех больных меланомой, пять — раком толстой кишки, пять — раком желудка...
Генной терапией можно лечить наследственные болезни, от которых страдают десятки миллионов людей в мире. Половину общей детской смертности в развитых странах дают именно эти недуги.
Их известно свыше четырех тысяч. Наиболее распространенные — гемофилия (несвертываемость крови), миопатия (мышечная слабость), чрезмерное слезовыделение.
В институте Пастера в Париже врачи вот уже несколько месяцев с помощью вакцинации пытаются победить очень тяжелую наследственную болезнь печени, обычно приводящую к быстрой гибели человека. В вену подопытной мыши медики ввели вирус — «такси», который доставил нужный ген. Болезнь (правда, пока у мыши) была побеждена.
До сих пор в таких случаях единственным методом лечения была пересадка печени.
Генная терапия может помочь победить такие болезни, как диабет, некоторые пороки сердца, заболевания сосудов.
В Национальном центре научных исследований США мышам уже пересаживают генетически измененные клетки с болезнью Паркинсона. Обследование животных, прошедших курс лечения, показало значительное обновление клеток мозга.
Энтузиасты новых методов лечения уверены, что генная терапия полностью изменит медицину. К середине следующего века она станет рутинной практикой врачей провинциальных больниц.

Подготовил
Геннадий Фролов



Джеймс Э. Томпсон

Принцип синхронности

Впервые Джо Эндерби заметил, что творится нечто странное, когда его кот вдруг выразил свое мнение по поводу напечатанного в утренней газете. Никогда прежде кот Джо Эндерби такого не делал.

Тут, пожалуй, придется кое-что пояснить. Эндерби, служащий страховой компании средней руки, имел обыкновение сразу после завтрака, до того как отправиться на службу, просматривать утреннюю газету. И вслух комментировать прочитанное примерно в таких выражениях: «Вот это толково», «Этого нам только не хватало!», «Он что, с ума сошел?»

В то утро, когда все началось, Эндерби вытянулся на диване, а Мельхидес, здоровущий серополосатый кот, клубочком свернулся у него на коленях. Как обычно, Эндерби читал утреннюю газету. Изучив отчет о речи члена сената США (имя сенатора разглашено не будет) по вопросам внешней политики, он пробормотал: «Рехнулся этот парень, что ли?»

А кот внушительно и твердо кивнул головой.

Подивившись забавному совпадению, Эндерби с улыбкой спросил Мельхидеса:

— Ты, стало быть, полагаешь, что сенатор совсем свихнулся?

Кот опять кивнул.

Озадаченный — где это видано, чтобы кошки кивали или качали головой в ответ на что бы то ни было, — Эндерби обратился к животному:

— Эй, приятель, что с тобой, что тебя гложет? Хочешь выйти погулять?

На сей раз, словно говоря «нет», кот покачал головой.

Эндерби снова уткнулся в газету и вычитал в ней мнение видного педагога (его имя тоже не будет оглашено), утверждающего: «Студенты-радикалы — сущие фашисты: от них пышет предубеждением против всей расы полицейских». Эндерби произнес:

— Ну хоть капля смысла в этом есть, а?

Он, может, и не обратил бы внимания, что разговаривает сам с собой, если бы не заметил, как Мельхидес отрицательно качает головой.

— Черт побери, неужели ты понимаешь, о чем я говорю?

Кот кивнул.

«Это уж слишком, — подумал про себя Эндерби, — кажется, я совсем заработался». Мелькнула мысль, не зайти ли ему сразу к психиатру, но в конце концов Эндерби решил поехать, как обычно, на службу, а к врачу заглянуть, может быть, днем.

По пути на работу он включил радио и стал быстро нажимать кнопки в поисках чего-нибудь стоящего, переключаясь со станции на станцию:

И тогда генерал Грант отдал приказ... (щелк)

Забить их всех каменьями! (щелк)

За какой же из грехов побиваете вы меня камнями? И они отвечали: за то, что никакого ты добра не творил, побиваем мы тебя камнями... (щелк)

Четвертая станция передавала мягкую успокаивающую музыку без слов, и Эндерби, задумавшись было о странных совпадениях, через несколько минут выбросил эти мысли из головы.

Мелодия кончилась, и прежде чем включить следующую, ведущий рассказал анекдот, в котором упоминались «самолеты, летевшие клином». Как раз в тот момент, когда из динамика доносились эти слова, Эндерби заметил на свободной полосе дороги, впереди и чуть правее, свору собак. На бегу стая вытянулась в идеальный клин.

В компании в тот день дела шли обычно. Вот только с телефонными звонками происходили странности. Первым по номеру Эндерби позвонил мистер Денвер из Кливленда, а вторым — мистер Кливленд из Денвера. Беседуя с последним, Эндерби по ошибке обратился к нему: «Мистер Денвер!» — клиент тут же поправил: «Нет, нет, не фамилия моя Денвер, а я звоню из Денвера! Вы крайне невнимательны!»

Третьим в это утро позвонил некто мистер Дейтон из Буффало. Поговорив с ним, Эндерби не удержался: «Теперь что же! Звякнет какой-нибудь мистер Буффало из Дейтона? Это ж индейцем надо быть, чтоб носить такую фамилию*». Он ошибся. Звонок был действительно из Дейтона. Но звонил не индеец по фамилии Буффало. Звонившим оказался украинец по имени Эрик Бычко.

То была последняя капля. Едва мистер Бычко покончил с делами и дал отбой, Эндерби бросился к сослуживцам, расспрашивая, не было ли у них необычных звонков. И выяснил: одна сотрудница говорила по телефону шесть раз — три раза на проводе оказывался город Вашингтон и три раза штат Вашингтон. Во всех шести случаях клиентами были мужчины, звали которых Джордж.

Другая сотрудница, только что вернувшаяся из отпуска, который она провела в Мексике, разговаривала по телефону пять раз, и все время собеседниками становились люди, говорившие с мексиканским акцентом.

Одному из служащих трижды звонили либо полицейские, либо из полицейского участка; на него

* *Буффало — название диких быков-бизонов, во множестве обитавших в Северной Америке до появления европейцев (прим.перев.)*

же выпал ошибочный звонок — неверно набрали номер: кто-то хотел соединиться с полицейским управлением. Звали служащего мистер Копп.

Эндерби позвонил психиатру и записался на прием после обеда.

Поведав о всех происшествиях за день, Эндерби поинтересовался у доктора Визельхаузе:

— Вы не могли бы подыскать хоть какое-нибудь объяснение, что все это значит?

— Позвольте задать вам один вопрос, — сказал психиатр. — Когда кот реагировал на газетные заметки, его мнение всегда совпадало с вашим собственным?

— Да-а-а... Кажется, так.

— Значит, кот преподносил вам то, чего вы сами желали? Иными словами, вел себя как заботливый наставник?

— По-вашему...

— Да, — отрубил врач. — Это очевидно. Вы страдаете инфантилизмом и повсюду ищете поддержки и одобрения. Этим и вызваны ваши галлюцинации.

Когда Эндерби выходил из кабинета врача, сестра в приемной разговаривала по телефону с человеком по имени Котт.

Вечером к Эндерби на огонек заглянул его старинный друг Сэм Николл, и они принялись обсуждать случившееся за день. Куривший трубку Николл принес с собой импортный табак, крепкий запах которого выгнал кота из дому. Эндерби восхищался другом как кладезем всевозможных, подчас самых невероятных познаний, а потому спросил, чем, по мнению Сэма, можно объяснить сегодняшние события.

Сосредоточенно дымя трубкой, Николл признался:

— Знаешь, а ведь и со мной случилось кое-что непонятное. Я решил поначалу, что это просто совпадение, а дело, надо полагать, сводится к проявлениям синхронности.

— Чего?

— Синхронности. Люди зовут такие случаи совпадениями, но это только сбивает с толку. Это не случай и не случайность. Происходящее в определенное время связано со всем, что в то же самое время происходит.

— Что ты имеешь в виду?

— Есть такая идея, она лежит в основе китайской книги пророчеств «Ай Чинь». Ты бросаешь стебельки, а потом открываешь книгу на соответствующей странице — потому что то, как упали стебельки, связано с тем, что заботило и беспокоило тебя в момент, когда ты их бросал.

— Так, а что заставляет всякое разное случаться в одно и то же время? — спросил Эндерби.

— А-а-а, — назидательно поднял палец Николл, — тут-то и ошибка. Ты все еще ищешь причину вне самих событий. Когда ты задаешь вопрос, а твой кот кивает, ты представляешь дело таким образом, будто кот обрел человеческий разум и понимает твои вопросы. Вроде того, как есть люди, которые считают, что совпадения — это не совпадения вовсе, а какие-то «знамения» антропоморфического Бога, надзирающего за всей Вселенной. Те, кто, стремясь отыскать опору в жизни, наугад раскрывают Библию, рассуждают точно так же. А вот китайцы, которые обращаются за советом к «Ай Чинь», так не думают. Суть не в каком-то Разуме, повелевающем всем и вся, да и не в какой-либо причине вообще, ибо никакой причины *сейчас* нет.

Синхронность — такой же фундаментальный принцип природы, как и причинность. — Сэм помолчал немного, потом принялся рассуждать дальше. — Наверное, значение двух принципов меняется в зависимости от времени и места...

— Каких таких двух принципов?

— Принципа причинности — результат имеет причину и вытекает из нее, и принципа синхронности — связанные события совершаются одновременно. Древние утверждали, что в пространстве за луной не существует таких вещей, как случай или судьба, что в разных частях Вселенной действуют различные законы. Поскольку мы отказались от взглядов Аристотеля и Птолемея на мироздание, то стремились уверовать в противоположное: будто вся Вселенная — единый мир и повсюду царят одни и те же законы. А что если мы ошибаемся? — Николл отложил давно погасшую трубку и, подкрепляя свою речь, оживленно размахивал руками. — Земля движется. Наверное, мы вошли в такой участок космического пространства, где синхронность имеет большее значение, чем причинность. Видимо, определяемые причинностью законы, по которым творилась предыдущая история Земли, не применимы в том месте, где мы сейчас оказались.

— Интересная идея, — сказал Эндерби. — Ты случайно не знаешь, как ее проверить?

— Если я прав, то, возможно, изменились некоторые основополагающие физические постоянные. То есть постоянные, которые мы считали основополагающими... Давай-ка посмотрим новости: вдруг за день произошли странности, которые пресса не обошла вниманием.

Эндерби включил телевизор. Первое услышанное им слово: «кошка» — прозвучало в тот момент, когда Мельхидес замяукал за дверью, требуя впустить его с улицы. Эндерби впустил кота, уселся в кресло и стал слушать. Ведущий вечерней программы новостей и в самом деле рассказывал, что ученые многих исследовательских лабораторий отметили беспричинные погрешности в работе приборов и оборудования: например, амперметры и вольтметры давали совершенно произвольные показания. Ни Эндерби, ни Николл не знали физику настолько, чтобы разобраться во всем, о чем вещал комментатор; впрочем, судя по тону и голосу, каким все это сообщалось, сам ведущий понимал и того меньше.

Следующий сюжет программы новостей касался дорожных происшествий, число которых резко возросло. «И эти происшествия, — нагнетал напряжение диктор, — повлекли за собой поистине общенациональную катастрофу...» Фразу ведущий не закончил. Едва было произнесено слово «катастрофа», как тут же он сам, дежурная бригада на телестудии и двадцать миллионов зрителей, включая Эндерби и Николла, исчезли...

Перевел с английского
Владимир МИСЮЧЕНКО

Надувные НЛО?

Пришельцы исследуют Землю с помощью воздушных шаров? Разумеется! – утверждает Майкл Поттер, который читает лекции об НЛО в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе. Эти устройства типа монгольфьеров гораздо удобнее для исследовательских целей, чем тяжелые корабли,– таково его мнение. Поттер, опираясь на существующие описания НЛО, намерен самостоятельно сконструировать «прототип» предполагаемого воздушного корабля внеземного происхождения семидесяти футов в диаметре. Конструкция рассчитана на несколько человек, а горячий воздух для создания подъемной силы будет производить помещенный внутрь шара нагреватель.
При закрытых вентилях шар будет стремиться вверх. Если же нагреватель выключить, а вентили открыть, то воздушное судно, по расчетам автора, превратится в глайдер: оно будет способно к вертикальному подъему и спуску, горизонтальному полету, поворотам под прямым углом, то есть ко всем маневрам, которые выполняют НЛО. Поттер предполагает, что инопланетяне делают оболочку НЛО из очень тонкого и легкого металла, неизвестного землянам. Однако космический эксперт Джеймс Оберг скептически относится к этой экстравагантной теории, поскольку, по его словам, подъемная сила горячего воздуха слишком слаба – вряд ли можно развить ускорение, приписываемое «настоящим» НЛО.

«Психики» против шарлатанов

Все началось с того, что некто Майкл Гудрич из Нью-Йорка посетил 500 человек, слывущих экстрасенсами и парапсихологами (кстати, в Америке употребляют миленькое словечко «психик»). Гудрич обнаружил немало «шарлатанов, но хороших артистов», а настоящие психики – на данный момент их 22 – объединились в общество с замысловатым названием «Космический Контакт – Психические услуги». Сам Майкл Гудрич стал их агентом. Членами профсоюза являются, например, всемирно известная гадалка на картах таро Ролла Нордик и Рок Кенион, который обучает психическому развитию рок-звезд и прочих знаменитостей и регулярно публикует предсказания их судеб.
Теперь агентство предсказывает также судьбы ночных клубов, благотворительных фондов и корпораций. «У нас полный деловой контакт», – заверяет Гудрич. Астролог предсказывает, как пойдут дела в бизнесе, а затем его перепроверяет психик. Несоюзные психики, по словам агента, рвутся в «Космический Контакт», как лошади в теплое стойло.

640 формул нового Ферма

В 1920 году в возрасте 33 лет скончался от тяжелой болезни один из величайших математиков современности, никому не известный индиец Шриниваса Рамануджан. Чтобы отвлечься от боли, он занимался математическими вычислениями, и после его смерти осталось 640 формул без доказательств и каких-либо комментариев плюс 140 измятых листков бумаги с беглыми записями, не поддающимися расшировке. Рамануджан был изгнан с первого курса колледжа за «академическую неуспеваемость», женился, поступил на работу, а математикой занимался на досуге.
В 1913 году он послал свои работы английскому математику Дж. Харди, который пригласил его в Кембридж в 1914 году. Через пять лет молодой индиец уехал домой – умирать... Семья отправила его научное наследство в Кембридж, где оно и пылилось не прочитанное до 1976 года.
Загадочные формулы обнаружил американский математик Джордж Эндрюс. Его потряс тот факт, что за прошедшие годы только около 20 процентов этих формул было доказано другими математиками. Эндрюс и его команда до сих пор сражаются с теоремами Рамануджана. На сегодняшний момент доказано 400 формул, и американские специалисты полагают, что большая часть из оставшихся двухсот сорока также верна. Сам Эндрюс признается, что работа над формулами покойного гения иногда морально угнетает его, ибо процессы мышления этого человека были совершенно уникальны.

Шестое чувство

Когда американский анатом Дэвид Берлинер, занимающийся исследованием веществ, выделяемых кожей человека, оставил открытые сосуды с экстрактами в лаборатории, он заметил, что его коллеги вдруг повеселели и стали лучше относиться друг к другу. После окончания работы с данным веществом в лаборатории воцарилась прежняя не слишком теплая атмосфера. Берлинер заморозил и сохранил предполагаемый экстракт дружелюбия, по-видимому, являющийся одним из уже известных химических веществ, контролирующих поведение – феромонов(пахучих веществ для привлечения особи противоположного пола у насекомых). Удивительным было другое: феромон Берлинера не имел запаха и, следовательно, не мог восприниматься системой обоняния человека. Эта загадка привела к исследованию маленькой структуры – вомероназального органа, который «отвечает» за восприятие половых феромонов у низших позвоночных, а у человека считался как бы бесполезным атавизмом. Ученые, к своему удивлению обнаружили, что сей орган является специфической сенсорной системой – самым настоящим шестым чувством. Нервные пути связывают этот орган с гипоталамусом, отделом головного мозга, который «ведает» основными мотивациями и эмоциями – половым влечением, страхом, агрессивностью, чувством голода. Доказано, что феромон дружелюбия действует именно через эту сенсорную систему. Американские фармацевты намереваются начать производство духов с добавлением столь полезного для общения вещества.

Долой гаммы

Возможно, для Моцартов XXI века искусство игры на музыкальных инструментах, да и сама композиция окажутся абсолютно ненужными. Реализовать музыкальный дар поможет компьютерное устройство, берущее на себя все «второстепенные» функции, считают японские специалисты – создатели электронного оркестра.
В отличие от систем, действующих по принципу искусственного интеллекта, новая система будет способна принимать решения и выкручиваться в любых ситуациях, где неприменимы запрограммированные правила и нормы. Человек, пользующийся системой, не обязан разбираться ни в компьютерах, ни в музыке. От композитора требуется лишь выбрать желаемый стиль, нажав клавишу, и напеть в микрофон пришедшую ему в голову мелодию, которая будет оркестрована машиной.

Мак Рейнольдс

Кто первый?

Майской пятницей в половине восьмого вечера Марв Селдерс (дом № 4011 по Камино де Пальмас, Таксон, шт.Аризона, США) сидел за столом на своем ранчо с двумя спальнями, за которое они выплачивали вот уже пять лет, и пытался свести дебет с кредитом. Ему потребовалось добрых два часа, чтобы прийти к потрясшему мир заключению.

Он посадил карандашом отметину на кончик носа и поморщился.

— Знаешь, Феб, — сказал он, — ничего другого не остается. Никак не выходит.

— О чем ты, Марв? — поинтересовалась Феб, занятая приготовлением обеда.

— Придется вернуть тот новый морозильник. Кстати, черт меня подери, чем тебе все-таки не угодил старый?

— Старый?

Она призадумалась, особо не расстраиваясь. Честно говоря, Селдерсам не очень-то и нужен был морозильник. Морозильной камеры в холодильнике было вполне достаточно, поскольку семья была небольшая.

— Понимаешь, Марв, нашему холодильнику уже почти четыре года. Эти новые морозильники... их все время рекламируют — по стереовизору, в газете. Отдав взамен старый, мы бы получили большую скидку.

— За старый мы еще не расплатились, — угрюмо напомнил Марв. — И чем же так хороши новые модели?

— Ну... старый был белого цвета. Это не модно.

— Все равно, — сказал Марв, — придется отослать морозильник обратно в магазин. Мы не в состоянии выплатить все рассрочки: за дом, машину, мебель, плавательный бассейн и за отпуск — помнишь? «Лететь сейчас, платить потом».

— Магазину это не понравится.

— Ничего, переживут.

Под конец разговора появился Старый Сэм.

— Помню, когда я был мальчишкой, — сказал он, — у нас был ледник. А лед для него развозили в фургоне. Мы, мальчишки, таскали из фургона кусочки льда и сосали, как леденец. Нам тогда некогда было скучать. А сейчас ребята только и делают что пялятся в «ящик».

— Угу, — буркнул Марв.

* * *

Гарри зашел к Джиму Уиверсу.

— Босс, — сказал он, — мне только что позвонил Марв Селдерс. Сказал, что не может выплачивать за морозильник — он купил его несколько недель назад.

Джим Уиверс метнул в своего единственного клерка сердитый взгляд. Гарри пожал плечами.

— Я тут ни при чем.

Джим Уиверс задумался, потом мрачно оглядел магазин.

— Быть может, удастся снова продать его под видом нового, — сказал он наконец. — Слушай, позвони тому оптовику в Феникс и скажи, пусть отменит наш заказ на три новых морозильника. Магазин и так забит. Почти нет сбыта.

— Ладно, — сказал Гарри, — но учтите, покупателям нравится разнообразие. Зеленые, розовые, сиреневые, фиолетовые... чтобы можно было подобрать под цвет кухни.

— Это не твоя забота, — рявкнул Уиверс. — Да, послушай, как продаются эти финтифлюшки?

— Какие финтифлюшки, мистер Уиверс?

— Миксеры для коктейлей с атомными моторчиками, электрические расчески и зубные щетки и как их... авточесалки для спины. В любом случае они были заказаны в одной партии. Отошли их обратно.

Джим Уиверс круто развернулся и вошел в свой крошечный офис. Настроение было прескверное.

Он посидел, размышляя, затем включил видеофон и набрал номер. На экране появилась девушка, и он попросил:

— Дайте Билла Уотерса.

Когда на экране появился Уотерс, Джим отчасти вызывающим, отчасти извиняющимся тоном сказал:

— Слушай, Билл, я намерен отложить заказ на «Бьюик-Кэйюз» на воздушной подушке.

Уотерс чуть не подпрыгнул в кресле:

— У тебя же на семью одна машина, Джим! Тебе просто необходим «Кэйюз»!

— Обойдусь пока без него, — ответил Уиверс. — Может, загляну попозже посмотреть, что у тебя есть из подержанных автомобилей.

— Дело хозяйское, Джим. Заезжай, когда захочешь. Но я все же уверен, что тебе не следует отказываться от новой машины. Неужели ты не понимаешь, что у новых моделей под капотом почти тысяча лошадей?

— Пока, Билл, — сказал Уиверс и вздохнул.

— До встречи.

Билл Уотерс выключил видеофон и повернулся к секретарше.

— Вот дьявол! — буркнул он и поморщился.

— Простите?.. — отозвалась секретарша.

— Мисс Хардинг, сообщите в Детройт о сокращении наших заказов. До двух машин оговоренных марок в месяц. Заказы будут увеличены, когда рынок улучшится.

— Боже, мистер Уотерс, и все это лишь из-за одного отказа? Год начался так хорошо.

Он мрачно взглянул на нее.

— Видите ли, дорогуша, я нутром чую, когда ветер меняется. Наверняка в магазине Джима Уиверса дела идут плохо. Скоро докатится и до нас. Мне совсем не хочется, чтобы склад оказался забит моделями полугодовой давности.

Он посидел, размышляя, потом снова включил видеофон и с расстроенным видом набрал номер.

— Фрэнк, — сказал он, когда экран засветился, — я подумал насчет нового дома. Мне кажется, сейчас лучше повременить.

* * *

Марв Селдерс вошел в дом с черного хода, как он всегда делал, возвращаясь с работы. Войдя в кухню, он с отвращением швырнул на стол шляпу.

— Что случилось? — поинтересовался Старый Сэм, сидевший в любимом кресле- качалке.

— Где Феб?

— Еще не пришла с работы.

— Короче, меня только что уволили. И еще восемь служащих.

— Что случилось?

— Сорвался заказ на строительство дома — покупатель передумал. Билл Уотерс из агентства «Бьюика». Должно быть, дела у него пошли неважно, и наш босс стал сворачивать дело... Вряд ли мы сможем свести концы с концами на пособие, — Марв с отвращением фыркнул. — Придется отослать обратно новую кушетку и кресло, которые купила Феб.

— Твое счастье, — отозвался Сэм, — что старая мебель до сих пор лежит в гараже. Так, говоришь, дела покатились под гору? Надо будет обсудить это завтра в парке с ребятами.

Марв открыл холодильник и достал пластиковую банку с пивом.

— Хорошо хоть у Феб есть работа, — буркнул он. — Черт знает, сколько времени пройдет, пока я найду другое дело.

Феб, узнав новость, не потеряла своей обычной невозмутимости.

— Ничего страшного, — успокоила она его. — Найдешь новое занятие... Надо же, а я как раз хотела попросить, чтобы ты сводил меня в ресторанчик Джун Перриуинкл. Но, пожалуй, праздник придется отложить.

— Подумаешь, горе, — проворчал Старый Сэм. — Когда я был мальчишкой, мы лопали лишь сосиски да гамбургеры, и ничего — были довольны. Нынче-то все едят так, что аж раздуваются.

— Ладно, — сказала Феб, — теперь объедаться не придется. Ну что ж, займусь ужином.

* * *

— Я не советую вам продавать сейчас акции, миссис Перриуинкл, — серьезно произнес Норман Фоксбитер. — Рынок очень плох. На вашем месте я бы попридержал их, пока курс не начнет подниматься.

— Да, наверняка я бы так и сделала, мистер Фоксбитер, — сказала Джун Перриуинкл, — но если говорить честно, я крайне нуждаюсь в деньгах. Видите ли, когда я открыла ресторан в Сентинел Парке, дела шли просто замечательно. Вы даже представить не можете, насколько хорошо. Но сейчас...

Он кивнул.

— Для многих мелких фирм настали тяжелые времена. Первыми, как известно, начинают страдать магазины подарков и антиквариата, маленькие лавочки, кафе, закусочные... И все же вам не следует продавать акции. Свои дела вы этим не поправите, но окажетесь совсем на мели.

— Ну довольно! Если хотите знать, мистер Фоксбитер, я лучше вас разбираюсь в ресторанном бизнесе, потому что всю свою жизнь готовила у себя на кухне.

* * *

Оставшись один, Норман Фоксбитер долго сидел в своем кабинете, уставившись невидящим взглядом куда-то в угол. Потом вздохнул и нажал кнопку селектора.

— Мортимер, ты не занят? — спросил он.

Услышав ответ, он поднялся и пошел в кабинет своего партнера.

Мортимер Фодер настороженно взглянул на него, когда он вошел.

— Садись, Норман. В чем дело? Вид у тебя совершенно убитый.

Фоксбитер не стал оттягивать объяснение.

— Мортимер, нам следует ликвидировать фирму.

— Ликвидировать! Ты в своем уме?!

— А капитал перевести в Швейцарию.

Мортимер Фодер с изумлением взглянул на него.

— Понимаешь, — затравленно произнес Фоксбитер, — вроде бы и нет ничего такого, на что можно показать пальцем. Но мелочей — множество. В таких случаях надо полагаться на интуицию.

Пожилой биржевой маклер и консультант по инвестициям медленно кивнул.

— Не буду спорить. Но интуиция должна опираться на твердые факты.

Его партнер покачал головой.

— Боюсь, на этот раз факты вряд ли можно назвать твердыми. Недавно я говорил с Фрэнком Уэсли. Ну ты знаешь, он планировал застроить новый район возле Вандерберг Виллидж. Так вот, он пересмотрел свои планы. На несколько домов у него вроде бы уже были заказы — и почти все сорвались. Например, Билл Уотерс из агентства «Бьюик» дал отбой.

Мортимер Фодер нахмурился.

— С чего бы это Уотерс отказался от дома? Он так много о нем говорил на вечеринке у Браунингов.

Молодой человек кивнул.

— Вот-вот, об этом я и толкую. Сдается мне, что машины на воздушной подушке продаются не очень-то хорошо в этом году. — Он помолчал и добавил: — А ты не заметил, как много закрыто маленьких магазинов по всему городу?

Фодер пожевал губами.

— Говоришь, перевести капитал в Швейцарию? — спросил он наконец. — Боишься инфляции?

— И не только. Еще и резкого ухудшения рынка, затем возможной девальвации доллара. Когда все кончится, мы, разумеется, переведем деньги обратно. Давай закрываться. Сигналов множество. Мелкие держатели спешно продают акции. Им нужны деньги, чтобы поддержать свои предприятия. А кое-кому не хватает уже и на жизнь. В городе много безработных.

Старший партнер помрачнел.

— Хорошо, Норман, я обдумаю твое предложение.

Когда молодой бизнесмен ушел, Фодер просидел за столом целый час и лишь потом глубоко вздохнул и протянул руку к видеофону.

— Миссис Бэллентайн, — сказал он, соедините меня с верфью Сифорта в Уилмингтоне, Калифорния.

Несколько минут спустя он уже говорил человеку на экране:

— Я все понимаю и готов заплатить любую неустойку. Но тем не менее я вынужден отказаться от яхты. Да, это окончательное решение.

* * *

Полчаса спустя в Уилмингтоне Питер Филдинг говорил своему мастеру:

— Ничего не могу поделать, Майк. Задули другие ветры. Придется прекратить строить все три судна. Раз уж мы потеряли заказ на яхту Фодера, я не могу рисковать и выполнять остальные спецзаказы без предварительной оплаты.

— А как насчет той работенки для парня с киностудии? — угрюмо поинтересовался Майк.

— Он дал всего лишь мизерный аванс. Боюсь, придется продать верфь Гонзалесу и Мартинесу.

— Чтоб меня раздуло! — процедил Майк. — А я как раз присмотрел домик. Старухе осточертело жить в квартирке «два на четыре». Придется сказать агенту по недвижимости, что дельце не выгорит.

— Извини, Майк, — сказал Филдинг. — Трудно придется всем, пока не поступят новые заказы. Я сам собирался купить четырехместную реактивку Пайпера, чтобы летать по выходным на рыбалку в Энсенаду. Теперь дам отбой. Агент Пайпера просто озвереет, он уже дал заказ.

* * *

— Скотт, — сказал президент, — срочно разыщите Уэйганда Денниса.

— Да, мистер президент.

Секретарь вышел, и вскоре в кабинете появился помощник президента по связям с прессой, как всегда выглядевший обманчиво расслабленным. Из угла рта свисала трубка, сделанная из кукурузной кочерыжки, деталь, известная самой широкой аудитории.

— В чем дело, шеф?

— Садись, — сказал президент и продолжил раньше, чем собеседник успел опуститься в массивное кожаное кресло. — У тебя больше возможностей держать ухо поближе к грешной земле. Скажи мне, ради всего святого, что происходит в Кливленде? Что, собственно, происходит во всей стране?

— А почему именно в Кливленде? — осторожно поинтересовался Деннис.

Президент помахал листком бумаги.

— Мы только что получили срочный запрос о финансовой помощи суповым кухням. Кстати, что такое «суповые кухни»?

— Вообще-то, — сказал Деннис, доставая кисет, — при нынешних обстоятельствах это не особо удачный термин. Дань старым временам. В Кливленде разработана программа бесплатного питания за счет города.

— Неужели там настолько плохо?!

— Боюсь, что так, сэр. Даже эту программу им в одиночку не вытянуть. Видите ли, они ведь должны еще выплачивать пособия по безработице для работников автодорожных служб и так далее. Но городская казна уже почти пуста, потому что поступление налогов резко сократилось. Поэтому они и обратились за помощью к федеральному правительству.

— Потрясающе! — фыркнул президент. — Неужели они не понимают, сколько денег требуется нам самим? Неужели до них не доходит, что мы освобождаем Мозамбик, помогаем России и проводим полицейскую операцию против мафии в Антарктиде?

Он схватил еще один отчет и махнул им перед носом собеседника.

— И это еще не все. Далеко не все. Что происходит в Денвере? Им тоже потребовались деньги.

— У них кончились местные фонды для выплаты пособий, и безработные въехали в зал городского совета.

— Въехали? — взвыл президент.

— Да, сэр. В прежние времена люди, у которых были жалобы, обычно врывались в зал совета со всякими плакатиками. Сейчас они туда просто въехали.

— Ах, вот как...

Президент ненадолго замолк, его лицо исказилось, словно он размышлял.

Деннис удивился. От президентов уже давно не требовалось идей. Нынешний импонировал избирателям тем, что имел мужественную внешность, был фотогеничным и обладал феноменальной памятью на имена всех, кому хотя бы раз пожал руку.

— Сынок, — сказал он наконец, — скажи мне, ради Бога, что происходит в стране?

Деннис разжег трубку, выдохнул клуб дыма и ответил:

— Депрессия, мистер президент.

— Депрессия?

— Да, сэр.

— Что это такое?

Деннис щелкнул чубуком трубки по зубу.

— Это давняя история, сэр. Последние несколько дней я рылся в исторических архивах. Уточнял факты. Когда-то это называли паникой или разорением, но со временем поняли, что подобная терминология не поможет исправить положение, и стали называть это депрессией. Но и этот термин имел отрицательный подтекст, поэтому после одной из самых крупных депрессий, с 1929 по 1939 год, ее переименовали в спад. И наконец, кому-то

пришло в голову обозвать ее структурной перестройкой. Но с 1939 года не было ни одной крупной неприятности.

— Но какова ее с у т ь? Кстати, — добавил президент с неожиданным раздражением, — какой дрянью вы набиваете свою пыхтелку? Бурым углем?

Деннис с виноватым видом сунул трубку в карман.

— Извините, сэр. Известно ли вам, что такое «геометрическая прогрессия»?

Во времена, когда в университете преподавали математику, президент активно участвовал в политической жизни студенческого городка, но у него была привычка никогда не признавать свое невежество.

Деннис угадал ответ по выражению лица президента и сказал:

— Геометрическая прогрессия — это когда вы считаете следующим образом: два — четыре — восемь — шестнадцать... э-э... И так далее.

Начальство одарило его в ответ брезгливым взглядом.

Деннис поерзал в кресле.

— Так вот, сэр, депрессия — это когда все наоборот.

Выражение написанное на лице президента, осталось прежним.

— Сэр, возьмите Лос-Анджелес, — с отчаянием произнес Деннис. — Он начинался как маленький городок. Некоторые приезжали сюда отдыхать, потому что им нравился климат. Они строили коттеджи. Подрядчики стали испытывать дефицит рабочих рук и начали привлекать строителей с Востока. Тем тоже понравилось в городе, они решили осесть здесь, и началось строительство многоквартирных домов, кафе, ресторанов, магазинов. Возник повышенный спрос на материалы, появились цементные и кирпичные фабрики, стало больше заправочных станций и газет. Всего стало больше. Начался бум. Прибывало все больше людей, чтобы открыть здесь свое дело. В город потекли деньги. Появились бары, ночные клубы, кинотеатры. Людям, заработавшим много денег, потребовались предметы роскоши. За дело принялись торговцы автомобилями, выросли дорогие отели.

Зашевелились и относительно небогатые люди, способные вложить тысяч двадцать в собственное дело. Обычно они начинали заниматься тем, в чем мало разбирались. Бывший владелец ресторана заводил птицеферму. Бывший фермер открывал маленький ресторанчик, специализирующийся на китайской кухне, хотя сам владелец — швед. Но пока они обзаводились ресторанчиками или птицефермами, или посещали кинотеатры, или играли в рулетку, короче, делали что угодно, они тем самым не давали угаснуть буму.

— Да-да, — отозвался президент.

Деннис машинально выудил из кармана трубку и направил чубук на шефа.

— Так вот, сэр, теперь вам, наверное, понятно, как все начинается. Депрессия — то же самое, только в обратном порядке. Некоторые из частных лавочек разоряются. Пустые здания сдаются всем желающим. Строительные рабочие живут на пособие и все меньше покупают. Их не увидишь в ресторанчиках, пивных и киношках. Поэтому многие из подобных заведений закрываются или увольняют часть персонала, увеличивая число безработных. Люди перестают приобретать новые машины. Местные торговые агентства или закрываются, или уменьшают оптовые закупки. Люди начинают уезжать из города и перебираться обратно на мелкие фермы, где они могут хоть как-то прокормить себя. Тем временем Детройт сокращает производство автомобилей, при этом уменьшается потребность в стали и комплектующих. Детройт увольняет примерно сотню тысяч работников, столько же добавляет компания по производству стали. Падает спрос на продукцию фермеров. Те, в свою очередь, перестают покупать буквально все, от сельхозтехники до одеколона.

— Хорошо, хорошо. Я представил картину. Это перевернутая пирамида.

Деннис вздрогнул, услышав его слова, но отозвался:

— Примерно так, шеф.

Лицо президента отразило задумчивость, что привело руководителя пресс-службы в восхищение. Наконец президент сказал:

— Но ведь это сущий кошмар! Это удар по Передовому Обществу, самому великому обществу в истории!

— Именно так, сэр, — согласился Деннис, снова щелкнув трубкой по зубам. — И по всем нашим программам помощи. Будет очень трудно отправлять столько денег за границу.

— И как же избавлялись от депрессии в прошлом? — жалобно поинтересовался президент.

Именно этого вопроса Деннис и опасался.

— Хороший вопрос, сэр. Рузвельт, наследный классик всех времен, перепробовал многое, и большинство его предложений отклонял Верховный Суд. Вроде «Акта о Национальном Оздоровлении», который большинство бизнесменов вскоре переименовали в «Рузвельт Снова — Никогда». Затем он попытался поднять цены, пристреливая свиней на Среднем Западе и обливая керосином картошку в штате Мэн. А молодых правонарушителей он собирал в рабочие бригады и платил им за то, что они бродили по лесам, якобы сажая деревья, и так далее. Затем он «возвратил пиво».

— Возвратил пиво?

— Ну да, ему ведь в наследство достался сухой закон. Но, разумеется, этот великий эксперимент привел лишь к тому, что деньги потекли в карманы ребят вроде Аль Капоне. Правительству нужны были налоговые поступления, поэтому сначала разрешили продавать пиво, затем и крепкие напитки. После этого, разумеется, множество честных контрабандистов осталось без работы, и они принялись грабить банки и похищать детей у тех немногих граждан, у кого еще оставались деньги.

Президент посмотрел на него с изумлением.

— Если все было именно так, то он действовал как самодовольный идиот.

— В те времена многие думали так же. Но с другой стороны, многие считали его величайшим политиком из всех, когда-либо приходивших к вла-

сти.

— Да неужели? — президент снова ушел в мыслительный процесс. — Наверное, президент, который смог вытащить нацию из подобной пропасти, завоевал большую популярность?

— Да, сэр. Так оно и было. Рузвельта избирали трижды.

— Но ведь это же незаконно!

— Рузвельт действительно был очень популярен. Он потряс всю Калифорнию, заплатив фермерам за то, что они вырубили фруктовые деревья.

Глаза президента изумлено распахнулись.

— Это еще зачем?

— Видите ли, сэр, Рузвельт и его мозговой трест хотели поднять цены на фрукты, а соответственно, вернуть людей на фермы...

Президент поднял руку.

— Достаточно, Уэйганд. Что вы там говорили насчет мозгового треста?

* * *

Когда Марв Селерс вернулся домой, он с удивлением обнаружил, что Феб уже пришла. Он взглянул на часы, но тут же вспомнил, что они остановились, а деньги на ремонт ему тратить не хотелось.

Феб скривила рот в горькой усмешке.

— Уволили, — сообщила она. Марв взглянул на нее с тревогой.

— Ты же знаешь, — сказала она, — наша компания занималась продажей этих модных штучек: разных там чесалок для спины с атомными батарейками, электрических зубных щеток и прочей дребедени. Очевидно, до людей наконец дошло, что они прекрасно могут без этого обойтись. Короче говоря, компания разорилась. Даже мистера Эдвардса отправили на пенсию.

— Вот черт, — простонал Марв. — Теперь мы оба безработные, а долги по выплатам все растут и растут.

— Послушай, Марв, — сказала Феб. — Мы можем продать машину. Ей всего полтора года, и за нее почти полностью выплачено. Мы сможем получить за нее несколько тысяч.

— Да неужто? Ты лучше поинтересуйся, сколько сейчас подержанных машин в продаже. Целые стаи!

— А мы не станем продавать через агента. Дадим объявление в газете.

— И что же мы будем делать без машины? — спросил он. — Как я буду ездить на работу... если у меня будет работа.

Вошел Старый Сэм — вид у него был почти счастливый.

— Возвращаются старые добрые времена, — сказал он. — Когда я был мальчишкой, то ездил на работу на велосипеде. Куда веселее, чем на машине.

— Помолчи, пожалуйста, — простонал Марв.

* * *

Билл Уотерс выключил видеофон и повернулся к секретарше.

— Мисс Хардинг.

— Да, сэр.

— Это был старик Беннингтон. Он только что отменил свой заказ — единственный за весь месяц.

Секретарша приуныла.

— Он купил подержанную машину у какого-то каменщика — за полцены. Что я мог поделать?

— Не знаю, мистер Уотерс... Я слышала, что у новых моделей вообще не будет хромировки Заводы снижают цены.

— Верно, — буркнул Уотерс. — Из-за этого и начался кризис в хромовой промышленности. Уволено пять тысяч человек.

Он принял внезапное решение.

— Словом, на нас упала та соломинка, что переломила спину верблюду. Оповестите работников, что агентство закрывается.

Секретарша посмотрела на него одновременно с тревогой и сочувствием.

— А нам выдадут двухнедельное выходное пособие, мистер Уотерс?

Шеф горько усмехнулся.

— Откуда я, по-вашему, возьму эти деньги, мисс Хардинг? Мой тесть предложил мне работу рассыльного в своей лавочке деликатесов. Для этого ему пришлось уволить тех двоих, что у него работали. Хочет обойтись силами семьи.

* * *

Очередное совещание президента с его «мозговым трестом» было в полном разгаре. Уэйганд Деннис сидел справа от него. Профессора, экономисты, социологи и психологи расселись по кругу, смутно напоминая рыцарей короля Артура за Круглым столом.

Президент привычно вошел в образ, знакомый по телепередачам, и, сияя улыбкой, произнес:

— Слушаю, профессор.

Деннис наклонился к его уху и зашептал:

— Леланд Маркхэм, Гарвард...

— Знаю-знаю, — отмахнулся президент. — Я никогда не забываю лица избирателей.

Профессор Маркхэм вяло прошелестел бумагами.

— Наша программа строительства дорог, — с огорчением произнес он, — заехала в тупик.

— Но почему? — взорвался президент. — Ведь все так просто. Пусть люди по всей стране начнут строить дороги, добывать в карьерах песок, варить асфальт, делать цемент и все прочее...

Профессор с извиняющимся видом прокашлялся.

— Все шло прекрасно, пока мы с т р о и л и дороги, выполняя программу выхода из кризиса. Мы не предусмотрели всех последствий. Дело в том, что широкие, скоростные, прямые дороги позволили транспортным компаниям перевозить грузы быстрее, а, следовательно, обходиться меньшим числом водителей.

Поскольку покрытие дорог стало более прочным, они смогли воспользоваться большегрузными грузовиками. Стало меньше грузовиков — потребовалось меньше механиков. Как результат мы получили еще большую безработицу.

Президент негромко застонал.

— Ну почему я не могу положить этому конец? —

пожаловался он и повернулся к очередному собеседнику:

— Итак, доктор?

Человек неловко заерзал на стуле.

— Боюсь, мой отчет будет похож на тот, что вы услышали от профессора Маркхэма.

Президент стряхнул последние остатки телеобраза и холодно произнес:

— Помнится, вы были очень довольны своим проектом.

— Гм, да, господин президент. Как проект, обеспечивающий временную занятость, строительство плотин требовало десятки тысяч человек.

— И в чем же мы опять просчитались?

— Но, когда плотины были построены, большие площади бывших пустынь оказались пригодными для земледелия. Как вы знаете, при наличии воды пустынные районы становятся весьма плодородными. А поскольку местность плоская, то можно широко внедрять автоматизированные машины. — Доктор печально качнул головой. — Результат получился двоякий. Мы стали производить больше продуктов питания, но в то же время мелкие фермы оказались на грани разорения, поскольку не в состоянии выдержать конкуренцию.

Президент прикрыл глаза.

— Что-нибудь еще? — глухо поинтересовался он.

— Гм, да, мистер президент. Новые плотины, на которые установили самые современные гидрогенераторы, стали производить столько дополнительной энергии, что пришлось отказаться от постройки в этих районах нескольких запланированных атомных станций. На данный момент они не в состоянии конкурировать с гидростанциями. Это привело... — он помедлил, — к увольнению нескольких тысяч строителей и работников атомных станций.

— Идиотизм, — простонал президент и обвел взглядом круглый стол. — Есть у кого- нибудь х о р о ш и е новости?

Кто-то порылся в бумагах и робко отозвался:

— Тут у меня есть сведения, что «Балл Дархэм Компани» процветает.

— Что это за «Балл Дархэм»? — вяло поинтересовался президент.

Уэйганд Деннис наклонился вперед.

— Они производят все для изготовления самодельных сигарет, шеф. У табачных компаний дела идут неважно. У производителей спиртного тоже радостей немного. Когда налоги столь высоки, все перешли на самогон и брагу.

— Есть! — пискнул кто-то с просветлевшим лицом. — Есть хорошая новость. Мы вернули домой всех солдат с зарубежных баз и большинство уволили в запас. Это сократило наши расходы на военные нужды, и все эти средства мы можем бросить на борьбу с депрессией!

Тут простонал экономист из Йельского университета.

— К сожалению, здесь мы тоже не учли всех последствий, — извиняющимся тоном произнес секретарь.

Взгляды присутствующих обратились на него.

— Ветераны, — уныло продолжил секретарь. — Они создают свои организации. Они требуют выделения бесплатных авиабилетов. Первого класса и с питанием. Они хотят провести марш на Вашингтон, чтобы потребовать дополнительные пособия, поскольку трудоустроиться не могут.

— Есть еще одно обстоятельство, — буркнул сидящий напротив президента тщедушный бородатый тип. — Когда мы подняли таможенные тарифы, чтобы иностранные компании не могли наводнять своими товарами остатки нашего рынка, то переполошили всю Объединенную Европу и остальной мир. Они также подняли тарифы, и наш экспорт упал до исчезающе малой величины.

— В таком случае он хотя бы сбалансировался, — проворчал президент.

— Не совсем так, господин президент. Видите ли, наша экономика зависит от импорта меди из Чили, нефти и железной руды из Венесуэлы, олова из Боливии и так далее. В результате мы непрерывно тратим деньги за рубежом, но ничего не зарабатываем на экспорте. Золото утекает из хранилища Форт Нокс так, словно там дыра, — грустно усмехнулся бородатый.

Никто к нему не присоединился. Президент посмотрел через плечо на Денниса и процедил:

— Вот вам и «мозговой трест».

* * *

Марв и Феб Селлерс сидели за кухонным столом своего домика «под ранчо» в городе Таксон, штат Аризона, США.

Марв с грустью оглядел упакованный для перевозки домашний скарб.

— Дэйв вот-вот приедет на своем грузовике, — сказал он. — Ты точно уверена, что твои родители не станут возражать, если мы к ним переедем?

Феб пожала плечами.

— Наверное, станут, Марв. Только куда им деваться? Во всем городе то же самое. Люди съезжаются, поскольку не в состоянии содержать дом. Как думаешь, сколько уйдет времени, чтобы продать ранчо?

— Не знаю, Феб. Сейчас дома почти не покупают.

— Но сколько-то за него мы все-таки выручим, Марв?

— Не очень много, Феб. Где Старый Сэм?

— В комнате. Копается в том барахле, что хранилось в его сундуке в гараже. Что будем делать, Марв?

Он уныло пожал плечами.

— Не знаю, Феб. Наверное, жить на пособие, как и все остальные. Что же еще?

— Я слышала, городские власти собираются уменьшить пособие. У них не хватает денег. Представляешь, они перестали выплачивать зарплату даже учителям.

В комнату, хихикая, вошел Старый Сэм.

— Что это ты приволок, старина? — безразлично спросил Марв.

— Сейчас увидишь, — усмехнулся старик. В одной руке он держал кусок картона, в другой — коробку с восковыми мелками. Он положил картон на стол, достал мелок и стал закрашивать им контур большого черного нуля.

Марв нахмурился и встал, заглянув старику через

плечо. Он медленно прочитал: «Я безработный. Пожалуйста, купите яблоко. 50 центов».

Старый Сэм снова усмехнулся.

— Вот вы, молодые люди, не хотели слушать, когда я рассказывал о временах моей молодости. Ну так посмотрите: на карманные расходы для нас я уж как-нибудь заработаю.

— На этом плакате, — нерешительно сказал Марв, — было написано «5 центов». Зачем же ты превратил их в пятьдесят?

— Инфляция, — пояснил Старый Сэм. — А плакатик я отыскал на дне своего сундука. Совсем уж было про него позабыл.

* * *

Обессиленный после очередного бесплодного заседания мозгового треста президент сидел в своем глубоком кресле. С ним остались лишь его секретарь Скотт и Уэйганд Деннис.

— Тупицы! — пожаловался президент. — Идиотизм какой-то! Сперва один предлагает сократить расходы правительства, уволив половину чиновников. От этого прибавится еще миллионов десять безработных. Другой требует запахать в землю весь урожай хлопка. Так давайте закачивать нефть обратно в скважины, а уголь сбрасывать в шахты!

Скотт и Деннис промолчали.

— Но тот, из Принстона, был прав, — пробормотал президент. — Нам нужно каким- то образом сэкономить деньги. Казна в Форт Ноксе практически пуста.

Внезапно президент просиял.

— Нашел! Скотт, передайте мой приказ: свернуть все космические программы. Я не могу позволить, чтобы такие суммы просто вышвыривались в небо. Если уж мне не позволяют освобождать Мозамбик и оказывать помощь России, то и я не вижу возможности продолжать колонизацию Луны!

— Да, господин президент, — отозвался Скотт. — Но на Луне наша база. Что будет с людьми, которые сейчас там?

— Сколько их?

— Восемь.

— Сколько будет стоить их возвращение?

Скотт умолк. Деннис грустно стукнул по зубу черенком трубки.

— По моим прикидкам, около миллиарда, шеф.

Деннис раскурил трубку.

— Подайте пример, сэр, — сказал он. — Президент Джонсон обычно выключал для экономии свет.

— Чем вы набиваете свою трубку? — рявкнул президент. — Обрывками армейского одеяла?

Деннис вздохнул и отложил трубку в сторону.

— Оставьте их там. Незаменимых нет, — мрачно произнес президент. — Поставьте им огромный памятник. Так будет дешевле.

Он почесался.

— Это чертово шерстяное белье, что меня заставила надеть жена, страшно колется. Экономия нефти — это хорошо, но стоило ли экономить на отоплении Белого Дома? Кстати, — фыркнул он, — что вы думаете по поводу возобновления отношений с Кубой?

— Тут есть свой смысл, сэр. Раньше, во времена процветания, все очень торопились и курили сигареты. Теперь, когда нет работы, все посиживают, смотрят стереовизоры, и у них полно времени на долгие перекуры. Давайте выкинем лозунг: «Стране очень нужны хорошие пятидесятицентовые сигары».

Президент хмыкнул.

— Между прочим, Уэйганд, почему бы вам не предложить что-нибудь, помимо лозунгов? Вы ведь у меня, кажется, теперь считаетесь главным советником, не так ли?

Уэйганд Деннис заерзал в кресле.

— Если честно, господин президент, у меня давно брезжит одна идейка...

— Ну так давайте ее сюда! За последние четыре часа я выслушал столько бредовых идей, что еще одну как-нибудь вытерплю!

Деннис кивнул и рассеянно потянулся за трубкой и кисетом.

— Сэр, помните, я рассказывал вам, как начинается бум? Медленное течение, а потом эффект снежной лавины.

— Как же такое забыть! Тогда я впервые услышал о депрессии.

— Да, сэр. Но ведь и с депрессией то же самое. Так вот, до меня дошло, что ведь где-то эта депрессия н а ч а л а с ь. В какой-то точке страны. Из-за какого-то одного поступка.

Он замолчал. Президент смотрел на него, не отрываясь, и в глазах начал разгораться огонек надежды.

Деннис лениво, как и всегда, пожал плечами и раскурил трубку.

— Предположим, мы восстановим это событие. Допустим, мы доберемся до корня зла. До стартовой точки.

— И что же мы тогда сделаем? — спросил президент слегка охрипшим от волнения голосом.

Деннис засунул кисет в правый карман пиджака, а спички в левый. Потом выдохнул дым через ноздри.

— Раскрутим маховик в обратную сторону, — сказал он.

* * *

Уэйганд Деннис посмотрел на длинные ряды гудящих компьютеров.

— Давайте-ка уйдем от этого шума, — сказал он, покачав головой.

Его спутник провел его в кабинет и закрыл дверь.

— Просто диву даюсь, — сказал Деннис, — как вы умудряетесь думать в такой обстановке.

— А нам и не нужно думать, — ответил Род Уотсон. — За нас машины думают.

Деннис взглянул на него, одновременно нащупывая трубку в кармане пиджака.

— А когда они кончают думать, — продолжил Уотсон, — мы берем результат и начинаем размышлять над тем, чего они там надумали.

— Очень смешно, — сказал Деннис. — Я расскажу президенту, каких шутников плодит ваш департамент.

Род Уотсон смутился.

— Ладно, ладно, — сказал Деннис. — Я шучу. Он сейчас помешан на экономии. Сокращает расходы. Уволил несколько миллионов правительственных служащих. А вчера отправил в отставку весь состав ВВС.

— ВВС? — изумился Уотсон.

— Вот именно. Зачем, мол, они вообще нужны, когда у нас столько ракет?.. Короче, насколько далеко вы сегодня продвинулись?

Уотсон обошел свой стол, уселся и отыскал распечатку.

— Детройт, — сказал он. — По данным компьютера, катастрофа началась тогда, когда Детройт сократил производство и уволил около ста тысяч человек. Тут-то лавина и покатилась.

Раскуривавший трубку Деннис сердито покачал головой.

— Нет. Вы не поняли, что я от вас хотел, Уотсон. Это середина пути.

Уотсон нахмурился. Деннис ткнул черенком трубки в пуговицу на пиджаке собеседника.

— П о ч е м у Детройт сократил производство?

Уотсон моргнул.

— Почему? Разве это не очевидно? Новые модели машин не продавались.

— А почему? Копните еще глубже. Откручивайте назад!

Род Уотсон устало вздохнул.

— Видите ли, мистер Деннис, Бюро статистики не всемогуще.

Деннис выпустил крошечный клубочек дыма.

— Так советую вам стать всемогущими. Не забывайте о судьбе ВВС, старина.

Уотсон в ужасе закрыл глаза.

— Так чего же вы все-таки хотите, мистер Деннис?

— Возвратиться еще дальше назад. — Деннис небрежно махнул рукой в сторону компьютерного зала. — Где-то там, среди всей накопленной информации вы можете отыскать н а ч а л о. Ту первую песчинку, которая, упав с горы, столкнула другую песчинку, затем камешки, потом валуны, пока на нас не обрушилась вся лавина.

Уотсон застонал.

* * *

Уэйганд Деннис, сопровождаемый двумя каменнолицыми агентами секретной службы, ступил на цементную дорожку, отметив краем глаза неподстриженный газон по ее краям. И не только газон. Дому не помешал бы слой краски, а то и два. С одного из окон свисал покосившийся ставень. Разбитое окно было заткнуто газетой.

Деннис хмыкнул.

— По нынешним временам дом смотрится даже лучше, чем прочие.

Оба агента промолчали.

Он медленно взошел по угрожающе потрескивающим деревянным ступенькам и постучал в дверь, предположив, даже не проверяя, что звонок наверняка не работает.

В приоткрывшейся двери появилось лицо пожилой женщины. Она показалась ему такой же, как и все пожилые женщины, которых он видел за свою жизнь. Ей наверняка без проблем удалось бы получить роль в Голливуде. Если бы Голливуд по-прежнему снимал фильмы.

— Скажите, здесь живет Марвин Селлерс? — вежливо поинтересовался Деннис.

— Если вы по поводу насчет оплаты счетов... — тут же отозвалась она.

— Можете не продолжать. «Если вы пришли за деньгами, то мистер Селлерс заплатить не может». Но мы по другому поводу.

— Нельзя выжать кровь из турнепса, — сказала она.

— Вы подарили мне весьма мудрую фразу, — вежливо поклонился он.

Она повернулась и крикнула через плечо: «Марв! Эй, Марв!» — и тут же ушла.

Марв подошел к двери и посмотрел на них с подозрением.

— Что надо?

Несколько долгих секунд Деннис пристально вглядывался в него.

— Выходит, вы тот самый, кто все начал, — пробормотал он.

— Что я такое начал? — подозрительно спросил Марв.

— Могу я поговорить с вами наедине?

— Хм, не знаю. Насчет чего? Впрочем, заходите. — Он распахнул дверь с треснутым стеклом. — Сюда, в гостиную.

Деннис и агенты секретной службы прошли вслед за каменщиком в гостиную.

— Садитесь, джентльмены. Так о чем речь?

— Ребята, — напряженно произнес Деннис. — Этот разговор должен остаться абсолютно секретным.

В руках вышколенных агентов мгновенно появились пистолеты. Один встал возле окна, выглядывая наружу. Второй расположился у двери, приоткрыв ее на дюйм, чтобы можно было наблюдать за комнатой по соседству.

— Эй, что это еще такое? — запротестовал Марв.

Агенты не обратили на него никакого внимания.

— Сядьте, мистер Селлерс, — успокаивающе произнес Деннис и потянулся за трубкой. — Я представитель президента.

Он вынул удостоверение, протянул его собеседнику и стал нашаривать в карманах кисет.

— Представитель президента? Президента Соединенных Штатов?

— Совершенно верно, мистер Селлерс.

Деннис раскурил трубку, затем достал стопку бумажных листков, порылся в ней и отыскал то, что хотел.

— Мистер Селлерс, два года назад, в пятницу 12 мая, вы позвонили в магазин Уиверса и попросили работников приехать и забрать новый морозильник, купленный незадолго до этого. Так вот, именно этот ваш поступок и породил нынешний экономический кризис.

— Что?! — выпучил глаза Марв.

— Не спорьте, — вытянул руку Деннис. — Да-да, я знаю, о чем вы думаете. Что многие люди возвращают купленную мебель, автомобили и прочее. И обычно это всего лишь часть работающей экономики, часть, приходящая и уходящая со сцены ежедневной деловой активности. Однако частный

бизнес, как высокоорганизованная система, является весьма чувствительным механизмом. Мы, очевидно, находились на грани равновесия. И ваш индивидуальный акт, высвободив слабые силы, породил более серьезные процессы, которые, набрав темп, привели к коллапсу нашей экономики.

Марв Селлерс задумался, широко раскрыв изумленные глаза.

— Однако... Удивляюсь, что президент не послал за мной агентов ФБР.

— Он не смог бы этого сделать, даже если бы захотел, мистер Селлерс, — успокаивающе произнес Деннис. — Вот уже неделя как ФБР ликвидировано в рамках правительственной программы экономии. Гангстеры больше не грабят банки, потому что в них нечего брать, а коммунисты почему-то больше не жаждут завоевать нашу страну.

Марв развел руками.

— Все, что я могу сказать, — извините. Больше ничем не могу помочь. Сами видите, живу с родителями жены. Работы нет. Дом продали.

Деннис кивнул.

— Так вот, дело совершенно секретное. Последняя отчаянная попытка. В Вашингтоне мы окрестили ее «Проект Селлерс». Мы прижаты к стене, мистер Селлерс. Половина Сената уже склоняется к тому, чтобы вернуть страну индейцам. Но резервации пока уклоняются от ответа.

— «Проект Селлерс»? — изумился Марв.

— Именно так. — Деннис повернулся к стоящему у окна агенту.

— Стив, дай-ка мне тот конверт.

— Да, сэр.

Стив вынул из внутреннего кармана пиджака длинный конверт, протянул его Деннису и вернулся на пост у окна.

— Запомните, — сказал Деннис, — дело секретное. Абсолютно секретное. Если тайна будет раскрыта, все немедленно рухнет. Даже ваша жена ни о чем не должна знать, мистер Селлерс.

И он вручил ему конверт.

— Я не могу рассказать Феб?

— Никому.

Марв Селлерс помедлил, а затем, словно загипнотизированный, медленно открыл конверт и вынул пухлую пачку хрустящих новеньких банкнот.

— Что это?

— Вы что, забыли, как выглядят доллары?

Селлерс горько усмехнулся.

— Деньги американского правительства?

— Да, мой друг, — отозвался Деннис. — В Форт Ноксе еще осталось немного золота, и эти деньги были выпущены под остаток.

Глаза Селлерса снова округлились.

— Когда вы их потратите, то получите еще, — торопливо сказал Деннис. — Президент пытается добиться займа в Монако. Кажется, нынешний принц этой страны симпатизирует Америке. То ли мать его была американкой, то ли любовница.

— Ладно, — сказал Селлерс. — Я такой же патриот, как и вы. Что надо делать?

* * *

На следующий день Феб и Марв Селлерсы вместе со Старым Сэмом переехали обратно в свой дом. К счастью, покупателей на него не нашлось.

Марв был нем, как рыба. Он получил работу от правительства — ни Феб, ни Старый Сэм не услышали от него больше ни слова.

В тот же день он позвонил Барри Беннингтону.

— Мистер Беннингтон, — сказал он, — я передумал.

— Передумали? Насчет чего? — прохрипел старик.

— Насчет машины, которую я вам продал. Знаете, она мне дорога. Мне хотелось бы выкупить ее.

Старик заупрямился.

— Даже не знаю, что вам и ответить, мистер Селлерс. Я уже успел к ней привыкнуть.

— Согласен заплатить на пять сотен больше, — осторожно сказал Марв, — если вы вернете мне старую развалину.

— Пять сотен? Ну, не знаю, не знаю. Понимаете, ведь я ее отполировал и вообще потратил кучу денег на эту чудесную машину.

— Пусть будет тысяча.

— Согласен, — быстро прохрипел старик.

Вечером, когда Билл Уотерс привез на велосипеде старику Беннингтону немного сыра и копченой колбасы, тот встретил его возле кухонной двери.

— Билл, — хрипло спросил Беннингтон, — сколько стоит «Бьюик-Кэйюз»?

Билл Уотерс вытаращил глаза.

— Кажется, вы уже купили себе подержанную машину, мистер Беннингтон.

— Да, но она мне надоела. Я продал ее обратно. Мне всегда хотелось иметь машину на воздушной подушке. Не найдется ли у вас такой для меня?

Уотерса бросило в дрожь.

— Вообще-то, — ответил он, пытаясь говорить спокойно, — я закрыл свою контору. Но если поразмыслить... ведь у меня остались кое-какие старые связи. Наверняка я смогу заказать для вас машину у оптовика из Денвера.

— Сделайте это, Билл. Вот вам наличные на первый взнос.

* * *

— Да, — говорил Марв Селлерс Джиму Уиверсу, — нам очень нужен новый морозильник. Феб хочет модель сиреневого цвета.

— И у вас есть деньги на первый взнос? — спросил ошеломленный Уиверс.

— Наличные, сэр!

— Но мне придется заказывать. Склад пуст.

— Ничего, я заплачу сразу всю сумму. И вот еще что, Джим. Я что-то читал о новом миксере для коктейлей. Кажется, он работает от маленькой атомной батарейки. Ее хватает на двадцать лет.

— Я знаю, где смогу заказать для тебя такой. И еще несколько. Похоже, пришло время снова открывать магазин.

— Само собой, — отозвался Марв.

* * *

Когда Норман Фоксбитер проехал мимо ресто-

ранчика миссис Перриуинкл, то с удивлением заметил, что заведение работает. И не просто работает: в нем полно посетителей.

Он так и не смог понять, что заставило его войти. Наверное, он совсем отвык видеть открытым хоть какое-то частное заведение.

Он сел за столик и попросил официантку принести ему тарелку с очень маленькими бутербродиками, порцию тушеных бобов и немного картофельного салата. Бобы оказались превосходными. Он смутно припомнил, как миссис Перриуинкл расхваливала свою домашнюю кухню.

Кое-кого он узнал. Был здесь и каменщик, что когда-то выполнял заказ Фоксбитера и строил во дворе коптильню для мяса. Как, бишь, его зовут? Вроде Селлерс. Был и Барри Беннингтон, имевший некогда пай в «Фоксбитер и Фодер». В другом конце зала расположились Билл Уотерс с женой. В лучшие времена Уотерс был членом местного клуба. Фоксбитер кивнул ему, и Уотерс в ответ приветливо помахал рукой.

Г-м-м-м. У Билла Уотерса дела определенно пошли лучше.

Тут появилась улыбающаяся миссис Перриуинкл с тарелкой своих знаменитых маленьких сосисочек. Она узнала его и остановилась.

— Кажется, дела у вас идут прекрасно, миссис Перриуинкл, — сказал Фоксбитер.

— О, — охотно солгала она, — как всегда. Скажу по секрету, я собиралась заглянуть к вам и вложить часть выручки в акции.

И она заторопилась дальше.

Час спустя он вошел в контору Мортимера Фодера.

— Мортимер, — задумчиво сказал он, — интуиция подсказывает мне, что пора снимать деньги со счетов в Швейцарии и вкладывать их в американский рынок.

Старший партнер поднял голову.

— Вот как? Что ж, отлично. Готов поспорить, что сейчас можно будет заказать яхту почти за бесценок.

Все семейство сидело за кухонным столом.

— Ты знаешь, — сказала Феб, — мистер Эдвардс хочет, чтобы я вернулась на работу. Они уже получили целую кучу новых приборчиков и собираются ими торговать.

— Да? — отозвался Марв. — И каких же?

— О, всякую всячину. Когда все оказались без работы, очень многим техникам и изобретателям не осталось другого занятия, кроме как слоняться по своим мастерским в подвалах, гаражах и лабораториям да придумывать невесть что. Вроде электрической ложки.

— Кстати, — сказал Марв, — у меня тоже хорошие новости. Мой прежний босс собирается строить новую фабрику. Там будут делать роликовые коньки на воздушной подушке.

Старый Сэм простонал.

— Опять начнется эта крысиная гонка, — сказал он. — Так и знал, что на этот раз долго не протянем. Все торопятся, торопятся, прямо-таки неймется. Вот в старые времена депрессия тянулась лет этак восемь-десять.

— Помолчал бы лучше, дед, — буркнул Марв.

Старик поднялся.

— Схожу-ка я припрячу тот плакатик про яблоки. Чует моя левая пятка, он еще пригодится.

* * *

— Да, сэр, — с удовлетворением сказал Уэйганд Деннис. — Сработало.

Президент просиял.

— А теперь, — торжествующе произнес он, потирая руки, — мы снова сможем вернуться к моему проекту Общества Будущего. Будем продолжать полицейскую операцию в Антарктиде. Скотт, соедините меня с адмиралом Пеннингтоном. Пора стряхнуть с него нафталин. Да, и передайте Октагону мое распоряжение прекратить переплавку Пятнадцатого флота.

— Да, мистер президент.

— А вот интересно, — задумчиво добавил президент, — как там поживают наши парни на Луне?

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ.

Сергей Алексашенко,
кандидат экономических наук

ДЕЙСТВОВАТЬ ЕЩЕ МОЖНО. НО ОЧЕНЬ ОГРАНИЧЕННО

ЭКСПЕРИМЕНТ

Как камешек вызывает лавину в горах, так поступок отдельного обывателя становится причиной глобальной катастрофы. Это – фантастика? И что все-таки ждет нас, живущих в нынешнем вполне сюрреалистическом российском сегодня: депрессия, разорение или выход из тупика? Свой прогноз развития экономической ситуации сделал Экспертный институт Российского союза промышленников и предпринимателей. Прогноз представляет исполнительный директор института, один из ведущих специалистов в области финансовой политики государства Сергей Алексашенко. Беседу ведет наш корреспондент Владимир Губарев.

В прогнозе, подготовленном институтом, действительно предполагалось отразить грядущие реалии нашей жизни или же это был конъюнктурный анализ, отвечающий потребностям значительной части населения заглянуть в будущее?

– Любая наука строится на том, что дает прогнозы. Сила экономической науки в том, что она может попытаться предсказать развитие каких-то процессов, частностей. И, как правило, эти прогнозы даются в количественных оценках: чего, кому, сколько, куда. Но в силу ряда обстоятельств даже точные количественные оценки, а не то что прогнозы, в нашей экономике невозможны Начиная с того, что у нас просто нет единицы измерения... В экономике все должно измеряться деньгами, но трудно сказать, можно ли нашим рублем что-то измерить. Еще пару лет назад было двадцать или двадцать пять сортов рубля – одни на зарплату, другие на инвестиции и т.д., причем одни на другие не обменивались. Ситуация меняется, но далеко не столь решительно, как хотелось бы.

Если упрощенно, то прогноз строится так. Вы берете исходные количественные данные и возможные обстоятельства и на их основе выстраиваете гипотезу. Что-то меняете, и у вас события развиваются таким или иным образом. В нашей ситуации получается, что традиция сломалась. Разрушение административной системы поменяло все пропорции, в народном хозяйстве идет серьезный экономический спад, все рушится. Распались СЭВ и СССР. Давать какой бы то ни было прогноз – вещь очень рискованная. И я не видел ни одного количественного прогноза, сделанного с высокой степенью достоверности.

А вопрос, как будут развиваться события, в общем-то, поставлен. За цифрами спада промышленного производства на 20 процентов могут крыться самые разные причины. И общий спад промышленности. И какой-то структурный сдвиг: скажем, мы просто прекращаем выпускать танки, авианосцы и ракеты. Даже если в то же время мы увеличиваем производство мяса, молока и телевизоров, статистика все равно покажет падение промышленного производства. За этими двадцатью процентами могут крыться и какие-то новые тенденции в политике самих предприятий.

Поэтому в нашей ситуации гораздо важнее отслеживать качественные сдвиги, изменения в экономике.

Наш прогноз строился следующим образом. Был определен круг экспертов, каждый из которых мог выдвигать свою гипотезу развития событий. Это высококвалифицированные экономисты, которые делали свои расчеты, опираясь в том числе и на профессиональную интуицию. И получился многовариативный сводный результат – обобщение. Так всегда бывает, когда вы беретесь рассматривать качественные процессы. Важно понять, что между оптимистическим и пессимистическим вариантами проходит русло, в котором будут развиваться события.

Вы обозначаете границы, «берега» – самое худшее и самое лучшее.

– Извините, Сергей Владимирович, но не напоминает ли ваша ситуация доктора Богомола из „Золотого ключика", который говорит: больной или жив, или мертв?

– Ну нет. У нас и оптимизм и пессимизм в пределах допустимого. Мы же не говорим (в отличие от некоторых), что через год будет подъем. Потому что это нереально. Таких крайностей, что пациент – народное хозяйство – уже жив или уже мертв, у нас нет. Суть этого прогноза – показать, что у любого правительства, каким бы оно ни было, есть определенный набор возможных действий. Очень ограниченный. Чуть-чуть сюда или чуть-чуть обратно.

Но очень чуть-чуть. Много не получается. Тот же Черномырдин сначала попробовал заморозить цены и одновременно дать льготные кредиты. И уже в новогоднюю неделю цены выросли на десять процентов. Раздались крики: «Пятьдесят процентов в месяц? Гиперинфляция!» И больше он в эту сторону не ходит...

Как только человек, попавший на этот уровень, пробует куда-то дернуться – тут же понимает: туда нельзя и сюда нельзя! И вообще попал в какой-то желоб для бобслея, по которому должен ехать. Его задача-максимум – не перевернуться. Можешь ехать быстрее, медленнее, не трястись на поворотах, но набор действий очень ограничен. И, если правительству чуть-чуть повезет – не случится пожара на КамАЗе и оно будет настойчиво в проведении своей линии – то мы можем выйти на оптимистический сценарий. Если правительству не повезет и оно будет пассивно обсуждать ситуацию, то можно скатиться к самому пессимистическому...

– А категория «везения» в вашем прогнозе какое место занимает?

— Очень незначительное. Трудно сказать, что это такое. Вот сгорел КамАЗ — не повезло, причем не только кому-то лично, всем нам. Даже просто отсутствие заказов от КамАЗа означает потерю десяти миллиардов рублей — неполученных налогов плюс выплаты пособий по безработице. Это без учета самого завода и его социальной сферы, которая тянет на тридцать пять миллиардов в год.

— А где же «везение»? Или вы считаете: если не рухнуло — уже хорошо?

— Повезет, если нефть найдут где-нибудь в Подмосковье. Много. Дешево и сердито.

Но в это не верится. Поэтому, скорее, категория везения — это совпадение нескольких независимых друг от друга процессов. Резонанс. Скажем, начинает правительство в очередной раз проводить жесткую финансовую политику, зажимать денежную массу, чтобы погасить инфляцию, а именно к этому моменту директора вдруг поняли, что от государства больше ничего не получишь. И результат как в Болгарии — взаимного зачета долгов никому не производили и погасили за счет этого инфляцию. У нас сегодня, чтобы этого добиться, должно «повезти».

— А если разбить «везет-не везет» на составляющие? Если взять финансовую сферу, возможен ли здесь случайный прохожий, который своими действиями вызовет лавину позитивного или негативного свойства? Образно говоря, бросит окурок — и спалит КамАЗ?

— Это старый вопрос о роли личности в истории. Я считаю, что может. Если есть какая-то направленность исторических событий и вы действуете в том же направлении, то каким-то образом можете ускорить процесс. Если наоборот, в конечном итоге вы обречены на неудачу. Думаю, сегодня сказать, что может сделать личность в финансовой политике, трудно. К сожалению, личностей в министерстве финансов, за исключением самого министра, нет.

— А возможны ли такие пиковые точки, когда чей-то частный поступок даст стимул для качественного скачка в экономике? Или все мы на этом празднике жизни — простые статисты?

— Понимаете, единица — ноль, единица тоньше писка. Конечно, от среднестатистического человека, обывателя мало что зависит. Но от того, как ведет себя население, зависит очень многое. Вот даже чисто гипотетическая ситуация — начинают ползти слухи, что будет денежная реформа и что обменивать будут только наличные! А вклады в Сбербанке пропадут. Или будут обменивать десять к одному. Представляете, что начнет твориться с наличностью? Сколько денег надо будет выбросить в обращение? Вот, нашелся кто-то, пустил слух...

Или, говорят, если пятьдесят процентов в месяц — это гиперинфляция, если меньше — то нет. А вообще-то гиперинфляция — это психологический феномен в поведении людей. При тридцатипроцентной инфляции в месяц практически во всех странах люди требуют выплаты зарплаты еженедельно. А у нас как платили два раза в месяц, так и платят. И ходим мы с карманами, набитыми деньгами. И вроде чувствуем, что хорошо бы их потратить сразу, а, с другой стороны, понимаем, что жить нужно еще две недели и через десять дней тоже надо будет что-то есть.

— Люди живут стереотипами стабильного общества, несмотря ни на что?

— Да. И если вдруг этот стереотип поменяется и люди начнут мгновенно тратить деньги, вот тогда-то и наступит гиперинфляция. Казалось бы, и сейчас можно скупать макароны, мыло, крупы — все, что способно храниться. А они лежат на прилавках. Не говоря о всяких напитках. Народ как-то держится. Да, нет молока, трудно купить сыр. Но к гиперинфляции это не имеет отношения. Потому что в этом случае население должно сметать все, что хранится больше трех дней.

— Вы в своем прогнозе затрагиваете макроуровень, а если говорить об обывателе?

— Его сознание является гораздо более рыночным, чем мы (в том числе и средства массовой информации) привыкли думать. Хотя это трудно доказать на цифрах.

Говорят, что реальные доходы населения упали в два раза. Но по жизни этого не видно, а значит, люди ищут и находят выход. Все, кто моложе сорока, помимо официального, имеют как минимум еще один источник доходов. Пытаются как-то крутиться, поняв, что на государство рассчитывать нечего. Пожилым, конечно, труднее.

— Ваши политические предсказания окрашены, если так можно выразиться, в серые тона, а о «простых смертных» вы говорите с проблесками оптимизма. Как вы разрешаете это противоречие?

— Мы в такой ситуации, когда спастись, помочь себе и стране можем только сами. Никакая западная помощь ничего не решит. Не хватит ее: сколько ни дадут, все промотаем. «Серый цвет» перспектив во многом определяется тем, что официальная статистика ничего не знает о частном секторе. Уже в 1991 году я оценивал долю выведенного из-под прямого государственного управления сектора — аренды, кооперативов и т.п. — в двадцать процентов валового национального продукта.

Сегодня доля частного сектора гораздо выше. Есть огромная часть национального богатства, о которой статистика не может судить. Мы даже не знаем, сколько в стране коммерческих ларьков. А оборот каждого из них в Москве — 80 тысяч в день!

При норме прибыли пятьдесят процентов получается не менее пятнадцати-двадцати тысяч рублей на человека. Это деньги, которые нигде не учтены, — личный доход. А посмотрите на частное строительство, которого официальная статистика тоже не замечает. Огромное количество настоящих особняков, а не времянок до первого пожара.

Нет даже выборочной статистики. Налоги никто не платит, потому что доходы не учтены. Не говорю, что это хорошо, но в отношении нашего населения я спокоен.

— Можно ли судить людей за то, что они не сообщают в налоговую инспекцию о своих доходах?

— По нормам нашей морали — нельзя. У нас как-то исторически сложилось, что обман государства считается за доблесть. «Любовь» здесь взаимная. В Америке — там можно попытаться спрятать часть доходов, но вот вообще не платить налогов нельзя. Впрочем, наши «американцы» уверяют, что это не проблема — если совсем не сдавать декларацию, то о тебе словно и не знают.

— Вы могли бы дать какие-то рекомендации по выживанию в нынешней финансовой ситуации? Что могло бы помочь каждому?

— Здесь мое сознание как бы раздваивается. С точки зрения личных сиюминутных интересов, я могу посоветовать вам тратить деньги, а не хранить их. А вам как члену общества я должен советовать вкладывать их в банки, акции, словом, копить.

И тот, и другой подход имеет право на жизнь... Хотя в первом случае возникает такая опасность, что, привыкнув тратить, вы не сможете в какой-то момент, когда все начнут накапливать, остановиться. Прозеваете момент стартового накопления. Так что будущее, по-моему, за вторым.

Политические предпосылки

Критически важным фактором для развития экономики в предстоящий период будет политика. Возможно, ее влияние окажется даже более сильным, чем в последние два года, хотя и в это время экономика в значительной мере была заложницей политики.

Исходя из нынешнего положения дел, можно предложить для анализа три базовых варианта развития политической ситуации в ближайшей перспективе.

Сценарий I — усиление конфронтации. Россия в нынешнем переходном состоянии предрасположена к социальной и политической поляризации. С углублением экономического кризиса увеличивается и становится значительной та часть населения, которая может оказаться восприимчивой к экстремистским лозунгам. Центристы будут пребывать в аморфном состоянии и не смогут противостоять крайним течениям, усилению конфронтации и поляризации. Они не найдут общего языка с «Демократическим выбором» из-за сильного влияния в нем радикалов, взаимного недоверия, а также собственных консервативных тенденций. Противостояние законодательной и исполнительной ветвей власти будет усиливаться, парализуя способность обеих к эффективным действиям в экономике.

При подобном развитии событий победителей, вероятнее всего, не будет. «Демократический выбор» сам победить не может, даже при активной поддержке Президента, ибо эйфория августа-91 прошла, а ответственность за углубление экономического кризиса и болезненность реформ легла на «демократов». Следующая волна симпатий к демократам и реформаторам еще далеко впереди. Правые сами по себе также победить не смогут, по крайней мере в ближайший год. Но углубление кризиса и упрямство демократических радикалов будут работать на них, и опасность правого переворота при известных условиях может рассматриваться как вполне реальная.

Более вероятно продолжение изматывающей борьбы Парламента с Президентом, чреватой дальнейшим падением авторитета государственной власти, ростом насилия и беззакония, обособлением регионов. При этом реформы и восстановление экономики будут по существу блокированы. Первый сценарий можно считать худшим и, к сожалению, весьма вероятным.

Сценарий II — консолидация справа. Такая консолидация наметилась на VII Съезде в форме возможного объединения право-левых (вместе с коммунистами) и консервативного центра. Последующие съезды лишь подтвердили ее продолжение. В этом случае можно предположить победу законодательной власти над исполнительной, превращение Президента в церемониальную фигуру, подчинение Правительства Парламенту. Парламент по самой своей природе будет толкать контролируемое им Правительство к популизму. При этом сценарии реформирование и оздоровление экономики затягивается, скатывается к консервативному варианту, а, возможно, и просто блокируется популизмом, что может привести к переходу II сценария в первый.

Сценарий III — консолидация в центре. Для этого должна произойти перегруппировка политических сил и выделение в итоге сильного центра, который сам по себе может быть двухполюсным: один полюс формируют умеренные либералы, другой — умеренные консерваторы, оппонирующие друг другу, но готовые сотрудничать в противостоянии правому и левому радикализму, в принятии новой Конституции, в утверждении сильной исполнительной власти, способной последовательно проводить реформы. Для реформирования экономики этот вариант наиболее предпочтителен, хотя надо отдавать себе отчет в том, что он уже не допускает чересчур резких, радикальных шагов как в экономической, так и в политической сферах.

В пользу этого варианта говорит то, что, несмотря на объективную предрасположенность общества к поляризации, тем не менее большая его часть тяготеет к умеренности, что и показала реакция общественности на политические конфликты во время последних съездов.

К сожалению, этот сценарий, будучи близок к оптимальному в нынешних условиях, имеет не очень много шансов на успех. Слишком сильно желание добиться победы на путях конфронтации. И все же, даже если удастся укрепить исполнительную власть, что в принципе благоприятно для реформирования и оздоровления экономики, рано или поздно этой власти придется искать социально-политическую опору и, следовательно, возвращаться к идее консолидации. И именно за этот сценарий надо бороться.

Экономический прогноз

Экономические прогнозы будут строиться исходя из следующих предпосылок, лежащих за пределами экономики:

— развитие политических событий в России с учетом изложенных выше сценариев;

— развитие отношений со странами СНГ и другими бывшими союзными республиками;

— уровень и характер поддержки Запада.

В соответствии с традиционной методологией Экспертного института предполагаются три варианта прогноза — пессимистический, оптимистический, наиболее вероятный.

Вариант I, пессимистический. Исходит из того, что политическая ситуация в России развивается по первому сценарию. Углубляется экономический кризис.

Взаимоотношения с бывшими союзными республиками остаются в наихудшем положении — не урегулированными. Введение собственных национальных валют рядом республик приводит к разрыву хозяйственных связей предприятий, а сохранение остатков рублевого пространства без институциональных изменений в устройстве денежных систем лишь туже затягивает узел противоречий между его участниками. Односторонние шаги России по повышению цен на поставляемые в ближнее зарубежье сырьевые ресурсы ставят их экономику перед угрозой развала. Чем меньше республика, тем сильнее ее привязанность к экономикам своих соседей, тем ощутимее для нее будет этот удар. Относительно лучше может сложиться ситуация в странах, располагающих освоенными природными ресурсами, как Туркмения и Азербайджан, однако в целом все должны ждать больших дополнительных потерь, в том числе и Россия.

Эти потери будут обусловлены прежде всего неотложностью расчетов, неконвертируемостью и общей слабостью вводимых валют, предпочтением предприятий искать партнеров прежде всего у себя в республике или за рубежами бывшего СССР, где есть шанс заработать столь желанные доллары.

Симптомы гиперинфляции, проявившиеся в декабре — январе, набирают силу, месячные темпы инфляции повышаются до 45 — 50 процентов к началу лета. Проведение антиинфляционных мер финансовой политики блокируется популистскими решениями Верховного Совета и по-

стоянно растущей эмиссионной активностью Центрального банка. Рост цен в экономике выходит из-под контроля, становится самовоспроизводящимся и определяющим все прочие экономические процессы. Снова возрастает роль бартерных сделок между предприятиями, расчеты наличными между ними становятся общепринятыми, что подрывает доходы бюджета и делает невозможным нормальное финансирование бюджетной сферы. Спад производства с учетом влияния разрывов связей с другими республиками, а также между российскими регионами может достичь 30 процентов. Столь сильное падение производства неизбежно повлечет остановку многих предприятий, рост безработицы и дальнейшее падение жизненного уровня населения. Фактически останавливаются институциональные преобразования как в центре, так и на местах, поскольку гиперинфляция ставит перед властями принципиально новые проблемы, отнимающие все силы и время.

Что касается поддержки Запада, то ввиду политической неустойчивости, она не будет активной. В лучшем случае удастся получить средства по предоставленным ранее кредитным линиям.

На этом фоне неизбежно усиление сепаратизма регионов, целостность России будет поставлена под угрозу в большей степени, чем это наблюдалось в последние годы. Неизбежно нарастание дезорганизации общественной жизни и ослабление государственной власти.

Пессимистический вариант прогноза на 1993 год более мрачен, чем в прошлом году, поскольку мы приблизились к наиболее острой фазе кризиса, а такие важные факторы, как политическая обстановка и взаимоотношения с бывшими союзными республиками гораздо менее благоприятны, чем в начале 1992 года.

Вариант II — оптимистический. Предполагает реализацию III сценария политических событий — консолидацию в центре с той или иной перегруппировкой политических сил. Возможно, он станет результатом успешной работы «Круглого стола», если тот сконцентрируется не на выяснении отношений, а на выявлении круга спорных вопросов, особенно касающихся экономической и социальной политики, нахождении компромиссов, проявлении взаимной сдержанности в требованиях. Предполагается также достижение равновесия между законодательной и исполнительной властями, при котором последняя могла бы действовать решительно, ощущая поддержку или хотя бы нейтралитет, а не противодействие едва ли не по каждому поводу. Со своей стороны, Правительству удается действовать гибко и оперативно реагировать на изменения ситуации.

В сфере взаимоотношений со странами Содружества и другими бывшими союзными республиками предполагается достижение и, главное, выполнение соглашений по ключевым вопросам экономической и прежде всего денежно-финансовой политики. Предпосылкой для реализации оптимистического прогноза может стать сохранение существующего переходного состояния, при котором Россия заниженными ценами на сырье, предоставлением технических кредитов или иными способами не допускает обвального сокращения взаимного товарооборота, но при этом со стороны партнеров ради достижения этих целей следует ожидать известных уступок, возможно, не всегда сочетающихся с принципом полного экономического суверенитета, зато позволяющих поддержать производство, взаимную торговлю и благосостояние населения. В частности, речь должна идти о соблюдении «общежития» в рублевой зоне, пока она сохраняется, о признании партнерами России задолженности ей, когда она имеет место, и предоставлении приемлемых форм ее погашения.

Оптимистический вариант подразумевает проведение согласованной между правительством и ЦБ достаточно жесткой дефляционной политики. Благодаря этому вспышка инфляции в конце 1992 — начале 1993 года не приведет к ее дальнейшему развитию. Предпринятые шаги правительства и Сбербанка по ограждению сбережений населения поддерживают тенденции к накоплению. Правительству удается наладить многосторонние переговоры производителей по согласованию пределов роста цен. Ко второй половине 1993 года инфляция снижается до 7 — 10 процентов в месяц и уже не поднимается выше этого уровня. С другой стороны, в силу объективных причин правительство и Центробанк не могут опустить ее ниже 3-5 процентов в месяц.

Плавное ужесточение макроэкономической политики не вызовет в качестве ответной реакции платежного кризиса в масштабах, сопоставимых с 1992 годом. С одной стороны, это обусловлено успехами Центробанка в реорганизации системы расчетов в стране, с другой — рядом своих шагов правительство добивается укрепления финансовой дисциплины и ужесточения финансовых ограничений для предприятий. В практику вводится процедура банкротства или реорганизации предприятий — безденежных должников. Взаимные долги предприятий (неплатежи) оформляются в виде векселей, совместно с банковской системой организуется вексельное обращение, практически решается вопрос о залоге имущества предприятий, в том числе и государственных.

При таком развитии событий предприятия вынуждены будут распродавать запасы, увеличивать реализацию продукции и, по возможности, ее производство, чтобы заработать. Ограничение спроса не позволит завышать цены, а будет ориентировать предприятия на минимальную прибыль, чтобы поддержать спрос на свои изделия. Появится интерес к сокращению издержек, увеличению производительности труда, техническим и организационным нововведениям.

Несомненно, поскольку будут закрываться неэффективные предприятия, обострится проблема занятости. (Это при всей болезненности — жизненно необходимый процесс обновления). Со второй половины 1993 года начнут проявляться позитивные структурные сдвиги: снижение производства на одних участках будет в значительной мере компенсироваться его ростом на других, в первую очередь, в частном секторе, увеличением экспорта.

Здесь государство должно гибко реагировать на текущие нужды предприятий «неперспективных», с точки зрения внутреннего спроса, отраслей, иногда даже поддерживая их при выходе на внешние рынки. Уже в 1992 году выяснилась повышенная жизнеспособность отраслей, производящих промежуточные продукты (металл, химия), — определявшаяся не только завышением здесь оптовых цен, но и наращиванием экспорта. Возможно, деформированная структура российской экономки в переходный период может оказаться не только проблемой, но и благом, ибо на мировом рынке не только энергоносители, но также материалы, полуфабрикаты легче находят сбыт, чем конечные продукты российского производства.

Позитивное развитие событий в России повысит доверие к российским реформам за рубежом. В этом случае можно рассчитывать на наилучшие условия реорганизации внешнего долга.

В целом, снижение производства в оптимистическом сценарии не превысит 10 процентов, в основном, за счет продолжения конверсии, свертывания активности неперс-

пективных отраслей и предприятий при стабилизации производства энергоносителей, продовольствия и потребительских товаров первой необходимости, заметно лучшем насыщении потребительского рынка, расширении жилищного строительства, что может быть расценено как повышение жизненного уровня населения.

Оптимистический вариант во многом носит нормативный характер. Его можно рассматривать как программу действий.

Вариант III — наиболее вероятный. Также, как и пессимистический, основывается на политических сценариях: либо первом — конфронтации (но в вялой форме), либо втором — постепенной консолидации справа, что более вероятно. Это означает, что для экономических реформ политические предпосылки будут складываться неблагоприятно.

В случае развития политических событий по II сценарию последует смена правительства и будут предприняты попытки стабилизации по консервативному варианту, с замораживанием цен, доходов и возвратом к обязательным госзаказам, с нормированием уровней рентабельности. Следствием подобных мер, если бы они были применены в широких масштабах, стало бы опустошение рынка, резкое обострение товарного дефицита, новый расцвет бартера и еще большая дестабилизация производства. Как только эти последствия проявились бы со всей очевидностью, такие меры пришлось бы отменять. Плавное сползание вправо обернется лишь обостренным проявлением негативных процессов.

Во взаимоотношениях с бывшими союзными республиками будут сохраняться те же проблемы, что и в 1992 году. Наиболее напряженными будут отношения со странами, которые ввели национальные валюты — неурегулированность расчетов и недоверие к рублю, как и к республиканским валютам, будут негативно влиять на объем взаимного обмена и производства.

Отношения в рамках рублевой зоны будут характеризоваться достижением соглашений, включая создание координирующих экономических органов, межгосударственного банка расчетов, таможенного союза. Однако выполняться они будут плохо. России придется и в 1993 году нести бремя «особых» отношений, чтобы не допустить срывов поставок важных ресурсов и дальнейшего спада производства. Это будет способствовать усилению инфляционного давления.

Взрыв инфляции, начавшийся осенью прошлого года и подошедший к пику в январе нынешнего, изменит инфляционные ожидания населения, и нужны жесткие меры, чтобы остановить опасный процесс ее ускорения. Но в силу общей слабости правительства и склонности к популизму будет наблюдаться чередование жестких и смягчающих шагов.

С каждой попыткой ужесточения финансово-кредитной политики будет возрастать объем неплатежей, функционирование системы межбанковских расчетов принципиально не улучшится, а банкротство ряда банков лишь усугубит эту проблему. Реорганизация мелких банков, намеченная Центробанком, обернется дополнительным хаосом в работе банковской системы и не принесет ожидаемых результатов.

Под влиянием нарастания трудностей в отношениях со странами СНГ, а также из-за недостатка инвестиционного спроса и отсутствия стимулов спад производства составит 10-15 процентов. Однако и в этом варианте, возможно, проявятся позитивные структурные сдвиги и увеличение экспорта.

В таких условиях неизбежно дальнейшее снижение уровня жизни примерно на 10-15 процентов. Оно будет более ощутимым для менее обеспеченных слоев, доходы которых оказываются более подвержены обесцениванию.

Следует ожидать медленного продвижения вперед в сфере институционального преобразования — в приватизации, в укреплении других институтов рыночной экономики. Но в условиях инфляции частное предпринимательство по-прежнему будет концентрироваться в сфере торговли.

По существу наиболее вероятный вариант состоит в сохранении сложившихся в 1992 году тенденций и более или менее спонтанном развитии государственной власти и низкой эффективности государственного регулирования. 1993 год при этом еще не станет низшей точкой кризиса, для устойчивой стабилизации в последующие годы еще не сложатся необходимые предпосылки.

* * *

Во многих отношениях 1993 год обещает быть решающим. Непоследовательность в экономической политике и политическая конфронтация грозят обернуться дальнейшим ухудшением социально-политической обстановки.

В прошлом году прогноз Экспертного института осуществился между пессимистическим и наиболее вероятным вариантами. Хочется надеяться, что в этом году Россия лучше использует имеющиеся возможности.

МАЛЬЧИК В ШТАНАХ И МАЛЬЧИК БЕЗ ШТАНОВ

(Разговор в одном явлении)

Театр представляет шоссированную улицу немецкой деревни. **Мальчик в штанах** стоит под деревом и размышляет о том, как ему прожить на свете, не огорчая своих родителей. Внезапно в середину улицы вдвигается обыкновенная русская лужа, из которой выпрыгивает **мальчик без штанов**.

Мальчик без штанов. Да, брат немец! про тебя говорят, будто ты обезьяну выдумал, а коли поглядеть да посмотреть,так куда мы против вас на выдумки торовать!

Мальчик в штанах. Ну, это еще...

Мальчик без штанов. Верно говорю, и даже пример сейчас приведу. Слыхал я, правда ли, нет ли, что ты такую сигнацию выдумал,что куда хошь ее неси — сейчас тебе за нее настоящие деньги дадут...так, что ли?

Мальчик в штанах. Конечно, дадут настоящие золотые или серебряные деньги — как же иначе!

Мальчик без штанов. А я такую сигнацию выдумал: предъявителю выдается из разменной кассы...плюха! Вот ты меня и понимай!

Мальчик в штанах (хочет понять, но не может). [...]

Мальчик без штанов. Погоди, немец, будет и на нашей улице праздник!

Мальчик в штанах. Никогда у вас ни улицы, ни праздника не будет. Убеждаю вас, останьтесь у нас! Право, через месяц вы сами будете удивляться, как вы могли так жить, как до сих пор жили!

Мальчик без штанов (с некоторым раздражением). Врешь ты! Ишь ведь с гороховицей на свином сале подъехал... диковинка! У нас,брат, шаром покати, да зато занятно...

М.Е.Салтыков-Щедрин. «За рубежом».

Филип К. Дик

Кланы Альфанской Луны

Глава I

Перед тем как войти в зал Высшего Совета, Габриэль Бэйнс послал вперед своего симулакрума, чтобы удостовериться, нет ли засады. Искусно сконструированный робот, созданный изобретательным кланом манов, был полным подобием Бэйнса и мог выполнять множество функций. Однако Бэйнс использовал его исключительно для обороны, ибо самозащита была главной жизненной целью Бэйнса, как, впрочем, и других паров, обитающих в Адольфвилле, недалеко от Северного полюса Луны.

Бэйнс, естественно, не раз покидал Адольфвилл, однако чувствовал себя в безопасности — или, точнее, в относительной безопасности — только здесь, за мощными стенами города паров.

Взять, например, его недавний визит в ужасные лачуги гебского поселения. Он разыскивал сбежавшую бригаду рабочих; предполагалось, что гебы просочились обратно в Гандитаун. Сложность, однако, состояла в том, что все гебы — по крайней мере для него — выглядели одинаково: сутулые грязные создания в пропахшей потом одежде, не способные сосредоточиться ни на одном маломальски серьезном деле. Однако для того чтобы латать ветшающие укрепления Адольфвилла, требовалась рабочая сила, поскольку ни один пар не опустился бы до физического труда.

Как бы там ни было, среди полуразвалившихся гебских хижин на Бэйнса накатывал ужас и преследовало постоянное чувство опасности: здесь было абсолютно негде укрыться. Но гебов, похоже, это не волновало — они вполне довольствовались жизнью на помойке.

На сегодняшнее заседание Совета, который представлял все кланы и созывался дважды в году, гебы, конечно, пришлют своего человека. И ему, парскому делегату, придется терпеть его присутствие, отворачиваясь и зажимая нос. Вероятнее всего, от гебов снова будет толстуха Сара Апостлс, немытая Святая гебских окраин.

Но хуже всех будет, как всегда, представитель манов. Как и всякий пар, Бэйнс ненавидел каждого мана. Их безграничная агрессивность повергала его в ужас, он не мог постичь ее природу, найти мало-мальски разумную причину. Кажется, маны просто любили насилие, с извращенным удовольствием запугивая остальные кланы, особенно паров.

Подобные размышления, естественно, не прибавляли Бэйнсу терпимости ввиду предстоящего диалога с Говардом Строу, манским делегатом.

Симулакрум наконец вернулся и с легким жужжанием, похожим на одышку астматика, доложил с бэйнсовой дежурной улыбкой:

— Все в порядке, господин. Ядовитые газы и электрическое напряжение большой мощности не обнаружены. Вода в графине не отравлена. Нет также бойниц для лазерных винтовок и спрятанных мин.

— К тебе никто не приближался? — настороженно спросил Бэйнс.

— Там вообще никого нет, — ответил симулакрум. — Если не считать работника-геба.

Бэйнс осторожно приоткрыл дверь. Геб неторопливо и старательно возил метлой по полу с идиотски-счастливым, типично гебовским выражением. Работа, казалось, доставляла ему несказанное удовольствие.

«Однако в такой простоте есть свои преимущества», — подумал Бэйнс. Одно время — правда, очень недолгое — Бэйнс находился под впечатлением проповедей известного гебского Святого Игнатия Ледебура, который кочевал из города в город, распространяя тепло своей безобидной философии. И этот тоже, определенно, не опасен...

Святые гебов не пытались изменить людей, как, например, мистики-шизы. Они добивались одного — чтобы их оставили в покое. Не желая знать никаких забот, они с каждым годом, как думал Бэйнс, все более приближались к растительному существованию.

В который раз проверив свой лазерный пистолет, Бэйнс наконец решился войти. Осторожно, шаг за шагом, он прокрался в зал, сел на стул, потом резко пересел на другой — первый стоял слишком близко к окну; здесь Бэйнс представлял бы отличную мишень.

В ту же секунду дверь открылась, и появилась полненькая, сияющая, аппетитная Аннет Голдинг, делегат от клана поли, с сумочкой под мышкой и румянцем на щеках.

— Я думала, что опоздала!

— Нет-нет, — сказал Бэйнс и, предлагая девушке сесть, бросил на нее быстрый внимательный взгляд: нет, оружия у Голдинг не было.

— Жарко, — сказала Аннет, запыхавшись. — Я бежала вверх по лестнице. — Она улыбнулась ему детской улыбкой, столь характерной для поли. Черт возьми, до чего же привлекательная девица, если бы ей еще сбросить немного веса...

— Аннет, — начал Бэйнс давнюю песню, — такая милая девушка и до сих пор не замужем. Ей-Богу, это просто глупо. Если бы вы вышли за меня...

— Да, Гэйб, — сказала Аннет, улыбаясь. — Я тогда была бы под надежной защитой. Лакмусовые бумажки в каждом углу, жужжащие анализаторы воздуха, противорадиационное оборудование...

— Когда же вы наконец повзрослеете, Аннет, — раздраженно прервал ее Бэйнс. «Сколько же ей лет? — подумал он. — Вряд ли больше двадцати».

Как и все члены ее клана, она казалась ребенком. Ведь поли не взрослели, на всю жизнь оставаясь детьми. Может быть, поэтому дети всех кланов Луны обучались в одной школе поли, и между ними не возникало никаких противоречий до десятого — одиннадцатого года жизни.

Аннет открыла сумочку, достала пакетик с карамелью и принялась жадно поглощать сласти.

— Я нервничаю, — объяснила она, — поэтому должна есть. Полагаю, что Луис Манфрети снова будет представлять клан шизов в этом году. Я всегда наслаждаюсь его выступлениями: он рассказывает такие интересные вещи о своих видениях первобытного мира. О драконах земли и неба, о чудовищах, которые живут в подземном царстве. — Она задумчиво пососала конфету. — Как вы думаете, Гэйб: то, что видят шизы, существует на самом деле?

— Нет, — убежденно сказал Бэйнс.

— Почему же тогда они все время говорят об этом? Думаю, для них это взаправду.

— Мистицизм, — бросил презрительно Бэйнс.

И умолк, обнаружив в дверях депа. Его неподвижный взгляд, его лицо со впалыми щеками и застывшей маской страдания заставили Бэйнса отвести взгляд.

«Господи...» — вздохнул Бэйнс, так и не определив, какое чувство он испытывает: жалость или презрение. А ведь могли бы встряхнуться, ожить, будь в них хоть капля смелости. Ну вот этот: стоит у двери, погруженный в свои кошмары, и боится сделать хоть шаг, который кажется ему роковым. Вот нав, например, в той же ситуации просто сосчитал бы до двадцати двойками, развернулся и убежал прочь.

— Входите, пожалуйста, — мягко, но убедительно предложила Аннет, указывая на стул.

— Будет ли польза от этой встречи? — вымолвил деп и, едва переставляя ноги, проковылял в зал. — Опять крик, опять скандал, опять выяснения...

Завершив свою небольшую речь, он все же сел, опустив голову на грудь и крепко сжав дрожащие пальцы.

— Я Аннет Голдинг, поли, — представилась Аннет, — а это Габриэль Бэйнс, пар.

Деп ничего не ответил, даже не назвал своего имени. Бэйнс знал, что говорить с депами чрезвычайно сложно — они едва могли найти силы для беседы. Этот, вероятно, из страха опоздать тронулся в путь очень рано и перегорел.

Наклонившись к Бэйнсу, Аннет тихо произнесла:

— Подбодрите его.

— Ну уж нет, — возмутился Бэйнс. — Я что, нянька? Давайте мы тоже повалимся на землю и уставимся в небо пустыми глазами — это ведь их обычное времяпрепровождение.

Через открытую дверь в зал прошла высокая пожилая дама в длинном сером пальто. Это была Ингрид Хибблер из клана нав. Бубня себе под нос «счастливые числа», она обследовала зал, постукивая костяшками пальцев по спинкам стульев.

Бэйнс и Аннет ждали; геб, подметающий пол в зале, поднял голову и глупо хихикнул. Деп так и не вышел из оцепенения. Госпожа Хибблер наконец обнаружила стул, порядковый номер которого ее удовлетворил. Она примостилась на краешке: руки сложены, пальцы в движении, будто ткут невидимое полотно, способное ее укрыть.

— На стоянке я наткнулась на Строу, — сообщила госпожа Хибблер и сосчитала несколько раз про себя. — Представителя манов. Ужасный человек, он чуть не наехал на меня. Мне пришлось... — Она замолчала. — Не обращайте внимания. Просто с ними всегда нелегко.

— Если в этом году от шизов опять будет Манфрети, — сказала Аннет, не обращаясь ни к кому в отдельности, — он, вероятно, войдет сюда через окно, а не через дверь. — Аннет весело рассмеялась. Геб присоединился к ней. — И, конечно, нам осталось дождаться представителя гебов.

— Я делег-гат от Гандитауна, — отрекомендовался геб Якоб Симион, продолжая подметать пол. — Я п-просто решил немного п-прибраться, пока ждал остальных. — И он бесхитростно улыбнулся .

Бэйнс тяжело вздохнул.

— А зачем мы вообще собрались? — спросила госпожа Хибблер и начала быстро считать, закрыв глаза и перебирая пальцами. — Раз, два... раз, два...

— Разнесся слух, — сказала Аннет, — что к Луне приближается странный корабль. Явно не торговец с Альфа II.

Она продолжала поглощать конфеты. Бэйнс с удивлением отметил, что пакет уже почти пуст.

— Корабль, — пробормотал деп, возвращаясь к жизни. — Может, он поможет нам выбраться из этой пропасти.

— Какой пропасти? — спросила госпожа Хибблер.

Дернувшись, деп изрек:

— Сами знаете. — На это ушли остатки сил, и деп снова погрузился в мрачное оцепенение.

Для депов все, что происходит, — катастрофа. Впрочем, любые перемены для них еще хуже. Бэйнс едва сдерживался. Но — корабль. Это уже серьезно.

«Ман Строу, вероятно, знает, в чем дело, — размышлял он. — На Высотах да Винчи есть хитроумные приборы для наблюдения за космосом — возможно, весть пришла оттуда... Если, конечно, шизы не обнаружили корабль в своих видениях».

— Возможно, это ловушка, — произнес Бэйнс вслух.

Все присутствующие, включая мрачного депа, уставились на него. Даже неутомимый геб перестал подметать пол.

— Маны способны на все, — объяснил Бэйнс. — Может быть, они хотят запугать нас.

— Зачем? — пролепетала госпожа Хибблер.

— Они ведь ненавидят все остальные кланы! Это жестокие и невежественные люди, которые хватаются за оружие всякий раз, когда слышат слово «культура».* Он остановился, хотя и чувствовал, что не до конца высказал свои мысли. Говоря по правде, Бэйнс точно не знал, почему маны были столь агрессивны по отношению к другим кланам. Если только — согласно его теории — не из простого наслаждения причинять боль.

«Нет, — думал он, — здесь кроется кое-что еще. Злоба и зависть — они не терпят чужого превосходства ни в чем. А ведь у каждого клана есть то, чего нет у них. Впрочем, из-за этого мы слишком разобщены...»

Дверь открылась, и в зал стремительно вошел Строу.

Рыжеволосый, высокий и мускулистый Строу нагло усмехался. Появление вражеского корабля на их маленькой Луне, казалось, ничуть не волновало его.

Оставалось дождаться делегата шизов, который, по своей привычке, мог опоздать на час. Вероятно, он где-то блуждал, находясь в трансе, затерянный в облачных видениях субреальности, изначальных космических сил, лежащих в основе его концепции Вселенной — постоянного ощущения так называемого «временного подмира».

** Авторство этой сентенции приписывается Геббельсу, хотя ее «отцом» является немецкий драматург Йодль (здесь и далее прим.ред.).*

«Во всяком случае можно устраиваться поудобнее, — решил Бэйнс, — насколько это допустимо в присутствии Говарда Строу, а также Ингрид Хибблер». У Бэйнса не было большого желания общаться с ними. Вообще-то ему не было никакого дела и до всех остальных, за исключением, возможно, Аннет. У нее ведь такая волнующая грудь. А он опять не приблизился к ней ни на шаг. Как обычно.

Все поли одинаковы: невозможно угадать, какую линию поведения они изберут. Полное отсутствие логики. Но все-таки это не погруженные в свои фантазии шизы и не опустившиеся гебы. Жизнь в представителях поли била ключом. Именно это и привлекало его в Аннет — свежесть восприятия, живость реакции.

Рядом с ней он ощущал себя металлическим, жестким, заключенным в толстый стальной каркас, подобно какому-то архаичному оружию бессмысленной и давно забытой войны. Ей двадцать, ему тридцать пять; возможно, в этом и есть разгадка. Однако ему не хотелось так думать.

Аннет словно в забытьи продолжала опустошать пакетик с карамелью.

Делегат от клана шизов, прибывший на проходящую дважды в году встречу в Адольфвилле, Омар Даймонд неподвижно смотрел на расстилавшийся перед ним пейзаж и видел одновременно на земле и в небе двух драконов — белого и красного, Жизнь и Смерть. Драконы сплелись в жесткой схватке, равнина под ними полыхала, небо над головой было иссечено молниями. Умирающее солнце дарило миру последний тусклый отблеск.

— Стойте! — приказал Омар, простирая длань к драконам.

Мужчина и молодая женщина с волнистыми волосами, идущие по тротуару, недоуменно остановились.

— Что с ним? — спросила женщина.

— Это шиз, — ответил мужчина, с интересом наблюдавший за Омаром. — Затерялся в видениях.

— Враги вышли на последнюю битву, — возгласил Омар. — Жизнь проигрывает схватку. Кто же из нас принесет себя в жертву, дабы влить новые силы?

Мужчина, подмигнув жене, сказал:

— Знаешь, если задать этим парням вопрос, то иногда можно получить весьма любопытный ответ. Спроси его о чем-нибудь. Только помасштабнее, бытовые подробности их не интересуют.

Тщательно подбирая слова, женщина обратилась к Омару:

— Извините, пожалуйста, но меня мучает один вопрос: есть ли жизнь после смерти?

— Смерти не существует, — сказал Омар, уязвленный таким дремучим невежеством. — То, что вы называете «смертью», есть всего лишь стадия роста, когда Жизнь спит, ожидая сигнала свыше, чтобы принять следующее воплощение. — Он поднял руку, указывая вдаль. — Видите? Дракон Жизни не может быть умерщвлен: его кровь бежит красным потоком по лугу, рождая новые воплощения. Семя, упавшее в почву, восстает в своей первозданности. — Он зашагал прочь, забыв о тех, кто вопрошал его.

«Я должен идти к шестиэтажному зданию, — напомнил себе Омар. — Они там, весь совет. Варвар Говард Строу. Критиканка Ингрид Хибблер, поглощенная числами. Аннет Голдинг, само олицетворение Жизни, которая ловит любой ее ветерок. Габриэль Бэйнс, вынужденный придумывать, как защитить себя в мире, который ему ничем не грозит. Простак со шваброй — он ближе к Богу, чем любой из нас. И еще один, печальный, забывший себя. Человек без имени. Как же мне называть его? Наверное, Отто. Нет, назову его Дино. Дино Уоттерс. Мечтает о смерти, не ведая, что живет в ожидании иллюзии, ибо даже смерть не в силах спасти его от самого себя».

Остановившись у стены шестиэтажного дома, самого высокого в парском поселении Адольфвилла, он взлетел; зависнув у нужного окна, он провел по стеклу ногтем, и ему открыли.

— Господин Манфрети не придет? — спросила Аннет.

— В этом году он недосягаем, — объяснил Омар. — Перейдя в другую реальность, он просто сидит: его принудительно кормят через нос.

Он держался подальше от Строу из-за его агрессивности. Строу*, несмотря на свою фамилию, был разрушителем. Ему нравилось разбивать и разламывать; он был жесток не по необходимости, а по любви. Дьявол получит его душу даром.

Но здесь был и Габриэль Бэйнс. Бэйнс, как и все пары, также мог быть жестоким, но только ради самозащиты. Правда, этот инстинкт поглощал их полностью. Но не следует судить его слишком строго, в отличие от Строу.

Занимая свое место, Омар сказал:

— Боже, благослови собрание. Пусть мы услышим слова, произнесенные Жизнью, но не сентенции дракона Зла. — Он повернулся к Строу. — Что нового, Говард?

— Вооруженный корабль, — промолвил Строу с широкой, плотоядно-мрачной ухмылкой, будто наслаждаясь всеобщей нервозностью. — Не торговец с Альфа II, а пришелец из другой звездной системы. Мы использовали телепата, чтобы прочесть их мысли. Это не торговая миссия, а... — Строу остановился, намеренно не закончив. Ему хотелось посмаковать тревогу собравшихся.

— Нам придется защищаться, — сказал Бэйнс.

Ингрид Хибблер кивнула; то же сделала Аннет, хотя и с неохотой. Геб перестал хихикать, насторожившись.

— Мы организуем оборону здесь, в Адольфвилле, — продолжал Бэйнс. — Нам нужны ваши люди, Строу, с их техникой. Мы ждем от вас многого. Думаю, что в такое время вы отбросите ваши привычки ради общего блага.

— «Ради общего блага», — передразнил его Строу. — Вы имели в виду: «ради вашего блага»?

— Боже мой, Строу, — нервно заговорила Аннет, — у вас есть хоть какое-то чувство ответственности? Подумайте, по крайней мере, о ваших детях. Мы должны защитить если не себя, то хотя бы их.

Тем временем Омар Даймонд вершил тайную молитву:

«Заклинаю: пусть силы Жизни восстанут и одержат победу на поле брани; белый дракон избежит красного потока псевдосмерти; благость будет ниспослана на этот маленький мир и отвратит его от нечестивцев».

Он вдруг вспомнил картину, явленную ему во время путешествия в Адольфвилл. Ручей, через который он перешагнул, вдруг подернулся кроваво-красной пеленой. Теперь он знал — это было знамение. Война, смерть и, возможно, разрушение и ги-

* *«Строу» — соломенный (англ.)*

бель Семи Кланов и их семи городов — шести, если не считать той помойки, на которой жили гебы.

Деп Дино Уоттерс хрипло пробормотал:

— Мы обречены.

Все взглянули на него, даже геб Якоб Симион. Типично депская философия.

— Прости его, Господи, — прошептал Омар.

И сразу же, где-то в невидимом пространстве, Дух Жизни услышал эти слова и отозвался, простив полуживое создание, Дино Уоттерса, из депского поселения Коттон Мэтр.

Глава II

Едва окинув взглядом комнату — стены с потрескавшейся гранитной плиткой, встроенные лампы, которые, по всей видимости, не работали, и потертые кафельные полы, о которых он знал только по видеолентам времен прошлого века, — Чак Риттерсдорф сказал: «Сойдет». Он достал чековую книжку и вздрогнул, заметив камин с кованой чугунной решеткой. Настоящий музей!

Владелица этого старинного помещения, однако, подозрительно нахмурилась, рассматривая удостоверение личности Чака.

— Судя по тому, что здесь сказано, вы женаты, господин Риттерсдорф, и у вас есть дети. Но вы ведь знакомы с нашими условиями: комната сдается только имеющим работу и непьющим холостякам.

— Ах, вот в чем дело... — произнес Чак устало. Толстая пожилая домовладелица в длинном венерианском платье и меховых шлепанцах отказывала ему.

— Я разошелся с женой. Она сама воспитывает детей. Мне нужна комната для одного.

— Но они будут вас навещать. — Накрашенные пунцовые брови домовладелицы слегка приподнялись. — Вы были в суде? У вас есть документ?

— Еще нет, — признался Чак. Он был только в самом начале долгого пути. Прошлую ночь он провел в гостинице, а в понедельник... В понедельник завершилась «шестилетняя война»: совместная жизнь с Мэри.

Внимательно посмотрев на Чака, домовладелица вернула ему удостоверение личности, взяла чек и вышла. Чак закрыл дверь, подошел к окну и посмотрел вниз на улицу, заполненную машинами, реактивными прыгунами, экранопланами и многочисленными пешеходами... Скоро ему надо звонить своему адвокату Нэту Уилдеру.

В их разрыве слишком много иронии. Ведь специальность жены Чака — отличная специальность! — как раз и состояла в том, чтобы предотвращать разводы: Мэри была семейным психологом-консультантом. Она пользовалась большим авторитетом здесь, в калифорнийском городе Марин Каунти, где находилась ее контора. Одному Богу было известно, сколько человеческих отношений, давших трещину, она вылечила. Однако по несправедливому капризу матушки-природы именно богатый опыт и профессиональный талант Мэри довел Чака до этой унылой комнатушки. Добившись столь впечатляющих успехов, Мэри не сумела побороть презрение к такому ничтожеству, ее собственному супругу.

Его работа, которую он очень любил, заключалась в составлении текстов для симулакрумов Центрального Разведывательного Управления. Биороботы, которых нельзя было отличить от человека, применялись ЦРУ в пропагандистских целях на планетах с тоталитарными режимами. Чак верил, что его работа чрезвычайно важна, однако она не была ни высокооплачиваемой, ни престижной. Тексты, которые он сочинял, теперь казались ему тенденциозными и фальшивыми.

Но Чак продолжал заниматься своим делом, отвергая все другие предложения, которые возникали не раз за время шестилетней совместной жизни с Мэри. Возможно, Чаку просто нравилось слышать, как биоробот вдохновенно произносит его текст, ну и к тому же он ощущал высокое значение своей миссии.

Война с Мэри перешла в острую фазу три года назад. Один из ее клиентов, личность с невероятно сложными семейными проблемами (он имел трех любовниц одновременно, будучи известным телепродюсером), некто Джеральд Фелд выпускал весьма популярную в стране юмористическую передачу «Банни Хентмэн Шоу». Как-то раз Мэри дала прочесть Фелду несколько текстов, подготовленных Чаком для сан-францисского отделения ЦРУ. Фелд пришел в восторг. Дело в том, что монологи Чака не были обычной назидательно-возвышенной чушью: по мнению профессионалов, он писал живо, с юмором и доходчиво.

Для Мэри все было ясно: есть возможность получить хорошую работу — этим нужно воспользоваться во что бы то ни стало. Фелд хорошо платит, к тому же работа весьма престижна. Подумать только: каждую неделю по окончании «Банни Хентмэн Шоу» имя Чака, как одного из авторов, будет появляться на экране телевизора в каждом доме Соединенных Штатов и даже за границей. Мэри наконец сможет гордиться — ключевое слово их разговора — своим мужем!

— Послушай, — без всякой надежды попытался было возразить Чак. — Почему ты не можешь принять меня таким, какой я есть? Профессиональная интуиция психолога видит во мне творческие задатки? Я просто обязан стать знаменитостью? Ты, что, хочешь сделать из меня президента ТЕРПЛАНа?

... На улице приземлился белый шикарный шевроле, новая сверкающая шестидверная модель. Чак рассеянно разглядывал машину, пока внезапно не узнал в ней — невероятно, но факт — свое собственное летающее «колесо». Мэри! Быстро же она его нашла!

Итак, доктор Мэри Риттерсдорф собиралась нанести визит.

Чаку стало не по себе. Комплекс неполноценности, который так долго культивировала в нем Мэри, проснулся и разбередил душу. Надо же, даже укромного места и то не смог найти! Тоже мне, работник ЦРУ...

Обреченно двигаясь к двери на негнущихся ногах, Чак думал: «Она, конечно, сейчас произнесет вполне убедительную речь. У меня, естественно, аргументов не будет, кроме уверенности, что мы не сможем больше жить вместе. Ее презрение ко мне само по себе отвергает все дальнейшие разговоры о совместной жизни».

Он открыл дверь. Мэри была в своем самом лучшем шерстяном пальто; темные волосы собраны в аккуратный пучок, лицо почти без косметики. Спокойная, высокообразованная, уверенная в себе женщина.

— Итак, ты здесь, — сказала она. — Я распорядилась, чтобы твои вещи перевезли в камеру хранения. А сейчас мне нужен чек — все деньги, какие

есть на твоем счету. Они необходимы мне для оплаты расходов.

А он еще надеялся, что Мэри будет искать примирения!.. Чак стоял, словно оглушенный. Все, на что он был способен в данную минуту, — это, не мигая, смотреть ей в лицо.

— Я говорила с Бобом Адольфсоном, моим адвокатом, — продолжала Мэри — Передала ему документы по поводу раздела дома.

— Что? — пробормотал Чак. — Какого раздела?

— Ты должен отписать свою часть дома мне.

— Но почему?..

— Тогда я смогу его продать. Мне не нужен такой большой дом, а на вырученные деньги отправлю Дебби в школу-интернат на Восточном побережье. — Дебора была их старшей дочерью.

«Но ей ведь всего только шесть, — машинально подумал Чак. — Рановато жить вдалеке от дома».

— Позволь мне сначала поговорить с Нэтом Уилдером, — тихо проговорил он.

— Чек мне нужен сейчас.

Мэри так и не вошла, остановившись на пороге. Чак понял, что окончательно и бесповоротно проиграл. Он потерял все. Теперь она просто может вить из него веревки.

Он стал искать чековую книжку; Мэри наконец сделала несколько шагов в комнату. На ее лице было написано отвращение; она сурово молчала. Муж выписывал чек.

— Между прочим, — заметила Мэри своим обычным тоном, — теперь, когда ты ушел, я смогу принять то предложение. Об участии в экспедиции.

— Какой экспедиции?

— Я как-то говорила тебе, что для межпланетной правительственной программы требуются психологи. Я прошла по конкурсу. — Она не стала обременять себя дальнейшими объяснениями.

— Да-да. — Чак смутно припоминал что-то такое... — Благотворительная программа.

Отголосок отгремевшей восемь лет назад войны между Землей и Альфанской конфедерацией. Маленькая Луна в планетной системе Альфа, заселенная землянами и забытая на два десятка лет, — гроздь подобных малочисленных поселений была разбросана в Альфанской системе, состоявшей из двадцати двух планет и дюжины лун.

Мэри взяла чек, сложила его пополам и спрятала в карман пальто.

— Тебе будут оплачивать эту работу? — спросил Чак.

— Конечно, нет, — холодно ответила Мэри. — Это благотворительная миссия.

Значит, залогом ее благосостояния станет его скудное жалованье. Внезапно он понял: Мэри рассчитывает, что суд заставит его принять то решение, которого она добивалась все шесть лет. Ему придется оставить работу в сан-францисском отделении ЦРУ и искать более доходную должность, чтобы содержать ее и детей...

— Как... долго тебя не будет? — запинаясь, спросил он. Ему стало ясно, что она намерена с толком использовать этот интервал в реорганизации их жизни: постарается сделать все, чего не смогла — по крайней мере на словах — в его присутствии.

— Около шести месяцев. Все зависит от обстоятельств. Не жди, что я буду поддерживать контакт с тобой. В суде мои интересы представляет Адольфсон, я там не появлюсь. Еще я начала дело об алиментах, так что от хлопот ты практически избавлен, — добавила она.

Инициатива — даже в этом! — ускользала у него из рук. Как всегда, он оказался слишком медлительным.

— Можешь забирать все, — отрезал Чак.

Ее ответный взгляд говорил: «Но того, что ты можешь дать, недостаточно».

— Я не могу дать больше того, что имею.

— Можешь, — сказала Мэри без улыбки. — Потому что суду наверняка станет известно все, что знала о тебе лишь я. Если тебя связать соответствующими обязательствами, тебе придется найти в себе силы, чтобы отвечать элементарным требованиям, предъявляемым мужчинам.

— Но у меня же должно оставаться кое-что и для себя... — пробормотал Чак.

— Запомни: твоя наиглавнейшая забота — это мы.

Он не нашел, что ответить, и лишь глупо кивнул.

Когда Мэри ушла, унося все его деньги, Чак заглянул в кладовку и обнаружил стопку старых газет. Устроившись на старинном диване (Дания, прошлый век), он стал просматривать заголовки в поисках сообщений о Проекте, захватившем Мэри. «Решила посвятить себя благородной цели, — подумал он, — вместо того чтобы быть просто хорошей женой...»

В газете недельной давности он наткнулся на более или менее доходчивую статью.

Экспедиции требуются психологи, сообщалось Американской Службой Здоровья и Социального Обеспечения, поскольку Луна первоначально служила больничной зоной — психиатрическим лечебным центром для эмигрантов с Земли в систему Альфа, чья психика не вынесла тягот космической колонизации. Последний земной корабль посетил Луну четверть века назад. Альфанцы также не навещали Альфа III М2, за исключением торговцев.

Известия о положении вещей поступали только от этих альфанских коммерсантов. По их сообщениям, за двадцать пять лет, в течение которых Луна была отрезана от остального человечества, здесь сложилась своего рода цивилизация. Торговцы, естественно, не могли оценить ее, поскольку в психиатрии не разбирались. Во всяком случае Альфа III М2 производила и продавала товары, развивала собственную промышленность.

Почему Правительство Земли после стольких лет забвения решило вмешаться, удивился Чак. Он вдруг живо представил себе Мэри, работающую на этой далекой Луне. Да, Мэри относилась именно к тому типу личностей, которые подбирались международным агентством ТЕРПЛАН. Люди ее склада, если верить тестам, всегда добиваются успехов.

Приблизившись к старинному двустворчатому окну, Чак посмотрел вниз. Высота завораживала, обещая решение всех проблем. Все равно дальнейшая борьба бессмысленна, и с Мэри ему не совладать...

Внезапно в голове возник глухой голос, причем слов он не слышал:

— Пожалуйста, назовите свое имя. Независимо от того, намереваетесь вы броситься из окна или нет.

Обернувшись, Чак обнаружил на полу комнаты желтую липкую плесень, которая, очевидно, просочилась под дверь и теперь медленно собирала себя в кучу небольших шаров.

— Я прибыл с Ганимеда и снимаю комнату напротив, — объявила плесень.

— Среди землян обычно принято стучаться, — сказал Чак.

— У меня нет конечностей, следовательно, для меня это невыполнимая задача. К тому же я спешил войти до вашего... ухода.

— Это мое личное дело!

— «Ни один землянин не есть остров», — худобедно процитировала плесень.* — Добро пожаловать в дом, которому мы, постояльцы, присвоили титул: Замок Бездельников. Здесь есть кое-кто, с кем вам стоит познакомиться. На нашем этаже, например, живут несколько землян вроде вас и представители других планет — кто-то, конечно, может вам не понравиться, но остальные, несомненно, вполне компанейские создания.

— Я еще не въехал окончательно. — Чак отошел от окна.

— Если бы я мог носить с собой визитные карточки, — сказала плесень, — то вручил бы вам одну. Я дилер, занимаюсь импортом необработанных драгоценных камней и подержанных изделий из золота. Кроме того, я фанатичный филателист. У меня в комнате сейчас как раз находится ранняя американская подборка с редчайшей серией «Колумб» из четырех экземпляров — может быть, вы хотите... — Плесень замолчала. — Вижу, что нет. Во всяком случае желание покончить с собой хотя бы на время покинуло вас. Это радует. В дополнение к моей вышеназванной коммерческой деятельности...

— Разве закон не требует от вас не прибегать к телепатии во время пребывания на Земле? — спросил Чак.

— Да, но здесь, как мне показалось, особый случай. Вот что, господин Риттерсдорф: хорошо бы вам сменить работу... Я лично не могу нанять вас, так как не состою в руководстве какой-либо фирмы. Но у меня есть кое-какие связи среди делового мира девяти лун, я постараюсь...

— Спасибо, — грубо отрезал Чак. — Извините, но мне нужно побыть одному. — Ему уже сделали столько предложений по поводу работы, что их, наверное, хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Но, в отличие от вашей жены, у меня нет никаких скрытых мотивов. — Плесень притекла поближе к Чаку. — Как у большинства землян мужского пола, чувство самоуважения строится у вас в основном на способности зарабатывать деньги. В этой области, как я ощущаю, у вас не все в порядке...

— Я не желаю, чтобы кто-нибудь копался в моей личной жизни! Покиньте комнату и оставьте меня в покое. — Чак повернулся к липкой плесени спиной.

— Боюсь, что ваше намерение уйти тут же возникнет вновь.

— А вам какое дело?!

— Вам может помочь лишь одно, — задумчиво сообщила плесень.

— Что же именно?

— Женщина, которая заменит вашу жену.

— Слушайте, вы невыносимы!

— Погодите. Данное предложение имеет под собой не физическую, и даже не эмоциональную основу, оно сугубо практическое. Вам необходимо найти женщину, которая примет и полюбит вас таким, какой вы есть. В противном случае вы никогда не избавитесь от своих комплексов. Позвольте мне позаботиться об этом. Дайте мне пять часов. А пока держите себя в руках. И никуда не уходите. — Ганимедианин медленно вытек обратно в коридор.

Дрожащими руками Чак прикурил сигарету. Потом отошел подальше от окна — насколько это было возможно, — присел на древний датский диван и стал ждать.

Чак не знал, как относиться к деликатному предложению ганимедианина: он был тронут и раздосадован одновременно и, кроме того, озадачен. Можно ли верить словам этого нелепого существа? Господи, липкая плесень протягивает «руку помощи»! Чушь...

Прошел час.

В дверь постучали. Это не мог быть ганимедианин, поскольку ему нечем было стучать. Поднявшись, Чак подошел к двери.

На пороге стояла девушка.

Глава III

Хотя на нее обрушилась тысяча всяких дел, относящихся к ее новой неоплачиваемой работе в Американской Службе Здоровья и Социального Обеспечения, доктор Мэри Риттерсдорф все-таки выкроила время для одного личного дела. Она прилетела еще раз на реактивном такси в Нью-Йорк, на Пятую Авеню в контору Джерри Фелда, продюсера «Банни Хентмэн Шоу». Неделю назад она передала ему подборку самых лучших, по ее мнению, текстов Чака. Пришло время выяснить, есть ли шансы у мужа (точнее, у бывшего мужа) получить работу.

Если Чак сам не хочет искать себе приличное место, то этим займется она. Это необходимо сделать хотя бы потому, что весь следующий год ей и детям придется целиком зависеть от заработков Чака.

Выйдя из машины на крыше здания, Мэри опустилась на девяностый этаж, подошла к стеклянной двери и, подождав немного, вошла в приемную кабинета Фелда. За столиком сидела секретарша — привлекательная, ярко накрашенная блондинка в облегающем свитере ажурной вязки. Глядя на нее, Мэри возмутилась: разве может женщина с такой полной грудью следовать моде только потому, что бюстгальтеры стали якобы анахронизмом. А эти неестественно торчащие в результате операции соски? Это уж слишком!

— Слушаю вас, — сказала секретарша, взглянув на Мэри через аляповатый монокль. Стоило ее взгляду встретиться с холодными глазами Мэри, как соски мгновенно опустились, будто поникнув от страха.

— Мне необходимо видеть господина Фелда. Я доктор Мэри Риттерсдорф, и у меня очень мало времени: я отбываю на лунную базу агентства ТЕРПЛАН в три часа нью-йоркского времени. — Мэри произнесла эту фразу сухим, требовательным тоном, который всегда имела в арсенале.

Джерри Фелд сидел за столом, сработанным под дуб, и просматривал записанный на видеоленту материал.

— Минуточку, доктор Риттерсдорф, — пробормотал он и указал на стул. Мэри села, положив ногу на ногу, и закурила.

На экране Банни Хентмэн представлял германского магната прошлого века.

Стоя в синем с отворотами костюме перед сове-

* *Имеется в виду эпиграф Джона Дона к произведению Хемингуэя «По ком звонит колокол».*

том директоров, он объяснял им, каким образом новый автономный плуг, производимый картелем, может использоваться в военных целях. Четыре плуга, соединенные вместе, дадут в результате не просто большой плуг, а установку для запуска реактивных снарядов. Банни объяснял это с сильным немецким акцентом и представлял свой замысел как великое изобретение, Фелд периодически хмыкал.

— У меня не так уж много времени, господин Фелд, — произнесла Мэри, четко выговаривая слова.

Фелд неохотно остановил видеозапись и повернулся к ней.

— Я показал Банни рукописи. Он проявил к ним определенный интерес. Понимаете, ваш муж пишет в несколько бесстрастном, я бы даже сказал, суховатом стиле, однако ситуацию передает весьма достоверно. Когда-то такое изложение было...

Я знаю, — прервала его Мэри. — Мне приходилось выслушивать эти тексты в течение многих лет, он часто проверял их на мне. — Женщина нервно затянулась. — Скажите, способен ли Чак работать на Банни Хентмэна?

— Мы ничего не можем решить наверняка, — ответил Фелд, — до тех пор, пока господин Риттерсдорф не встретится с Банни...

Дверь кабинета открылась и вошел сам Банни Хентмэн.

Мэри впервые увидела знаменитого телевизионного комика не на экране, а в жизни.

Он выглядел, решила она, чуть пониже ростом и намного старше, у комика обнаружилась довольно значительная плешь, и он казался уставшим. Действительно, в неформальной обстановке Банни напоминал продавца вторсырья откуда-нибудь из Центральной Европы: помятый костюм, редеющие волосы и в довершение картины окурок сигары, торчащий из угла рта. Но его глаза! В них светились ум, ирония, но и настороженность.

Банни, как это ни странно, словно излучал страдание. «Да, — решила Мэри, — вот что выражают его глаза — страдание. Память боли. Давней боли, но он не забыл ее и никогда не забудет. Банни Хентмэн пришел в этот мир, чтобы страдать; неудивительно, что он стал великим комиком. Смех для него — борьба, желание забыться, победить боль. Может быть, именно в этом кроется причина его огромной популярности».

— Бан, — сказал Фелд, — это доктор Мэри Риттерсдорф; ее муж написал те самые тексты для роботов ЦРУ, которые я показывал тебе в прошлую среду.

Комик протянул руку; Мэри пожала ее и сказала:

— Господин Хентмэн...

— Прошу вас, — сказал комик, — называйте меня иначе, ведь это всего лишь мой сценический псевдоним. Мое настоящее имя, которое я получил при рождении, — Лайонсблад Регаль. Мне пришлось изменить его: кто же выступает на сцене под именем Лайонсблад или просто Блад. Джерри зовет меня Лай-Рег, с оттенком интимности, — добавил он, не выпуская ее руки. — Если мне что-то и нравится в женщинах, так это интимность.

— Лай-Рег, — сказал Фелд, — это твой телеграфный код, ты опять путаешь.

— Да-да, — Хентмэн отпустил руку Мэри. — Итак, фрау Раттенфангер...

— Риттерсдорф, — поправила Мэри.

— Раттенфангер, — сказал Фелд, — по-немецки значит «крысолов», Бан.

— Прошу прощения, — сказал комик. — Послушайте, фрау Риттерсдорф. Пожалуйста, называйте меня каким-нибудь приятным именем; я привыкну к нему, поверьте. Я жажду поклонения прекрасных женщин, ведь во мне сидит маленький мальчик. — Он улыбнулся, но его лицо — и особенно глаза — продолжали излучать боль и усталость.

— Я возьму вашего мужа, если взамен получу возможность видеть вас время от времени. Если бы он только догадался о действительной причине согласия, о так называемом «секретном протоколе», как говорят дипломаты...

— Чак сейчас живет в одном старом доходном доме на Западном побережье, — сказала Мэри. — Я дам вам его адрес. — Она быстро вынула бумагу и ручку и стала писать. — Сообщите ему, что он вам нужен; попросите его...

— Но он не нужен мне, — спокойно произнес Хентмэн.

— Не могли бы все-таки увидеться с ним, господин Хентмэн? — осторожно проговорила Мэри. — У Чака неординарное дарование. Боюсь, что если на него не повлиять...

Задумчиво проведя пальцем по нижней губе, Хентмэн спросил:

— Вас тревожит, что он не сумеет воспользоваться своим талантом, поэтому вы и просите за него?

— Да. — Она кивнула.

— Но это его талант. Ему решать.

— Моему мужу, — сказала Мэри, — нужно помочь.

«Уж я-то знаю, — подумала она. — Понимать людей — моя профессия. Чак — зависимый инфантильный тип; его необходимо подталкивать и вести за собой, чтобы он вообще мог двигаться. Иначе он просто сгинет в какой-нибудь грязной комнатенке, вроде той, которую снял. Или выбросится из окна».

Возвратившись на Западное побережье на реактивном такси, она добралась на городском монорельсе до пригорода Сан-Франциско, где находился филиал агентства ТЕРПЛАН — организации, для которой она с таким желанием собиралась поработать без зарплаты.

Она очнулась от своих мыслей в лифте, рядом с хорошо одетым, коротко подстриженным молодым человеком. Это был работник агентства, которого звали, как она припомнила, Лоуренс Мак-Рэй.

— Госпожа Риттерсдорф, нас одолевает целая армия репортеров, — сообщил Мак-Рэй. — Они вбили себе в голову идею, что наш лечебно-благотворительный проект является просто прикрытием притязаний Земли на Альфа III М2. Что истинная цель нашей экспедиции — восстановление колонии, срочная переброска поселенцев и громогласное объявление Луны нашей территорией.

— Она и так была нашей перед войной, — сказала Мэри. — В противном случае как бы мы могли использовать ее в качестве лечебного Центра?

— Совершенно верно, — согласился Мак-Рэй. Они вышли из лифта и двинулись по коридору. — Но ни один земной корабль не посещал Луну в течение двадцати пяти лет, и это, выражаясь юридическим языком, аннулирует наши права на нее. Пять лет назад Луна заявила о своей независимости. Если мы восстановим лечебный Центр с докторами, медперсоналом и всем прочим, то, как они считают, снова сможем предъявлять свои претензии,

покуда альфанцы не сделают того же. Альфанцы же, не оправившись после войны, сделать этого не успели... Нам сюда, — Мак-Рэй придержал для Мэри дверь; она прошла в зал, заполненный репортерами с видеокамерами.

Сделав глубокий вдох, Мэри села за стол, оборудованный микрофоном. Мак-Рэй произнес:

— Леди и джентльмены, перед вами доктор Мэри Риттерсдорф, известный семейный психолог, она, как вы знаете, согласилась принять участие в нашем Проекте.

Один из репортеров сразу же спросил:

— Куда денутся психопаты, живущие на Луне, когда вы выловите их? Вы вышвырнете их вон?

Мэри, подумав, сказала:

— Я могу сообщить вам следующее. Сначала мы займемся исследованиями, чтобы оценить ситуацию. Нам известно, что многие пациенты Центра выжили. У них есть дети. Насколько жизнеспособно их общество, судить трудно. Позволю себе высказать предположение: это общество скорее всего лишено будущего. Мы попытаемся провести коррегирующую терапию. В тех случаях, когда это еще можно. Однако первая наша забота — конечно же, дети.

— Когда вы планируете прибыть на Альфа III М2, доктор? — последовал новый вопрос. Заработало несколько видеокамер.

— Недели через две, — сказала Мэри.

— Доктор, вам будут платить за эту работу?

— Нет.

— Значит, вы убеждены, что она проводится на благо общества? Это достаточное основание для вас?

— М-м-м, — произнесла Мэри настороженно. — Это...

— Земля, следовательно, что-то выиграет от вмешательства в общество, построенное бывшими пациентами психбольницы? — вкрадчиво добавил репортер.

Повернувшись к Мак-Рэю, Мэри спросила:

— Что я должна ответить?

Мак-Рэй проговорил в микрофон:

— Вопрос вне компетенции доктора Риттерсдорф; она опытный психолог, но не политик. Вопрос снят.

Со стула поднялся тощий высокий репортер и хорошо поставленным голосом спросил:

— Не кажется ли ТЕРПЛАНу, что эту Луну необходимо оставить в покое? И обращаться с ее культурой столь же уважительно, как и с любой другой? — По залу прокатился одобрительный шумок.

Мэри подняла руку, требуя тишины, и сказала:

— Мы еще практически ничего не знаем о них. Возможно, в дальнейшем... — Она остановилась размышляя. — Это ведь не субкультура. У нее нет традиций. Это общество психически нездоровых индивидуумов и их потомства, которое в силу драматических обстоятельств было вынуждено функционировать самостоятельно. Подумайте, какие ценности могут создать психически больные люди? И за такой короткий срок?

— Но вы же сами сказали, — продолжал настаивать репортер, — что на данный момент мы ничего не знаем. Единственное, чем мы располагаем...

Мак-Рэй стремительно перехватил инициативу:

— Если, несмотря ни на что, они сумели создать жизнеспособный социум, мы, естественно, пересмотрим свои планы. Но определить это способны только специалисты — такие, как доктор Риттерсдорф, но никак не вы, не я и не ваши читатели и зрители. А если говорить откровенно, то мы понимаем, что нет ничего более потенциально опасного, чем общество, в котором доминируют маниакальные личности: формируют жизненные ценности, контролируют средства информации. Результаты можно спрогнозировать с достаточной степенью вероятности: новый фанатичный религиозный культ, например, или параноидно-националистическая концепция государства, или тотальный инстинкт разрушения. Спасая их от самих себя, мы в какой-то мере спасаем и наши ценности.

В зале стало тихо — репортеры погрузились в размышления, оценивая то, что сказал Мак-Рэй; Мэри молчаливо согласилась с ним.

Позднее, когда они покинули зал, Мэри спросила:

— Скажите, это и есть истинная причина экспедиции?

Взглянув на нее, Мак-Рэй сказал:

— То есть мы летим на Альфа III М2 из-за того, что опасаемся последствий для нашего общества со стороны поселения душевнобольных? Давайте договоримся: для вашей работы такого объяснения вполне достаточно.

— Разве я не имею права поинтересоваться? — Она пристально посмотрела на молодого, коротко подстриженного представителя ТЕРПЛАНа. — Мне, что, полагается только...

— Вам полагается выполнять свою сугубо профессиональную работу. Я же не даю вам советы, как лечить больных, почему же вы должны учить меня, как формировать общественное мнение? — Он холодно посмотрел на нее. — Сообщу вам, однако, об одной из целей операции «Пятьдесят минут», как мы ее назвали. Вполне возможно, что за двадцать пять лет общество душевнобольных могло прийти к некоторым технологическим идеям, которые мы смогли бы использовать. Это касается в основном маньяков — наиболее активного контингента населения Луны. Они на редкость изобретательны.

«Выглядит абсолютно уверенным в себе, — подумала Мэри. — Но его идеи, между прочим, ошибочны, во всяком случае современная медицина трактует это иначе».

Почти час спустя, возвращаясь к себе домой в Марин Каунти, чтобы заняться сборами, она вдруг поняла, в чем заключалось противоречие. С одной стороны, они решили внедриться в культуру Альфа III М2 из-за боязни, что «зараза» может распространиться, а с другой стороны, они собираются использовать некоторые идеи этой культуры для собственных нужд. Еще Фрейд сто лет назад показал, насколько ложной является такая двойная логика, ведь один подход отрицает другой. Невозможно решить эти две задачи одновременно.

Психоаналитики давно отметили: когда приводятся две взаимоисключающие причины, то ни одна из них не является реальной, а истинной оказывается третья, о которой пациент — в данном случае правительство — даже не подозревает.

Она задала себе вопрос: какова же тогда настоящая причина?

Во всяком случае Проект, в котором она с таким энтузиазмом участвовала, больше не казался ей чисто научным, благотворительным и свободным от закулисных мотивов.

И что бы там ни было в действительности, ин-

туиция четко подсказывала ей: действительная цель проекта была куда эгоистичнее.

Мэри затолкала последний свитер в чемодан, с трудом закрыла его и быстрым движением пальцев защелкнула замок. И вспомнила Чака. «Бедный, у тебя просто не останется шансов, когда я приведу тебя в суд. Пока ты жив, ты никогда не избавишься от меня, любая попытка тебе дорого обойдется».

Она начала складывать платья, упаковывая их в большой сундук со встроенными вешалками.

«Это будет стоить тебе, любезный, гораздо больше, чем ты сможешь отдать».

Глава IV

Девушка произнесла мягким нерешительным голосом:

— Здравствуйте. Меня зовут Джоанн Триест. Лорд Раннинг Клам сказал, что вы только что поселились здесь.

Ее взгляд блуждал: она рассматривала комнату Чака.

— Вы еще не перевезли вещи? Давайте, я помогу вам. Я могу развесить занавеси и протереть полки на кухне, если хотите.

— Спасибо. Но у меня все в порядке, — сказал Чак. Он был тронут тем, что липкая плесень зазвала сюда эту девушку.

«Ей нет и двадцати», — решил он.

Волосы заплетены в толстую каштановую косу. Белое, если не сказать бледное лицо. Шея, пожалуй, чуть длинновата. Стройная фигурка упакована в облегающие темные джинсы и белую хлопчатобумажную мужскую рубашку. Насколько он мог судить, она не носила бюстгальтера, как того и требовала нынешняя мода; однако соски не торчали призывно, а мягко просвечивали двумя темными кружками под белой хлопковой тканью.

— Лорд Раннинг Клам — с Ганимеда, — объяснила девушка. — Он живет в комнате напротив. — Она слегка улыбнулась. Чак обратил внимание на ее красивые, очень ровные белые зубы. Почти идеальная голливудская улыбка.

— Да, — сказал Чак, — он просочился ко мне под дверь около часа назад.

— Вы действительно собирались...

Помолчав, Чак пожал плечами.

— Так решил этот... господин.

— Да, я вижу... — девушка прошла мимо него в комнату. — Я... вы, наверное, догадались, пси.

— Какого рода пси? — Чак оставил дверь открытой и подошел к столу, на котором лежала пачка «Пэл-Мэла»; он взял сигарету и закурил. — Существует много разных пси: одни могут двигать предметы, другие...

— Мои возможности невелики, — перебила Джоанн. — Но посмотрите сюда. — Она повернулась к нему и подняла отворот рубашки. — Видите значок? Действительный член Американского Пси-Объединения. — Она пояснила: — Я могу заставить время течь в обратном направлении. В ограниченной области пространства, скажем, три на четыре метра — чуть поменьше вашей комнаты. И только на пять минут назад.

Девушка улыбнулась, и Чак снова залюбовался зубами — они преображали ее лицо, делая его прекрасным. Пока она улыбалась, он не мог оторвать от нее взгляда. Ему казалось, что эта улыбка может рассказать о ней гораздо больше, чем слова. Девушка только начинала свое превращение в красавицу. К тридцати годам она, похоже, станет просто ослепительной. Пока что это почти ребенок.

— Ваша способность... она может быть полезна? — спросил он.

— Очень ограниченно. — Усевшись на круглый подлокотник старинного датского дивана, она засунула руки в карманы своих джинсов и объяснила:— Я работаю в местном отделении полиции. Меня перебрасывают в места тяжелых транспортных аварий, и — вы не поверите, но это так и есть — я возвращаю время к моменту перед началом аварии. А если опоздаю, то есть проходит больше пяти минут, то все же нередко могу вернуть к жизни человека, который только что умер. Понимаете?

— Понимаю, — ответил Чак.

— Правда, мне приходится быть наготове двадцать четыре часа в сутки. Они сообщают по радио о месте происшествия, и я мчусь туда на суперскоростном прыгуне.

«Да-а... — подумал Чак. — Если бы я выпрыгнул из окна, она смогла бы возвратить меня к жизни. Не спрашивая, хочу я этого или нет».

— А вы чем занимаетесь? — спросила девушка.

С неохотой Чак обрисовал свою работу в ЦРУ. Джоанн внимательно слушала.

— Но ведь это замечательно! — воскликнула она с энтузиазмом. — Подумать только: в этот самый миг тысячи роботов бродят по всем тоталитарным планетам и произносят ваши слова, останавливая людей на улицах городов и в дремучих джунглях... — Ее глаза сияли. — А я всего лишь помогаю местному отделению полиции...

— Есть такой закон, — сказал Чак, — который я называю третьим Законом Риттерсдорфа о Неадекватной Отдаче. Он гласит: годы, потраченные на работу, обратно пропорциональны твоему представлению о ее ценности. — Он улыбнулся в ответ; блеск глаз и белозубая улыбка девушки помогли ему сделать это более естественно. Чак уже начал забывать свое отчаянное состояние.

Джоанн прошлась по комнате.

— Вы собираетесь переехать сюда надолго? Я могла бы помочь вам украсить комнату. Лорд Раннинг Клам, кажется, тоже готов принять участие. Дальше по коридору живет расплавленное металлическое существо с Юпитера по имени Эдгар; сейчас оно пребывает в спячке, но как только проснется, то обязательно зайдет. А комнату налево от вас снимает мыслящая птица с Марса, у нее нет рук, но она может двигать предметы с помощью мысли. Она тоже обязательно поможет, только сегодня она занята выведением потомства — сидит на яйце.

— Боже мой, — сказал Чак. — Какая интересная компания! — Он был слегка ошеломлен услышанным.

— Мне кажется, вам лучше остаться здесь. Вы по крайней мере будете не один. А лорд Раннинг Клам очень хороший. С ним стоит подружиться. Он многим помогает. Ганимедианцы обладают одной чертой, которую Святой Павел называл каритас... Помните, Павел говорил, что каритас — величайшая из добродетелей. Это значит сопереживание, сочувствие...

Внезапно дверь открылась. Чак обернулся и увидел двоих мужчин: своего шефа Джека Элвуда и напарника по составлению текстов Пита Петри. При виде Чака оба облегченно вздохнули.

— Черт побери, — сказал Элвуд, — мы думали,

что опоздали. Мы разыскивали тебя, Чак.

Джоанн Триест обратилась к Элвуду:

— Я из Третьего Отделения полиции. Пожалуйста, предъявите ваши документы. — Ее голос был холоден, как лед.

Элвуд и Петри небрежно взмахнули черными удостоверениями ЦРУ и подошли к Чаку.

— Что здесь делает полиция? — спросил Элвуд.

— Это друг, — ответил Чак.

Элвуд пожал плечами. Очевидно, он не был намерен вдаваться в подробности.

— Ты не мог найти места поприличней? — Элвуд оглядел комнату. — Здесь как-то странно пахнет.

— Это временное пристанище, — сказал Чак, испытывая неловкость.

— Ты совсем пошел вразнос, — сочувственно попенял Петри, — на работе не появляешься... Слушай, лучшее лекарство — работа. Поехали в Управление, а? Главное — не будешь торчать здесь один и думать черт знает о чем.

— Спасибо вам, — сказал Чак. — Но мне нужно перевезти вещи. И хотя бы немного прибраться.

— Я могу побыть с ним, — сказала Джоанн, обращаясь к коллегам Чака. — По крайней мере до тех пор, пока не получу вызов. Меня обычно беспокоят около пяти, когда интенсивность движения резко возрастает. А пока...

— Послушайте, — резко произнес Чак. Все трое вопросительно посмотрели на него. — Если кто-то хочет совершить самоубийство, — сказал Чак, — то остановить его вряд ли удастся. Поэтому, ради Бога, оставьте меня в покое. — На него внезапно навалилась усталость. — У меня уйма дел. В четыре я встречаюсь со своим адвокатом. Мне некогда заниматься болтовней.

Взглянув на часы, Элвуд сказал:

— Мы отвезем тебя к адвокату. Пошли, — он махнул Петри рукой.

— Может быть, увидимся, — сказал Чак Джоанн. — Когда-нибудь. — Он слишком устал, чтобы соблюдать приличия. — Спасибо вам, — добавил он невнятно, не зная, за что благодарит ее.

Выделяя каждое слово, девушка произнесла:

— Знайте, что лорд Раннинг Клам находится в комнате напротив и он способен слышать то, о чем вы думаете. Если вам снова захочется подойти к окну, он тут же почувствует это...

— Хорошо, — устало согласился Чак. — Если захочу, то найду другое место.

Он направился к двери в сопровождении Элвуда и Петри. Джоанн двинулась следом.

Выйдя в коридор, Чак заметил, что дверь в комнату липкой плесени открыта. Огромный желтый холм слегка заколыхался в знак приветствия.

— И вам спасибо, — проговорил Чак с юмором висельника, проходя мимо двери.

Они летели на «колесе» в Сан-Франциско, направляясь в адвокатскую контору Нэта Уилдера, когда Джек Элвуд сказал:

— Насчет этой операции «Пятьдесят минут»... Мы получили разрешение на участие своего человека в экспедиции. — Он задумчиво поглядел на Чака. — Думаю, в этом деле нам придется использовать симулакрума.

Чак Риттерсдорф рассеянно кивнул. В такого рода рискованных проектах ЦРУ всегда применяло роботов. Управление имело небольшой оперативный бюджет и не желало терять сотрудников.

— Сим уже готов, — сказал Элвуд, — и уже доставлен. Продукция филиала «Дженерал Дэйнэмикс» из Пало Альто. Если хочешь, можешь взглянуть на него.

Элвуд достал из кармана пиджака листок бумаги.

— Даниэль Мэйджбум, двадцати шести лет, англо-сакс, окончил Стэнфордский университет с дипломом магистра точных наук. Затем в течение одного года обучался в Сан-Хосе, после чего был принят на работу в ЦРУ. Это его легенда. Кроме нас, никто не будет знать, что в составе экспедиции — робот. Единственное, что мы не решили, кто будет управлять Дэном, — прибавил Элвуд. — Может быть, Джонстон.

— Он вас завалит, — запротестовал Чак.

Любой симулакрум мог действовать и в автономном режиме, однако в подобной экспедиции потребуется принимать слишком много решений. Предоставленный самому себе, Даниэль Мэйджбум быстро раскроет себя.

Припарковывая «колесо» на крыше здания, где находилась адвокатская контора Уилдера, Элвуд сказал:

— Согласен. Тогда, может быть, ты?

Чак удивленно посмотрел на шефа.

— Это ведь не мой профиль.

В ЦРУ имелась группа специалистов-операторов для дистанционного управления биороботами.

— Мы готовы сделать тебе подарок, — медленно проговорил Элвуд, наблюдая за стремительным вечерним движением летательных аппаратов, которые, подобно облаку, окутывали город. — Ты сможешь быть рядом с женой.

Помолчав, Чак ответил:

— Я против.

— Ты сможешь видеть ее.

— Зачем? — Он чувствовал, что в нем закипает злость. Опять решали за него!

— Давай посмотрим правде в глаза, — сказал Элвуд. — Психологи из Управления прекрасно знают, что ты все еще любишь ее. А для работы с Дэном Мэйджбумом нам нужен постоянный оператор. На несколько недель Петри займется твоими текстами, а ты осмотрись: не понравится — вернешься к своей работе.

— Нет, — повторил Чак. Открыв дверцу машины, он сошел на посадочную площадку. — Скоро увидимся. Спасибо за доставку.

— Ты ведь знаешь, — сказал Элвуд, — что я могу приказать тебе сесть за пульт. И я поступлю так, если почувствую, что это в первую очередь необходимо для тебя самого. Но пока я сделаю вот что: запрошу досье твоей жены из ФБР и выясню, что она за человек. В зависимости от этого... — он сделал жест рукой, — я и приму окончательное решение.

— И каким же человеком должна быть моя жена, — поинтересовался Чак, — чтобы мне вменили в обязанность шпионить за ней?

— Женщиной, которая способна вернуть тебя к жизни, — ответил Элвуд, захлопывая дверцу аппарата. Петри включил двигатель, и машина поднялась в вечернее небо. Чак проводил ее взглядом.

«Вот типичная манера Центрального Разведывательного Управления, — саркастически отметил про себя Чак. — Что ж, за столько лет мне следовало бы привыкнуть».

Но правда состояла в том, что Даниэль Мэйджбум в руках Риттерсдорфа мог бы достичь многого в отношениях с Мэри Риттерсдорф. Никто не понимал этого лучше, чем его шеф.

Однако предложение явно дурно пахло. Чак по-

пытался избавиться от навязчивых мыслей. Но отказаться от предложения было не так-то легко.

Решение, возможно, лежало где-то посередине: необходимо, чтобы Дэном управлял надежный человек. Кто-нибудь, кто будет действовать в его интересах.

«А в чем, собственно, состоят мои интересы?» — подумал Чак.

Он машинально вошел в кабину лифта, погруженный в размышления. Потому что новая мысль — совсем не та, которую подсказал ему Джек Элвуд, — внезапно проникла в его сознание.

«В таких необычных обстоятельствах... Агент-симулакрум рядом с Мэри на удаленной Луне другой звездной системы... Среди психологически нездоровых членов разложившегося общества... И я буду управлять этим симулакрумом. В таких исключительных обстоятельствах что-то ведь может и произойти...».

Это была не та идея, чтобы обсуждать ее с кем-либо; ему было даже трудно ясно сформулировать ее. Однако, честно говоря, она имела свои преимущества перед самоубийством.

«При таких обстоятельствах я без труда смогу организовать убийство Мэри. С помощью совершенной машины, которую изготовила для ЦРУ фирма «Дженерал Дэйнэмикс»... У меня будет хороший шанс на суде. Симулакрум, которым управляют на столь далеком расстоянии, часто действует по собственной инициативе — его электронный мозг иногда берет верх над управляющим сигналом. Во всяком случае игра стоит свеч. В суде я смогу заявить, что сим действовал самостоятельно, представлю кучу технической документации, доказывающей, что роботы сплошь и рядом вытворяют подобные вещи... В картотеке ЦРУ сотни таких случаев.

И пусть следствие сумеет доказать, что это я выдал симу команду на убийство!».

Чак подошел к двери адвокатской конторы Нэта Уилдера. Дверь автоматически открылась, и он вошел, все еще погруженный в раздумья.

Идея, в сущности, была проста, но ее следовало тщательно продумать. Если не с технической стороны, то хотя бы с точки зрения морали. Чак был неприятен себе, но мысль, раз появившись, завладела всем его существом.

В конце концов Землю и Альфанскую систему разделяет более трех световых лет — слишком большая дистанция, чтобы совершить сознательное преступление. Кроме того, значительное смещение электромагнитного сигнала при входе и выходе из гиперпространства может вполне рассматриваться как постоянно действующий фактор.

Хороший адвокат сумеет доказать это, как дважды два.

А Нэт Уилдер — как раз такой адвокат.

Глава V

В тот же вечер, поужинав в ресторане «Голубая Лисица», Чак позвонил домой своему шефу Джеку Элвуду.

— Хочу взглянуть на создание, которое вы назвали Даниэль Мэйджбум, — осторожно сказал он.

Лицо шефа на небольшом экране сморщилось в улыбку.

— Отлично. Это легко сделать — возвращайся в свои шикарные апартаменты, и Дэн приедет к тебе. Сейчас он у меня, моет посуду на кухне. Так что же заставило тебя решиться?

— Да так, настроение, особой причины в общем-то нет, — сказал Чак и повесил трубку.

Он вернулся к себе и стал ждать Дэна. Вечером, когда старинные встроенные лампы были включены, комната казалась еще более удручающей.

Через некоторое время Чак услышал доносившийся из коридора мужской голос, который спрашивал о нем. Затем в голове возникли мысли липкой плесени: «Господин Риттерсдорф, здесь какой-то человек ищет вас. Пожалуйста, откройте дверь и примите его».

Чак последовал его совету.

В коридоре стоял невысокий пожилой мужчина в вышедшем из моды костюме и с заметным животиком.

— Вы Риттерсдорф? — произнес гость требовательным, сердитым тоном. — Ох, что за дыра! Здесь полно всяких странных существ. Непонятно, что здесь делает человек? — Он вытер красное, потное лицо носовым платком. — Я Банни Хентмэн. Вы ведь писатель, не так ли? Или это мистификация?

— Я пишу тексты для роботов, — сказал Чак.

«Конечно, это дело рук Мэри. Хочет, чтобы я побольше зарабатывал — для нее, понятно».

— Вы что, не узнали меня? — сердито проговорил Хентмэн. — Кажется, я достаточно известен! Вы, наверное, не смотрите телевизор. — Он раздраженно запыхтел сигарой. — Итак, я здесь. Вы хотите работать на меня или нет? Послушайте, Риттерсдорф, я не привык валяться в ногах. Но пишете вы прекрасно — должен это признать. Где ваша комната? Или мы так и будем стоять в коридоре? — он без приглашения ввалился в комнату и разместился на диване.

«Видно, от него так просто не отделаться. Может, это и к лучшему: устроим небольшую проверку Дэну Мэйджбуму».

— Понимаете, — сказал он Хентмэну, прикрыв за собой дверь, — я не стремлюсь получить это место.

— Знаю, знаю, — перебил Хентмэн, кивая. — Вы патриот. Вам нравится делать роботов-разведчиков. Слушайте. — Он вытянул палец. — Я могу платить вам втрое больше, чем они. Кроме того, вы будете более свободны в выборе тем. Конечно, с учетом того, что последнее слово всегда за мной.

Хентмэн с ужасом оглядел комнату.

— Боже! Напоминает мое нищее детство в Бронксе. Что случилось? Неужели ваша жена обобрала вас до нитки? — Его лицо, казалось, выражало сочувствие. — Да, знаю, сам трижды разводился, и каждый развод стоил мне бешеных денег. Закон на стороне женщины! А ваша жена... Привлекательная, однако... — Хентмэн сделал неопределенный жест. — Впрочем, она холодна — понимаете, что я имею в виду? Из тех, кто рассчитывает на много шагов вперед. Не завидую вам. С такими женщинами приходится постоянно быть начеку. Невозможно расслабиться.

Хентмэн с жалостью посмотрел на Чака.

— Но, как я вижу, вы из тех, кто воспринимает женщин слишком серьезно. Так вот что я вам скажу: такая женщина переедет вас всеми четырьмя колесами и оставит плоским, как ослиная задница.

В дверь постучали, и в голове Чака снова возникли мысли лорда Раннинга Клама:

«Еще один посетитель, господин Риттерсдорф. На этот раз довольно молодой».

— Извините, — сказал Чак Банни Хентмэну и направился к двери.

Симпатичный молодой человек, одетый по последней моде — в костюм от «Братьев Хардинг», увидев Чака, сказал:

— Господин Риттерсдорф? Я Даниэль Мэйджбум. Господин Элвуд просил зайти к вам.

«Великолепная работа. Ни за что бы не признал в нем симулакрума».

Чак был в восторге.

— Здравствуйте, — сказал он. — Заходите.

— Познакомьтесь, Мэйджбум. Это знаменитый комик Банни Хентмэн. Вы должны знать: топ-топ, бум-бум — и Хентмэн выпрыгивает на экран в костюме кролика с глазами-крестиками и большими хлопающими ушами.

— Очень, очень рад, — воскликнул Мэйджбум, протягивая руку; мужчины обменялись рукопожатием, оценивая друг друга. — Смотрел ваше шоу много раз и просто умирал со смеху.

— Здравствуйте, — пробормотал Хентмэн, сурово поглядев на Чака.

— Дэн — наш новый сотрудник, — объяснил Чак. — Мы будем вместе работать.

— Нет, — энергично возразил Хентмэн, — вы будете работать со мной, разве вы не поняли? Я захватил контракт, — он полез в карман пиджака, сердито глядя на Чака.

— Я, наверное, не вовремя, — сказал Мэйджбум, ретируясь. — Могу зайти позже, господин Риттерсдорф.

Хентмэн взглянул на Мэйджбума. Затем, пожав плечами, протянул контракт Чаку.

— Ознакомьтесь с суммой — разве ваша шпионская деятельность даст вам столько? Поймите же, заставлять Америку смеяться не менее патриотично — смех укрепляет нацию.

В голове Чака опять появились слова липкой плесени:

«Та красивая девушка входит в здание. Она направляется к вам, господин Риттерсдорф; я уже сообщил ей, что вы дома».

Банни Хентмэн тоже, очевидно, уловил мысли ганимедианина, так как в отчаянии произнес:

— Черт возьми, здесь вообще можно говорить спокойно или нет? Что это еще за наваждение? — Он повернул голову и пристально посмотрел в сторону двери.

— Госпожа Триест не помешает вашей беседе, господин Хентмэн, — выпалил Даниэль Мэйджбум, и Чак посмотрел на симулакрума, пораженный тем, что робот знает о существовании Джоанн. Потом догадался: «Сейчас им управляют. Ясно, что это не программа. Петри руководит действиями Дэна из Сан-Франциско».

Дверь открылась. На пороге в нерешительности стояла Джоанн Триест в сером свитере и джинсовой юбке, но без чулок и в туфлях на высоких каблуках.

— Я отвлекаю вас, Чак? — спросила она. — Господин Хентмэн! — она зарделась от счастья. — Я сотни раз видела вас на экране! Я считаю вас величайшим из живущих ныне комиков. Вы такой же великий, как Сид Сизар и остальные гении прошлого!

Ее глаза сверкали, она подошла к Банни Хентмэну и встала рядом, стараясь, однако, не касаться его.

— Вы что, друг Банни Хентмэна? — с завистью спросила Джоанн у Чака. — Жалко, что вы не рассказали мне об этом раньше.

— Мы пытаемся прийти к соглашению, — проворчал Хентмэн. — Итак, на чем же мы остановились?

— Он заходил взад и вперед по маленькой комнате, с него градом катил пот.

— Нет, я сдаюсь, — объявил он. — Я не могу нанять вас — вы знакомы слишком многим. Писателям же полагается быть анахоретами.

Джоанн Триест оставила дверь открытой, и все увидели, как, колыхаясь, в комнату медленно вползла липкая плесень.

«Господин Риттерсдорф, — зазвучали ее мысли в голове Чака. — Мне настоятельно необходимо поговорить с вами наедине. Сейчас же. Не могли бы вы на минуточку зайти ко мне в комнату?»

Хентмэн повернулся спиной к остальным и что-то негодующе прорычал. Чак в недоумении последовал за липкой плесенью.

— Закройте дверь и подойдите поближе, — сказал ганимедианин. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь нас подслушал.

Чак приблизился.

— Этот странный господин, Даниэль Мэйджбум, — тихо произнес ганимедианин, — не человек. У него нет личности; кто-то управляет им. Я решил, что хорошо бы предупредить вас об этом.

— Спасибо, — сказал Чак, — я об этом знаю.

Ему было не по себе; он не хотел, чтобы ганимедианин проник в его мысли слишком далеко, опасаясь, что он раскроет замыслы Чака, связанные с Мэри.

— Послушайте, — начал было Чак, но липкая плесень опередила его:

— Я уже исследовал этот материал в вашем мозгу, — проинформировал его ганимедианин. — Ненависть по отношению к жене и позыв к ее убийству. У каждого время от времени возникают подобные импульсы, и, в принципе, я не должен обсуждать их с вами...

— Вот и не будем, — буркнул Чак.

То, что ганимедианин узнал о его намерениях, ставило на них жирный крест. Теперь, скорее всего, ему придется забыть их... Ведь если только обвинителю удастся привести лорда Раннинга Клама в суд...

— На Ганимеде, между прочим, месть считается священной, — объявила липкая плесень. — Если сомневаетесь, попросите вашего адвоката Нэта Уилдера заглянуть в наше законодательство. Я лично также ни в коей мере не считаю ваше стремление предосудительным; во всяком случае оно явно предпочтительнее ваших прежних мыслей о самоубийстве, абсолютно противоестественных для всех живых существ.

Чак двинулся прочь из комнаты.

— Подождите, — остановил ганимедианин. — У меня к вам еще одно дело. В обмен на мое молчание... окажите мне услугу.

Итак, его уже припирали к стенке. Чак не удивился: лорд Раннинг Клам, во всяком случае, был деловым созданием.

Ганимедианин продолжал:

— Я настаиваю, господин Риттерсдорф, чтобы вы прямо сейчас приняли предложение господина Хентмэна.

— А как быть с моей работой в ЦРУ? — недовольно спросил Чак.

— Вам не нужно увольняться оттуда — вы сможете работать в двух местах одновременно. — Мысли липкой плесени стали похожи на конфиденциальный шепот. — Вы будете... как это? Подрабатывать.

— Подрабатывать? Вам знакомо это понятие?

— Я знаток земного общества, — гордо заявил ганимедианин. — Я представляю себе это так: днем вы работаете в ЦРУ, а ночью пишете сценарии для Банни Хентмэна. Для этого вам потребуются таламиксные стимуляторы гекса-амфетаминного класса, которые, кстати, на Земле запрещены. Однако для вас я их достану. Таким образом, у вас вообще отпадет потребность спать...

— Шестнадцатичасовой рабочий день! Лучше уж сдавайте меня полиции!

— Ни в коем случае, — запротестовал ганимедианин. — Тогда вы обречены, вам никогда не сбросить с себя путы этой, как у вас принято выражаться, чертовой бабы.

В дверь постучали, и в комнату заглянул Хентмэн. Очень сердитый Хентмэн.

— Я не намерен торчать здесь до утра! Вы что-нибудь решили? Да или нет? И если вы будете работать со мной, то сделайте одолжение, не приводите с собой никаких медузоподобных существ!

Липкая плесень заявила:

— Господин Риттерсдорф принимает ваше любезное предложение, сэр.

— Кто вы, — спросил Банни Хентмэн, — его менеджер?

— Я коллега господина Риттерсдорфа, — заявил ганимедианин.

— Чудесно, — смягчился Хентмэн, протягивая Чаку контракт. — Срок — два месяца, обязанности — каждую неделю выдавать часовую пьесу. Гонорар — две тысячи терпланских долларов в неделю. Устраивает?

Это было больше, чем ожидал Чак. Он взял контракт и нерешительно подписал его. Ганимедианин наблюдал за процедурой.

— Я засвидетельствую вашу подпись, — сказала Джоанн Триест; она тоже вошла в комнату и встала рядом.

— Поздравляю, — сказал ганимедианин. — Теперь это событие необходимо отметить.

— Я — пас, — сказал Банни Хентмэн. — Мне надо бежать. Пока, Риттерсдорф. Буду поддерживать с вами связь. Установите видеофон в вашей келье. Или перебирайтесь в жилище получше. — Дверь комнаты лорда Раннинга Клама закрылась за ним.

— Отпразднуем втроем, — сказал ганимедианин. — Я знаю бар, который обслуживает неземных существ.

— Прекрасно, — согласился Чак. Ему не хотелось оставаться одному.

Открыв дверь в коридор, они, ко всеобщему удивлению, обнаружили там знакомого молодого человека. Это был Даниэль Мэйджбум.

— Простите меня, — сказал Чак. — Совсем о вас забыл.

— Мы идем в бар отмечать одно маленькое событие, — объяснил ганимедианин, медленно вытекая из комнаты. — Вы тоже приглашены, несмотря на то обстоятельство, что у вас нет мозга, а только оболочка, набитая микросхемами.

Джоанн Триест удивленно посмотрела на Мэйджбума, затем на Чака.

Чак объяснил:

— Мэйджбум — робот, принадлежащий ЦРУ. Им управляют на расстоянии, из нашего отделения в Сан-Франциско.

Улыбаясь, Мэйджбум сообщил:

— В данный момент я нахожусь в автономном режиме. Господин Петри отключился, когда вы вышли из комнаты. Так что весь сегодняшний вечер я могу делать, что захочу, — заявил он.

«Итак, вот инструмент, — думал Чак, пока они шли к лифту. — А ты, Мэри, думала, что уже положила меня на лопатки?»

Уловив его мысли, ганимедианин заметил:

— Не забывайте, господин Риттерсдорф, что госпожа Триест работает в полиции.

Джоанн, услышав это, сказала:

— Да, это так. — Она уловила только мысли липкой плесени, но не Чака. — А кому, собственно, это мешает?

— Я чувствую, — нашелся ганимедианин, — что из-за этого факта вы не сможете поощрять проявления сексуальной активности со стороны господина Риттерсдорфа.

Чак поперхнулся. Джоанн вспыхнула.

— Мне кажется, — сурово сказала она липкой плесени, — что у вас достаточно своих дел.

— Чрезвычайно сложно, однако, — задумчиво сказал ганимедианин, не обращаясь ни к кому в отдельности, — угодить земной девушке. — Остаток пути до бара он сосредоточенно избегал каких-либо мыслей.

Потом, когда они сидели за столиком в отдельном кабинете бара — липкая плесень возвышалась желтым холмом над обитым искусственной кожей сиденьем, — Джоанн сказала:

— Как замечательно, Чак, что вы теперь будете писать для Банни Хентмэна — вы станете знаменитым!

Лорд Раннинг Клам сообщил:

— Господин Риттерсдорф, мне кажется, вам следует сохранить в тайне от вашей жены тот факт, что вы работаете в двух местах одновременно. Если она узнает об этом, то потребует гораздо большей суммы при разводе и существенно увеличит алименты.

— Да, действительно... — согласился Чак.

— Но так как она определенно узнает, что вы приняли предложение господина Хентмэна, — продолжал ганимедианин, — то вам лучше умолчать о том, что вы по- прежнему работаете в ЦРУ. Попросите ваших коллег организовать для вас прикрытие.

Чак кивнул.

— В результате, — подчеркнул лорд Раннинг Клам, — вы сможете, несмотря на опись вашего имущества и платежи по алиментам, иметь достаточно средств для безбедного существования.

— Мне кажется, что вы, ганимедианцы, играете в нехорошие игры с мыслями землян, прикидываясь добренькими, — вмешалась Джоанн, в упор глядя на липкую плесень.

— Однако вы не учитываете тот факт, — самодовольно заметил лорд Раннинг Клам, — что это именно я свел вас с господином Риттерсдорфом. И именно я предсказываю — хотя, должен признаться, я не прорицатель — высокую и успешную активность между вами в сексуальной сфере.

— Заткнитесь! — с яростью прошипела Джоанн.

После того как маленькое празднество в баре закончилось, Чак попрощался с лордом Раннингом Кламом и отделался от Даниэля Мэйджбума, затем вызвал такси и поехал провожать Джоанн Триест.

Они сидели рядом. Внезапно Джоанн сказала:

— Даю полдоллара, если вы поведаете, о чем сейчас думаете.

— Что? — Чак вздрогнул.

— Я не лорд Раннинг Клам и не умею читать

мысли. Вы сейчас такой серьезный; мне кажется, вас беспокоят семейные проблемы. Как бы поднять ваше настроение? — Она задумалась. — Давайте сделаем так: когда приедем, вы заглянете ко мне... — Она залилась краской, очевидно, вспомнив слова липкой плесени. — Мы только немного выпьем, — строго добавила она.

— Согласен, — сказал Чак.

Машина остановилась у дома Джоанн. Чак увидел современное здание, просто и со вкусом спроектированное; но, как и у большинства домов недавней постройки, его значительная часть находилась под землей.

— Я живу на шестнадцатом подземном этаже, — предупредила Джоанн, когда они спускались на лифте. — Будто шахтер в забое... Для тех, кто болен клаустрофобией, это, наверное, невыносимо.

Минуту спустя она философски добавила, отпирая ключом дверь квартиры:

— Впрочем, с точки зрения безопасности это очень даже неплохо. Представьте, если альфанцы снова нападут. Здесь можно переждать любую бомбежку.

Она открыла дверь. В прихожей мягким светом зажглись лампы.

Внезапно по глазам ударила яркая вспышка. Чак, таращась ослепленными глазами, не сразу разглядел человека, стоявшего посреди прихожей с фотоаппаратом в руках.

Обретя способность видеть, Чак немедленно узнал его.

— Привет, Чак, — сказал Боб Адольфсон.

— Кто это? — вскрикнула Джоанн. — Что он здесь делает?

Адольфсон произнес:

— Не волнуйтесь, госпожа Триест. Я адвокат жены вашего любовника. Нам нужны основания для развода... — он посмотрел на Чака.

— Суд назначен на следующий понедельник, на десять утра.

— Вон отсюда, — спокойно произнес Чак.

Направляясь к двери, Адольфсон сказал:

— С большим удовольствием. Хочу сообщить вам одну маленькую деталь, у меня в аппарате особая пленка. Уверен, что она знакома вам, Риттерсдорф, по вашей работе в ЦРУ. Страшно дорогая, но очень полезная вещь. — Он пояснил, обращаясь к обоим: — Я только что сделал съемку замедленного действия. Знаете, что это такое? На пленке отразится не то, что вы делали сейчас, а то, чем вы будете заниматься здесь в течение следующих тридцати минут. Мне кажется, судью это заинтересует.

Он неторопливо пошел по коридору, миновал Чака и, не спеша, подошел к двери лифта.

— Если вам потребуется копия пленки...

— Нет, — отрезал Чак. Он пристально следил за адвокатом, пока тот на скрылся в кабине лифта.

— Послушайте, — сказала Джоанн, — вы все равно можете зайти, мы ничего предосудительного делать не собираемся, не так ли?

Чак нерешительно вошел в квартиру.

— Вообще-то мы сами можем подать на него в суд за незаконное вторжение в частное жилище.

— Как хотите.

Она прошла на кухню, занявшись коктейлями; Чак слышал позвякивание кубиков льда в стаканах.

— Как насчет «Зеленого Ягуара»? У меня есть целая бутылка...

— Что угодно, — ответил Чак.

Джоанн принесла коктейли, он машинально взял свой.

«Она поплатится за это, — мысленно повторил он. — Это уже слишком. Мне придется вести борьбу за выживание».

— Вы такой печальный, — сказала Джоанн. — Но это действительно ужасно. То, что сделал этот человек с фотоаппаратом. Все они лезут к нам в душу: сначала лорд Раннинг Клам, потом...

— Не все еще потеряно, — произнес Чак. — Я знаю, как оправдать прогнозы Клама, но чтобы об этом никто не узнал.

— Как?

Он ничего не ответил, продолжая потягивать коктейль.

Глава VI

С высоких полок — прямо над головой Игнатия Ледебура — вниз ринулись кошки: сначала три старые рыжие и одна пестрая бесхвостая, затем несколько полусиамских с усатыми мордочками и наконец иссиня-черный молодой кот. Последней, тяжело колыхая большим животом, спрыгнула пятнистая кошка. На полу к ним присоединился пес, и вся компания, мешаясь под ногами, не очень-то помогала ему дойти до двери хижины.

На пороге лежали останки мертвой крысы: крысолов-терьер поймал ее вчера вечером, а кошки съели то, что смогли. Игнатий слышал их возню, когда засыпал. Ему было жалко крысу, которая, очевидно, прибежала подкормиться к куче отбросов, скопившихся у двери хижины. Крыса тоже хотела жить, как и все создания. Однако пес не понимал этого — инстинкт убийства прочно сидел в его маленьком мозгу. Словом, обвинять было некого. И потом, Игнатий боялся крыс, к тому же когти у них были гораздо длиннее, чем у земных собратьев, да и лапы проворней.

На глаза Игнатию попался старый трактор, уныло ржавевший во дворе уже несколько лет. Игнатий в свое время притащил его сюда, терзаемый смутной надеждой починить машину. С тех пор пятнадцать (или шестнадцать?) детей Игнатия беспечно резвились в нем, переговариваясь друг с другом при помощи уцелевшего автоответчика трактора.

Он не мог найти то, что искал: пустой пластиковый пакет из-под молока, чтобы разжечь огонь и приготовить завтрак. Наверное, придется ломать доски. Игнатий подошел к большой куче деревянного хлама, лежавшей во дворе, и начал копаться в ней, стараясь выбрать доску, которая сломалась бы от удара ноги, если прислонить ее к стене хижины.

Игнатий замерз на холодном утреннем воздухе и ежился, жалея о потерянном свитере. Во время одной из своих длинных прогулок он прилег отдохнуть, подложив свитер под голову... Проснувшись, он пошел дальше, забыв про теплую вещь. Ладно, не будем переживать...

Из соседнего домика вышла женщина — когда-то она была его женой, но недолго. Хозяйка закричала на большого белого козла, забравшегося в огород. Козел продолжал жевать, не обращая на нее никакого внимания, пока женщина не подбежала и не пнула его ногой. Козел взбрыкнул и запрыгал прочь; испуганные утки бросились врассыпную, громко крякая. Игнатий расхохотался. Утки воспринимали все слишком серьезно.

Сломав доску, Игнатий вернулся в хижину; кошки бежали следом, и Игнатию не удалось вовремя захлопнуть дверь — одна все же проскочила

внутрь. Он присел на корточки перед небольшой чугунной печуркой и принялся разводить огонь.

На кухонном столе под грудой одеял спала его нынешняя жена Элси. Она обычно не просыпалась до тех пор, пока Игнатий не растопит печь и не приготовит кофе. Игнатий не видел в этом большой беды: кому охота подниматься в такую холодину? Весь Гандитаун обычно просыпался поздно, за исключением, конечно, тех гебов, которые блуждали всю ночь.

Из отгороженной одеялом спальни появился голый ребенок. Засунув в рот палец, он молча наблюдал за действиями отца.

Из-за одеяла доносилось бормотание старенького телевизора, который давно уже ничего не показывал, только говорил. Детям хватало и этого.

«Надо бы починить», — вяло подумал Игнатий. Но особого желания заниматься этим не было, да и вообще — до того как заработал телепередатчик с Высот да Винчи, жизнь на Луне была гораздо спокойнее.

Наконец густой аромат наполнил хижину. Игнатий с удовольствием вдохнул его.

Он не помнил, как долго стоял так, греясь и вдыхая запах кофе, глядя на огонь и прислушиваясь к потрескиванию досок в печке, но вдруг поймал себя на том, что чувствует приход видения.

Завороженный, он не двигался с места; в хижину тем временем проникла кошка, забралась в раковину и принялась жадно поглощать остатки пищи. Вид кошки и ее голодное чавканье смешались с другими картинами и звуками в голове Игнатия. Видение обретало краски.

— Хочу на завтрак маисовую кашу, — заявил голый ребенок.

Игнатий Ледебур не отвечал, видение полностью завладело им и перенесло в другие края, которым не было места в осязаемом мире, и этот мир находился за рамками пространственного восприятия. Что же касается восприятия временного...

Казалось, край этот существовал всегда, поэтому и не обладал определенностью границ. То, что наблюдал Игнатий, никогда не начиналось и никогда не завершалось, чем бы он в данный момент ни занимался. Возможно, этот мир существовал вне времени.

— Эй, — сонно пробормотала Элси. — Кофе готов?

— Подожди, — ответил Игнатий.

— Подождать? Я чувствую запах кофе, черт возьми. Где же он?

Она с трудом приподнялась и села, откинув одеяла и обнажив голое тело со свисающими грудями.

— Мне плохо. Того и гляди — стошнит. А твои придурки опять, наверное, ванную заняли.

Она съехала со стола и сделала несколько неуверенных шагов к двери ванной.

— Чего это ты так застыл? — подозрительно спросила она. — Опять задумался?

— Помолчи, — сказал Игнатий.

— Что значит «помолчи»? Сам зазвал меня сюда! Я ведь не хотела уходить от Фрэнка!

Войдя в ванную, она зло хлопнула дверью.

Видение, потускнев, исчезло. Игнатий разочарованно обмяк, взял кастрюлю с кофе и подошел к столу. Скинув одеяла на пол, он пододвинул к себе две кружки, оставшиеся на столе со вчерашнего ужина, и наполнил их кофе из кастрюли. Поверх напитка в кружках плавал плотный слой разваренной кофейной гущи.

Из ванной донесся голос Элси:

— Ты что, опять путешествуешь? Как Господь Бог, наблюдаешь за потусторонним миром? — В ее тоне сквозило нескрываемое отвращение. — Я не только должна жить с гебом, но и терпеть его бесконечные трансы, словно он шиз. Ты кто, геб или шиз? От тебя же воняет, как от геба. Приди же наконец в себя.

Она спустила воду в унитазе и вышла из ванной.

— Да еще всегда огрызаешься, как ман. Терпеть не могу, когда ты огрызаешься. — Она увидела свою кружку с кофе и отхлебнула из нее. — Ты почему не процедил кофе? Опять ситечко потерял? — закричала она в ярости.

Теперь, когда видение ушло, Игнатий не мог вспомнить, на что оно было похоже. Так случалось со всеми видениями. Как они соотносятся с реальным миром? Игнатий давно задавал себе этот вопрос.

— Я видел чудовище, — сказал он. — Оно наступило на Гандитаун своей гигантской лапой и раздавило его. Гандитаун исчез, осталась только дыра.

Игнатий взгрустнул: ему стало жалко Гандитаун. Он любил его больше всех остальных мест на Луне. Потом вдруг Игнатию стало страшно, так страшно, как никогда раньше. Что делать? Если не остановить чудовище, оно пожрет всех, даже могущественных манов со всеми их идеями и неиссякаемой энергией.

Погибнут и пары, которые пытаются защитить себя от мыслимых и немыслимых опасностей.

Но в видении присутствовало еще что-то.

За чудовищем притаилась еще более злая сила.

Игнатию удалось разглядеть, как она накрывала их маленький мир бесформенным ядовитым студнем, все превращающим в гниль: почву, цветы, деревья. Чашка этого студня могла погубить Вселенную.

Значит, на их мир надвигались две беды: чудовище, готовое раздавить Гандитаун, и сила, желавшая зла. Чудовище имело женский облик, злая сила — мужской. И... Игнатий закрыл глаза, вспомнив самую страшную часть видения. Эти двое собирались вступить в смертельную схватку между собой. Но это не была борьба двух противоположных начал, а слепая, бессмысленная схватка израненных ущербных сущностей, одинаково греховных в своем стремлении одолеть друг друга.

Битва должна была начаться здесь и закончиться, вероятно, гибелью одного из них. Сейчас они уже находятся в пути, чтобы воспользоваться этим миром как полем брани для своей бесконечной войны.

— Приготовь мне яичницу, — сказала Элси.

Игнатий неохотно полез в захламленный шкафчик, косо висевший над раковиной, пытаясь найти картонную упаковку с яйцами.

— Не забудь вымыть сковородку, — сказала Элси.

— Хорошо.

Он пустил холодную воду и начал тереть покрытую застывшей коркой жира сковородку комком газеты.

«Интересно, — думал он. — Способен ли я повлиять на исход борьбы? Можно ли остановить их битву словом добра?»

Он хотел бы попытаться сделать это. Не только ради существования Луны, семи Кланов, но и ради самих злых начал. Чтобы облегчить гнетущую их чудовищную ношу.

Это была многообещающая идея, оценивая ее, он тер сковородку. Не стоит говорить об этом Элси, она все равно не поймет. Она и не подозревала о его способностях, поскольку он никогда не открывал их ей. Будучи в трансе, он мог проходить сквозь стены, читать мысли, исцелять, наводить порчу, управлять погодой — словом, он мог многое, когда был в нужном настроении. Поэтому он и считался гебским Святым.

Даже подозрительные пары не оспаривали это. Впрочем, как и все обитатели Луны, включая вечно озабоченных агрессивных манов — когда те находили время отвлечься от своих дел и заметить его.

«Итак, если кто и может попытаться спасти наш маленький мир от темных сил, так это я, — решил Игнатий. — Быть может, в этом и есть мое предназначение».

— Не наш мир, а нашу Луну, — произнесла Элси с неприкрытой ненавистью в голосе.

Она стояла у печки, натягивая на себя одежду, которую сняла вчера вечером. Элси носила ее, не меняя, уже больше недели, и Игнатий с удовлетворением наблюдал, как его нынешняя жена постепенно превращается в настоящую гебшу.

Быть гебом — значит познать истину. Потому что гебы нашли путь Очищения, освободившись от всего лишнего.

Открыв дверь хижины, Игнатий вышел на холодный утренний воздух.

— Куда собрался? — крикнула ему вслед Элси.

— На Совет, — сказал Игнатий.

Закрыв дверь, он, преследуемый котами, тронулся в путь, на поиски Омара Даймонда, своего духовного коллеги среди шизов.

С помощью своей сверхъестественной способности к телепортации Игнатий Ледебур стал перемещаться по Луне, материализуясь то здесь, то там, пока наконец не обнаружил Омара Даймонда, заседающего в адольфвиллском зале Высшего Совета вместе с представителями всех кланов. Игнатий завис на уровне шестого этажа высокого каменного здания, подлетел поближе к окну и принялся стучать по стеклу, пока те, кто находился внутри, не заметили его и не открыли окно.

— Боже мой, Ледебур, — сказал манский делегат Говард Строу, — от вас воняет, как от козла. Два геба в одном помещении — это уже чересчур. — Он повернулся спиной к присутствующим, отошел в дальний угол зала и встал там, уставясь в пространство и пытаясь сдержать благородный манский гнев.

Делегат паров Габриэль Бэйнс осведомился:

— Какова цель данного вторжения, скажите на милость? Мы заседаем.

Игнатий Ледебур мысленно сообщил Омару Даймонду, что им необходимо встретиться, причем незамедлительно. Омар понял его. Объединив свои телепортационные способности, они покинули зал заседаний и через мгновение уже шли по травянистому лугу, на котором росли грибы. Некоторое время оба молчали, забавляясь отфутболиванием грибов.

Наконец Даймонд сказал:

— Мы обсуждали проблему вторжения.

— Они собираются высадиться в Гандитауне, — сказал Игнатий. — У меня было видение — те, кто придут сюда, хотят...

— Знаю-знаю, — раздраженно проговорил Даймонд. — Мы понимаем, что это загробные силы; я уже ознакомил делегатов с этим фактом. От загробных сил нельзя ждать ничего хорошего, ибо они тяжелы. Как сверх меры обремененные плотью души, они зароются в почву, осядут в лоно нашей планеты и станут частью ее.

— Нашей Луны, — сказал Игнатий и хихикнул.

— Да, Луны. — Даймонд прикрыл глаза, продолжая все так же уверенно шагать по траве, будто видел цель. Игнатий понял, что Омар вызвал моментальный приступ кататонии; все шизы в той или иной степени умели делать это. Игнатий ждал.

Омар Даймонд остановился и пробормотал что-то, чего его собеседник не мог разобрать. Игнатий вздохнул и уселся на траву. Омар Даймонд застыл, погруженный в транс. Не было слышно ни звука, кроме отдаленного шума деревьев, доносившегося с края луга.

Внезапно Даймонд произнес:

— Соедините свою энергию с моей, и мы сумеем рассмотреть захватчиков так ясно, что... — Его слова снова превратились в бессвязное бормотание. Игнатий — даже у Святых терпение имеет границы — нетерпеливо вздохнул.

— Вызовите Сару Апостлс, — наконец заговорил Даймонд. — Втроем мы сможем сформулировать реальный образ захватчиков, и мы получим возможность проследить за их высадкой.

Направив мысленную волну, Игнатий вошел в контакт с Сарой Апостлс, мирно дремавшей в своей хижине в Гандитауне. Он почувствовал, как она проснулась, заворочалась, заскрипев раскладушкой, потом зевнула, охнула и с трудом поднялась на ноги.

Игнатий Ледебур и Омар Даймонд напряженно ждали, и скоро перед ними возникла Сара Апостлс, одетая в мужской пиджак и мужские брюки и обутая в старые кроссовки.

— Прошлой ночью, — сказала Сара, — я видела сон. Какие-то существа вертятся поблизости. Что-то им от нас надо.

Ее круглое лицо выражало озабоченность и страх, что делало его еще более сморщенным. Игнатию стало жалко ее. Сара, особенно в критических ситуациях, попадала под власть эмоций; ее восприятие было слишком привязано к собственному телу и его недугам.

— Садитесь, — сказал Игнатий.

— Мы должны заставить их появиться сейчас, — сказал Даймонд. — Здесь, на этом самом месте. Итак, приступим.

Он склонил голову. Двое остальных последовали его примеру, коллеги пустили в ход свои многократно усиленные парапсихологические способности. Настроившись друг на друга, они стали единым целым: время потеряло смысл, и они забыли о нем, пока наконец то, чего они так ждали, не набухло поблизости гигантской почкой.

— Вот они, — произнес Игнатий и открыл глаза. С неба в вихре пламени опускался корабль...

Он приземлился в сотне метров от них. Как показалось Игнатию, это был очень большой корабль, самый большой из всех, которые ему доводилось видеть. Игнатию было страшно, но, как всегда, ему удалось обуздать себя. Прошло довольно много лет с тех пор, как он перестал обращать на свой страх серьезное внимание.

Сара же побелела, как полотно, увидев, как корабль перестал дрожать, как открылся люк, как захватчики приготовились ринуться из гигантского металлического чрева.

— Заставьте их приблизиться, — проговорил Омар Даймонд, снова плотно сжав веки.

— Пусть они узнают о нашем существовании. Мы заставим их воздать нам почести!

Игнатий сразу же присоединил к нему свою энергию; перепуганная Сара Апостлс помогала им как могла.

Из люка корабля выдвинулся трап. Показались две фигуры, которые стали спускаться по трапу на землю.

Игнатий с надеждой в голосе спросил Даймонда:

— Должны ли мы сотворить чудо?

Посмотрев ему в глаза, Даймонд с сомнением проговорил:

— Какое чудо? Я обычно не занимаюсь чудесами.

Сара сказала:

— Вместе с Игнатием мы можем сотворить чудо. — Потом обратилась к Игнатию: — Почему бы нам не поразить их призраком вселенского паука, который прядет паутину судьбы?

— Согласен, — сказал Игнатий и принялся вызывать паука.

Перед двумя фигурами, преграждая им путь, возникло сверкающее переплетение гигантских нитей — мгновенное творение неутомимого Паука Судьбы. Фигуры застыли на месте.

Одна из них проговорила что-то непроизносимое.

Сара расхохоталась.

— Если вы позволите им смешить вас, — сурово проговорил Омар Даймонд, — то мы потеряем над ними власть.

— Простите меня, — сказала Сара, не в силах подавить приступ смеха.

Но было уже поздно: сверкающие остатки паутины растворились, а вместе с ними, к ужасу Игнатия, растворились также Омар Даймонд и Сара Апостлс — он понял, что остался один. Их триумвират распался из-за минутной слабости.

Игнатий обнаружил, что поле исчезло, а вместо травы он сидит на куче мусора, лежащей на его собственном дворе в центре Гандитауна.

Значит, захватчики восстановили контроль над собой. И планы их остались нерушимы.

Поднявшись на ноги, Игнатий направился к двум фигурам с корабля, которые стояли, неуверенно озираясь вокруг. Под ногами Игнатия возились и бегали коты; зацепившись за одного из них, он чуть было не шлепнулся на землю. Ругаясь сквозь зубы, он оттолкнул кота, пытаясь удержать равновесие, а заодно и достойное выражение лица перед захватчиками. Однако это оказалось непросто. Потому что позади него открылась дверь хижины и появилась Элси. Она умудрилась испортить даже этот последний рубеж обороны.

— Кто такие? — закричала она.

Игнатий раздраженно ответил.

— Скажи им, чтобы убирались отсюда подобру-поздорову, — проговорила Элси, уперев руки в бока. Когда-то она несколько лет принадлежала к клану манов и еще не растеряла заносчивой агрессивности, приобретенной на Высотах да Винчи.

«Возможно, — подумал Игнатий, — она будет сражаться открывашкой для консервов или сковородкой».

Такие мысли развеселили Игнатия, и он захохотал, а когда он начинал смеяться, его уже ничем нельзя было остановить. Таким Игнатий и предстал перед двумя захватчиками.

— Что вас развеселило? — поинтересовался один из них, женщина.

Игнатий, утирая слезы, проговорил:

— Вы разве не помните, что приземлились дважды? И паука не помните?

Ему было ужасно смешно: захватчики оказались абсолютно нечувствительны к объединенным парапсихологическим усилиям Святого Триумвирата. Для них этого как бы вовсе не происходило; захватчики даже не галлюцинировали, хотя на это были потрачены все усилия Игнатия Ледебура, Сары Апостлс и Омара Даймонда. Игнатий все смеялся и смеялся, тем временем к двум захватчикам присоединился третий, затем четвертый.

Один из мужчин, оглядевшись, вздохнул.

— Боже, что за мусорная свалка. Неужели здесь такая помойка?

— Вы можете помочь нам, — сказал Игнатий. Ему удалось наконец овладеть собой. Указав на проржавевший корпус трактора, он попросил:

— Может быть, вы будете столь любезны, чтобы выделить механика для починки моего сельскохозяйственного оборудования? Если оказать мне некоторую помощь...

— Конечно, конечно, — сказал один из захватчиков. — Мы, без сомнения, поможем очистить это место!

— Заходите в дом, — сказал Игнатий. — Я угощу вас кофе. — Он направился к двери хижины, после некоторой паузы трое мужчин и женщина неохотно последовали за ним.

— Должен принести вам свои извинения за тесноту, — сказал Игнатий. — И некоторый беспорядок.

Он толкнул дверь, и на этот раз большинству котов удалось проскочить в хижину; нагнувшись, Игнатий стал хватать их одного за другим и выкидывать наружу. Четверо захватчиков неуверенно прошли внутрь и, озираясь, остановились. На их лицах не было заметно радости.

— Садитесь, — предложила Элси, стараясь соблюсти законы гостеприимства. Она налила в чайник воды и поставила его на плитку.

— Освободите скамейку, — посоветовала она гостям. — Сбросьте куда-нибудь барахло. Можете на пол, если хотите.

Четверо захватчиков неохотно, с заметным отвращением скинули грязную детскую одежонку на пол и уселись на скамью. У всех было неопределенное, отсутствующее выражение лица, и Игнатий поинтересовался почему.

Женщина, запинаясь, проговорила:

— Не хотели бы вы... как-то прибраться в доме? Я имею в виду... словом, как вы можете жить в таком... — Она ограничилась жестом, не в силах продолжать.

Игнатий почувствовал раскаяние. Но... Всегда находилось так много более важных дел. А времени, как известно, на все не хватает...

Из-под шкафа выбралась крыса и побежала по полу. Женщина-захватчик, увидев ее громадные когти, в ужасе вскрикнула.

Игнатий, занятый приготовлением кофе, хихикнул. Никто ведь не просил их приходить сюда: если им не нравится Гандитаун, они могут уйти.

Из-за одеяла вылезли несколько ребятишек и молча уставились на пришельцев. Те сидели неподвижно, напряженно ожидая, пока им приготовят кофе, стараясь не замечать чистые, вопрошающие глаза детей.

В адольфвиллском зале заседаний Высшего Со-

вета гебский депутат Якоб Симион внезапно заговорил:

— Они приземлились. В Гандитауне. Сейчас они у Игнатия Ледебура.

Разъяренный Говард Строу проговорил:

— А мы здесь протираем штаны! Довольно пустой болтовни — их нужно уничтожить. У пришельцев не может быть здесь никаких дел — вы согласны? — Он толкнул Габриэля Бэйнса.

— Согласен, — сказал Бэйнс, отодвигаясь от манского делегата. — Откуда вы это знаете? — спросил он у Якоба Симиона.

Геб издал легкий смешок.

— Разве вы не заметили кое-кого в зале? Не ощутили присутствие астральных тел? Сюда приходил Игнатий Ледебур и увел с собой Омара Даймонда. Вы забыли об этом, потому что этого на самом деле не было: захватчики сделали так, поделив три на один и два.

Безнадежно уставившись в пол, деп произнес:

— Значит, уже слишком поздно: они высадились.

Говард Строу издал короткий лающий смешок.

— Но они захватили только Гандитаун. Эту выгребную яму давно пора зарыть — я был бы даже признателен тому, кто сделает это.

Отпрянув, как от удара, Якоб Симион прошептал:

— Мы, гебы, по крайней мере не знаем жестокости. — Он беспомощно заморгал, по его щекам потекли слезы. Видя это, Говард Строу довольно ухмыльнулся и подтолкнул локтем Габриэля Бэйнса.

— На Высотах да Винчи есть оружие? — спросил его Бэйнс. Интуиция подсказывала ему, что отказ манов защищать Гандитаун был не случаен: маны, скорее всего, и не собираются оказывать сопротивление, пока дело не затронет их напрямую.

Нахмурившись, Аннет Голдинг с тревогой произнесла:

— Мы же не позволим спустить Гандитаун в канализацию!

— «Спустить в канализацию», — повторил Строу. — Полностью одобряю! Конечно, позволим. Послушайте: у нас есть оружие. Мы не расходовали его зря, поэтому в состоянии стереть в порошок любую армаду захватчиков. Мы покажем товар лицом, но только когда почувствуем необходимость!

Он обвел глазами присутствующих, наслаждаясь своим превосходством; теперь все они зависели от него.

— Я догадывался, что вы поведете себя подобным образом в минуту опасности, — с горечью произнес Габриэль Бэйнс. Боже, как он ненавидел манов! Заносчивые, эгоистичные, ненадежные! Отказать в помощи своим собратьям в такую минуту! Бэйнс мрачно пообещал самому себе: если ему только предоставится шанс расквитаться со Строу, то он не упустит его!

Вслух он произнес:

— Мы должны действовать сообща. Сегодня Гандитаун, завтра Гамлет-Гамлет, или пары, или шизы — захватчики перебьют нас по частям, пока не останутся только Высоты да Винчи. — Ненависть к Строу придавала голосу хрипоту; Бэйнс сам не узнавал себя. — Я голосую за то, чтобы собрать все наши силы в кулак и отбить Гандитаун. Мы должны начать сопротивление именно там. «Прямо посреди отбросов, испражнений животных и ржавого железа», — подумал он и содрогнулся.

После некоторой паузы Аннет произнесла:

— Я — «за».

Прошло голосование. Один только Говард Строу высказался против. Таким образом, предложение Бэйнса было принято.

— Строу, — резко сказала Аннет, — теперь вы обязаны использовать то чудесное оружие, которым так хвастались. Раз вы, маны, столь жаждете битвы, то и возглавите атаку на Гандитаун. — Для Бэйнса она добавила: — А пары организуют ее. — Теперь, когда все было решено, она успокоилась.

— Представляю, что значит сражаться в Гандитауне, — пробормотал Строу. — Шагать по пояс в... — он замолк. Потом сказал, обращаясь к Якобу Симиону и Омару Даймонду:

— Нужно собрать всех шизских и гебских Святых, провидцев и экстрасенсов. Много ли их в ваших поселениях?

— Достаточно, — ответил Даймонд. Симион кивнул.

— Помимо чудесного оружия с да Винчских Высот и талантов гебских и шизских святых, — сказала Аннет, — и все остальные кланы должны участвовать в сопротивлении.

Госпожа Хибблер сказала:

— Если бы нам удалось узнать имена пришельцев, мы смогли бы составить на них астрологические карты и отыскать их слабые места. А если бы у нас были точные даты их рождения...

— Спасибо вам, — сказал Якоб Симион, — за то, что не бросили Гандитаун. — Он с благодарностью уставился на Габриэля Бэйнса.

Впервые за много месяцев, а возможно, и лет Бэйнс почувствовал, что его настороженность тает; он ощутил легкий приступ эйфории. Он кому-то нравился. Пусть даже только гебу — для него и это значило очень много.

Возникшее чувство напомнило ему детство. Тот период, когда он еще не стал паром.

Глава VII

Пробираясь по грязной, утонувшей в мусоре центральной улице Гандитауна, доктор Мэри Риттерсдорф говорила:

— Никогда в жизни не видела ничего подобного. Типичный клинический случай гебефрении.

Внутренний голос все настойчивее призывал ее бежать, скрыться, уехать отсюда навсегда. Вернуться на Землю к своей спокойной профессии семейного психолога и позабыть о том, что увидела.

Теперь сама мысль о попытке лечения этих людей казалась ей...

Ее передернуло. Даже усиленная медикаментозная терапия и лечение электрошоком вряд ли помогут. Болезнь зашла слишком далеко — к полуживотному состоянию, откуда нет возврата.

Идущий рядом с ней молодой сотрудник ЦРУ Даниэль Мэйджбум произнес:

— Значит, ваш диагноз — гебефрения? Я могу официально доложить об этом на Землю?

Взяв ее под руку, он помог ей перебраться через остатки скелета какого-то большого животного; под ярким полуденным солнцем ребра торчали, словно побелевшие зубья гигантской бороны.

— Да, это очевидно, — ответила Мэри. — Сейчас на Земле в таких условиях не живет никто, даже в густонаселенных районах Китая и Индии. Мы как будто вернулись на четыре тысячи лет назад. Правда, у них не валялась повсюду ржавая техника... Знаете, что мне напоминает это место? Ту грязную комнатенку, куда переехал мой муж после развода.

Мэйджбум вздрогнул.

— Вы же знаете, что я была замужем, — сказала Мэри. — Я говорила вам об этом.

Ее немного удивило то, как молодой человек отреагировал на случайно возникшую у нее ассоциацию. Во время перелета она рассказывала ему о своих семейных неурядицах, обнаружив в Даниэле прилежного слушателя.

— Я не могу согласиться с этим сравнением, — проговорил Мэйджбум. — Здешний упадок является признаком группового психического заболевания, а ваш муж никогда не жил в таких условиях, ведь он здоровый человек. — Молодой человек посмотрел ей в глаза.

Остановившись, Мэри произнесла:

— Откуда вы знаете? Вы же с ним не знакомы. Чак давно болен. Это не вызывает сомнений: в его характере всегда присутствовали скрытые признаки гебефрении... Он постоянно пытался уйти как от социальной, так и сексуальной ответственности. Я уже рассказывала вам о моих попытках подыскать ему приличную работу.

«Зачем это я? — подумала Мэри. — Мэйджбум ведь сам работает в ЦРУ. От него вряд ли добьешься понимания. Лучше, пожалуй, вообще оставить эту тему. В таком удручающем месте не стоит углубляться в воспоминания о своей неудавшейся семейной жизни».

По сторонам дороги стояли гебы — так они называли себя; это было, очевидно, сокращение от клинического термина «гебефрения», обозначавшего подростковую форму шизофрении, — и неподвижно глазели, бессмысленно скалясь. На их лицах не было даже любопытства. Мэри увидела большого белого козла, бежавшего навстречу. Они с Мэйджбумом отпрянули в сторону, поскольку не имели понятия, чего можно было ожидать от бородатого создания.

Животное промчалось мимо.

«По крайней мере, — успокаивала себя Мэри, — эти люди абсолютно безобидны».

У гебефреников, по клинической картине, начисто отсутствовала агрессивность. Доктору следовало искать носителей более опасных синдромов.

Однако существовала еще одна, более зловещая категория больных, к встрече с которой готовила себя Мэри. Разрушительная агрессивность маньяков ограничивалась отдельными импульсами, вспышками ярости. Однако паранойя предполагала систематическую, постоянную враждебность, которая не только не снижалась с течением времени, а напротив, становилась все более изощренной. Параноик обладал аналитическим, оценивающим складом ума; он находил и тщательно обосновывал причину своих поступков, подгоняя их под определенную схему. Поэтому для такого типа больных полное излечение было практически недостижимо. Причем, подобно гебефреникам, параноики обладали способностью адаптироваться к меняющейся действительности.

И, в отличие от маниакально-депрессивных личностей и гебефреников или даже простых кататонических шизофреников, параноики мыслили внешне рационально. С формальной точки зрения их построения казались вполне логичными. По этой причине переубедить их было решительно невозможно. К тому же параноик неспособен к сопереживанию. Окружающие для него как бы не существуют — он воспринимает их всего лишь как объект, который затрагивает или не затрагивает его благополучие. В течение десятилетий было принято считать, что параноик не способен любить. Но это не так. Параноик способен к этому чувству. Правда, с одной поправкой. Параноик воспринимает любовь в обличии ненависти.

Для Даниэля Мэйджбума она сказала:

— Мне кажется, люди с разными формами психических заболеваний создали в этом изолированном мире структурированное общество, напоминающее кастовое государство древней Индии. Гебефреники, например, должны считаться кастой неприкасаемых, маньяки — высшей кастой военных.

— Как самураи в Японии, — заметил Мэйджбум.

— Верно, — кивнула Мэри. — Параноики организовали касту политиков, то есть именно они должны разрабатывать идеологию и социальные программы, так как у них имеется глобальная концепция государственного устройства. А шизофреники... — Она задумалась. — Они, скорее всего, должны принадлежать к касте поэтов, хотя некоторые из них могут быть учителями, пророками — так же, впрочем, как и часть гебов. Гебы, однако, могут «поставлять» святых — аскетов, в то время как шизофреники — религиозных догматиков. Что касается полиморфных психопатов, то они должны действовать как созидательная часть общества, генерируя новые идеи.

Она попыталась сообразить, какие же еще категории могут существовать.

— Еще могут встретиться личности с преобладанием навязчивых идей — психического расстройства, являющегося развитием мягкой формы невроза навязчивости. Эти люди, вероятно, должны стать клерками, конторскими служащими, педантичными бюрократами, из-за своей неспособности создать нечто новое, оригинальное. Их консерватизм должен уравновешивать радикализм полиморфных шизофреников и придавать обществу стабильность.

Мэйджбум сказал:

— Ваша схема кажется мне весьма любопытной. Но в таком случае, извините, чем же она отличается от нашего нормального земного общества?

Мэри растерялась. Вопрос застал ее врасплох.

— Лидерство в здешнем обществе, — сказала она наконец, — без сомнения, должно принадлежать параноикам. Конечно, им придется постоянно следить за тем, чтобы маньяки не совершили государственный переворот... Между двумя этими кастами должна существовать постоянная напряженность. Однако вы понимаете, что при преобладании параноидальной идеологической установки главной эмоциональной темой в обществе должна стать ненависть. Эта ненависть на практике будет проявляться в двух направлениях: руководство будет провоцировать ненависть к каждому индивидууму, который не принадлежит к их касте и тем более к какой-либо касте вообще, и, соответственно, будет априори предполагать ответную ненависть.

Таким образом вся их так называемая внешняя политика будет строиться на том, чтобы обеспечить защиту от предполагаемой ненависти. Данная идеология требует поддержания в обществе напряжения, создания образа несуществующего врага, от которого необходимо защититься.

— Разве это так страшно?

— Страшно, — сказала Мэри, — потому что неза-

висимо от конкретных проявлений такой политики результат будет один: самоизоляция. Именно она станет конечным результатом их групповой активности: ликвидация связей с внешним миром, с иными цивилизациями.

— Так ли это плохо? Самодостаточность общества...

— Нет, это не самодостаточность, — убежденно сказала Мэри. — Понимаете, такой подход может привести к непредсказуемым последствиям, к чему-то такому, чего мы с вами даже и представить не можем... Помните эксперименты, когда людей наглухо изолировали от внешнего мира. Они проводились в середине двадцатого века, когда человечество готовилось к выходу в космос. Вы знаете результаты?

— Конечно, — сказал Мэйджбум. — Теперь такие «камеры изоляции» называют «психушками». Результат полного отсутствия воздействий среды — сильнейшие галлюцинации.

Мэри кивнула.

— Слуховые, визуальные, тактильные и обонятельные галлюцинации, которые приходят на смену отсутствующим внешним воздействиям. По своей интенсивности, живости и яркости галлюцинации могут превосходить реальность.

— Почему?

— Потому что галлюцинации обладают абсолютным качеством. Генерируясь внутри рецепторной системы организма, они вызывают эффект, обусловленный не средой, а нервной системой.

— По-вашему, здесь происходит то же самое? — спросил Мэйджбум.

— Пока не знаю. Подобные процессы очень сложны. Во-первых, неизвестно, насколько данное общество изолировано и какие идеи в нем преобладают. Мы скоро обнаружим это по реакции на нас. Гебы, которых мы видим здесь... — она показала на лачуги, стоявшие по сторонам грязной дороги, — вообще никак не реагируют на наше присутствие. Но когда мы встретим первых параноиков или маньяков, то можно предположить следующее: несомненно, что галлюцинации и связанные с ними идеи должны составлять постоянную часть их мироощущения. Другими словами, мы должны допустить, что они уже частично галлюцинируют, сохраняя при этом некоторое чувство объективной реальности. Наше присутствие должно усилить галлюцинации, нам придется быть наготове. Нас, несомненно, будут воспринимать как угрозу. Наш корабль будет рассматриваться — я имею в виду не интерпретироваться, а именно восприниматься — как покушение на их благополучие, если не на жизнь. Они увидят в нас авангард захватнической силы, которая намеревается лишить их общество самостоятельности, сделать его своим сателлитом.

— А разве это не так? Мы ведь на самом деле намереваемся вернуть их в то состояние, в котором они пребывали двадцать пять лет назад, то есть принудительно госпитализировать.

«Резонное замечание, — подумала Мэри. — Однако он неплохо ставит вопросы».

— Здесь есть один важный момент, — сказала она. — Он не так уж бросается в глаза, однако имеет принципиальный характер. Мы будем пытаться организовать лечение этих людей, чтобы помочь им занять в действительности то положение, которое они сейчас занимают по воле случая. Если наша программа осуществится, они будут управлять собой как законные граждане своего мира, этой Луны. Этот процесс, конечно, будет происходить постепенно, по мере выздоровления. Это не захват власти, даже если они и воображают, что дело обстоит именно так. В тот момент, когда последний человек на Луне освободится от психоза, станет воспринимать реальность адекватно...

— И вы допускаете возможность уговорить этих людей признать себя больными?

— Нет, — сказала Мэри. — Нам придется применить силу. За исключением некоторых гебов, нам следует взять под стражу все взрослое население планеты. — Потом она поправилась: — Точнее, Луны.

— Правильно, — сказал Мэйджбум. — Если бы вы не исправили «планету» на «луну», я имел бы все основания заключить вас под стражу.

Вздрогнув, она посмотрела на него. Мэйджбум явно не шутил: его юное лицо было хмурым.

— Я просто оговорилась, — сказала Мэри.

— Да, это оговорка, — согласился он, — однако весьма характерная.

Мэйджбум холодно улыбнулся, что заставило ее поежиться. Почему этот цэрэушник так настроен против нее? Или в ней самой появилось нечто параноидальное? Все может быть... Однако Мэри почему-то ощущала враждебность, исходившую от молодого человека, хотя он был едва знаком ей.

И эту враждебность она чувствовала уже во время полета. Да что там — она ощутила ее в момент первого знакомства.

Чак Риттерсдорф переключил симулакрума Даниэля Мэйджбума на автономный режим, отключив гиперпространственный канал связи, и, с усилием поднявшись из-за пульта, покачался на затекших от долгого сидения ногах. Потом прикурил сигарету и затянулся. В Калифорнии было девять часов вечера.

На далекой Луне Альфа III М2 симулакрум будет продолжать заниматься своим делом; его поведение не изменится. Если случится что-либо непредвиденное, Пит Петри возьмет управление на себя.

А Чаку необходимо заняться своими проблемами. Настало время для ночной работы — нужно садиться писать первый сценарий для телевизионного комика Банни Хентмэна, его второго работодателя.

Стимуляторами, отбивающими сон, его обеспечили — сегодня утром липкая плесень с Ганимеда передала ему пакет. Теперь он сможет работать всю ночь.

Но сначала ему необходимо подумать об ужине.

Чак зашел в кабину видеофона, установленную в просторном холле здания ЦРУ и набрал номер квартиры Джоанн Триест.

— Привет, — сказала Джоанн, увидев его. — Мне звонил Хентмэн, искал тебя. Сказал, что пытался дозвониться до тебя в ЦРУ, но там ему ответили, что таких у них нет.

— Тонкая политика, — сказал Чак. — Ладно. Позвоню ему. — Затем поинтересовался насчет ужина.

— Я не уверена, что тебе удастся поужинать со мной — как, впрочем, и без меня, — ответила Джоанн. — Нашего комика осенила идея новой постановки. Он заявил, что когда ты узнаешь, о чем речь, то просто упадешь.

Временно отложив разговор об ужине, Чак набрал номер, которым его снабдила фирма Хентмэна.

— Риттерсдорф! — воскликнул Хентмэн, как только увидел его. — Где вы? Срочно прилетайте — я в своей флоридской квартире. Хватайте экспресс-ракету, я оплачу.

Чаку было непросто перейти от заваленного мусором поселения гебов на Альфа III М2 к энергичным проектам Банни Хентмэна.

— Расскажите мне вкратце, в чем состоит идея. Я обдумаю ее в воздухе.

Глаза Хентмэна коварно заблестели. Понизив голос до шепота, он вплотную приблизил лицо к видеосканнеру. Экран заполнил многократно увеличенный нос.

— Собираюсь ввести в свой сериал новый персонаж. Его зовут Джордж Флайб. Так вот, Флайб — агент ЦРУ. Его «легенда» — семейный психолог.

Хентмэн выжидающе замолчал.

— Ну как? Что скажете?

После долгой паузы Чак произнес:

— Ничего ужаснее за последние двадцать лет я не слышал.

— Вы ничего не понимаете в шоу бизнесе! Это будет крупнейший персонаж со времени Фреддии-Грузовика Реда Скелтона! Вы единственный, кто может правдиво изобразить то, что я задумал. У вас есть опыт. Так что летите скорее сюда и мы начнем разрабатывать первую сцену с Джорджем Флайбом. Решено! Вы что, не считаете эту идею блестящей?!

— Да как вам сказать... — промямлил Чак. — Ждите, я вылетаю.

Записав адрес, он положил трубку и устало вышел из видеофонной кабины.

Реактивное такси доставило Чака к сан-францисскому космопорту, где он купил билет на экспресс-ракету до Флориды.

Здание, где жил Банни Хентмэн, было сверхкомфортабельным: все этажи располагались под поверхностью земли, а входы охранялись полицией. Чак назвал свою фамилию первому полицейскому на входе и через мгновение уже спускался в лифте.

Он обнаружил, что апартаменты Банни Хентмэна занимали почти весь этаж. Комик встретил его в марсианском шелковом халате, украшенном ручной вышивкой в форме серебряных пауков; изо рта у него торчала тампа — зеленая флоридская сигара.

Хентмэн нетерпеливо кивнул, приветствуя Чака, и провел его в комнату, где уже сидели двое мужчин.

— Вот, Риттерсдорф, познакомьтесь с моими авторами. Этого... — он указал сигарой на сидевшего слева, — зовут Калвин Дак.

Мужчины обменялись рукопожатием.

— А вот этот коротышка без единого волоска на голове — мой главный автор, Сорздэй Джонс. — Чак пожал руку широкоскулому негру.

Оба автора держались весьма приветливо, видимо, конкуренция их не пугала.

Калвин Дак предложил:

— Присаживайтесь, Риттерсдорф. Что-нибудь выпьете?

— Нет, спасибо. — Чак предпочитал сохранить ясную голову для предстоящей беседы.

— Вы успели поесть? — спросил Хентмэн.

— Да.

— Итак, я изложил парням свою идею, — начал Хентмэн. — Она пришлась им по вкусу.

Чак промолчал.

— Однако после обсуждения они предложили собственный вариант.

— Буду рад услышать.

Слегка откашлявшись, Сорздэй Джонс спросил:

— Господин Риттерсдорф, может ли симулакрум совершить убийство?

Чак взглянул на него и вымолвил:

— Не знаю. — По его спине пробежал легкий холодок. — Вы хотите сказать, может ли симулакрум, действуя автономно...

— Я хочу выяснить следующее: может ли человек, управляющий роботом на расстоянии, использовать его в качестве орудия убийства?

Чак повернулся к Хентмэну и сказал:

— Вы ведь комик, так? А я не вижу здесь юмора.

— Погодите, — сказал Хентмэн. — Вспомните о старых добрых триллерах, в которых ужас сочетается с юмором. Например, ленту «Кот и канарейка» с Паулетт Годдард и Робертом Хоупом. А известная пьеса «Мышьяк и Старое Кружево», не говоря уже о классических английских комедиях, где постоянно кого-то убивают?

— Понимаю... — пробормотал Чак. Больше он ничего не смог из себя выдавить. Он старался выглядеть спокойным, хотя терзался подозрениями. Что это? Случайное совпадение? Или липкая плесень выдала его мысли Банни Хентмэну. Если так, то почему фирма Хентмэна все же готова привлечь его к работе? Какую, черт возьми, выгоду они могут извлечь из этой ситуации?

— Думаю, что парни сделали блестящий ход, — убеждал Хентмэн. — Согласитесь, Чак, ЦРУ вызывает у обывателя ужас.

Его поддержал Дак:

— Знаете, Чак, если вы позволите называть вас так, когда какой-нибудь Джо начинает думать о симулакрумах ЦРУ, он вздрагивает, как от удара. Итак, оператор, который управляет роботами ЦРУ... Давайте назовем его... — Он повернулся к Джонсу. — Какое рабочее имя мы ему присвоили?

— Зигфрид Троц.

— Итак, Зигги Троц, секретный агент... будет выглядеть примерно следующим образом: широкая хламида из уранского крота, меховая венерианская шапка, надвинутая на глаза, и так далее. Он стоит под дождем, вглядываясь вдаль, на какой-нибудь мрачной Луне... На одной из Лун Юпитера. То есть самый расхожий типаж.

— И тогда, Чак, — заговорил Джонс, — когда такой стереотипный образ нашего героя будет предъявлен зрителям, вот тогда Зигги и выкинет что-нибудь этакое. Что-нибудь такое, что совсем не укладывается в схему.

Дак сказал:

— Дело в том, что Зигги Троц — глупец. Нелепый шпион, который не в состоянии сделать ничего как следует. А теперь о том, что же он собирается предпринять...

Дак подошел к Чаку и сел рядом с ним на диван.

— Он собирается совершить убийство. Теперь вы понимаете, в чем состоит наш замысел?

— Понимаю, — сказал Чак. Он старался говорить как можно меньше, пытаясь оставаться только слушателем. Он никак не мог понять, что же в действительности происходит.

Дак продолжал:

— Дальше. Кого он собирается убить? — Он взглянул на Джонса и Банни Хентмэна. — Мы долго спорили по этому поводу.

— Шантажиста, — сказал Хентмэн. — Всесильного

торговца драгметаллами. Межпланетного мафиози, который живет на удаленной планете. Неземное ужасное существо.

Чак закрыл глаза и начал раскачиваться взад-вперед.

— Вам что-то не нравится, Чак? — поинтересовался Дак.

— Он соображает, — пояснил Хентмэн. — Переваривает идею. Я угадал, Чак?

— Д-да, — промычал Чак. Теперь он был уверен, что лорд Раннинг Клам продал его Хентмэну. Что-то безжалостное и непонятное разворачивалось вокруг него; он чувствовал себя мошкой, которую накрывают огромной ладонью. Его поймали. Выхода нет.

— Я не согласен, — сказал Дак. — Межпланетный мафиози — это, конечно, здорово. Однако... — он развел руками, — страшно заезженный персонаж. Не стоит переключаться с одного стереотипа на другой. Мне кажется, что Зигги Троцу будет лучше расправиться... со своей женой.

Дак медленно обвел взглядом присутствующих.

— Нет, вы только скажите мне: что здесь плохого? У Зигги сварливая жена, она его все время «пилит» — представляете картину? И беспощадный агент-убийца, железный тип, которого все боятся... мы покажем, какой он безжалостный, — и вот он приходит домой, и жена начинает вертеть им! — Дак засмеялся.

— Неплохо, — согласился Банни. — Но этого мало. Я ведь думаю о том, как долго смогу эксплуатировать образ на экране; мне нужно что-то постоянно добавлять в сериал. Мне не нужна шутка на одну неделю.

— Думаю, что такой персонаж никогда не надоест зрителю, — настаивал Дак. Потом повернулся к Чаку и продолжал: — Итак, затем мы видим Зигги на работе, в штабе Центрального Разведывательного Управления; вокруг него масса экранов, пультов и всевозможных устройств. И тут его осеняет идея.

Дак вскочил на ноги и заходил взад и вперед по комнате.

— Он может использовать эти приборы против жены! И тут появляется новенький, с иголочки, симулакрум. — Дак заговорил металлическим голосом, изображая робота: — Хозяин, я готов. Что прикажешь?

Банни, ухмыляясь, спросил:

— Что скажете, Риттерсдорф?

С трудом выговаривая слова, Чак произнес:

— Это единственная причина, по которой Зигги хочет убить свою жену? Только из-за того, что она пилит его?

— Нет! — выкрикнул Джонс, подпрыгивая. — Вы абсолютно правы, нам необходимо ввести подругу. Зигги заводит девицу на стороне. Ослепительную, страшно сексуальную межпланетную шпионку, понимаете? А жена не дает ему развода.

Тут опять вмешался Дак:

— Или, может быть, узнает про девушку и...

— Стойте, — сказал Банни. — Мы, что, пишем комедию или психологическую драму? История становится слишком запутанной.

— Правильно, — кивнул Джонс. — Будем придерживаться линии «жена-чудовище». Итак, Зигги видит робота... — Он замолчал, потому что кто-то вошел в комнату.

Это был альфанец — представитель могущественной цивилизации, которая всего лишь несколько лет назад вела изнурительную войну с землянами. Хитиновое существо напоминало жука, стоящего на задних лапках. Шевеля своими многочисленными конечностями, оно засеменило к Банни и стало ощупывать его лицо длинными усиками — у альфанцев не было глаз — затем удовлетворенно отошло в сторону и повернуло плоскую голову к остальным.

— Я не помешал? — спросил альфанец резким и монотонным, напоминающим звучание домбры голосом. — Я услышал ваш разговор, и он меня заинтересовал.

Банни сказал Чаку:

— Риттерсдорф, это один из моих старейших и преданнейших друзей, РБХ-303. Никому в мире я не доверяю больше, чем ему.

Помолчав, он пояснил:

— Вы, наверное, не знаете, что альфанские имена — это буквенно-цифровые коды. Коротко и ясно — Эр-Бэ-Ха Триста Третий. Звучит немного по-машинному, однако альфанцы очень добросердечные ребята. У Триста Третьего поистине золотое сердце. — Хентмэн издал сдавленный смешок. — Точнее, два золотых сердца — по одному с каждой стороны.

— Рад познакомиться, — проговорил Чак машинально.

Альфанец засеменил к Чаку и начал водить своими усиками по его лицу. Чаку показалось, что по щекам ползают мухи. Он едва сдержал судорогу.

— Господин Риттерсдорф, — прострекотал альфанец. — Очень рад.

Затем, отведя усики в сторону, существо спросило:

— Кто еще находится в комнате, Банни? Я ощущаю присутствие других людей.

— Только Дак и Джонс, — сказал Хентмэн, — мои авторы. — Затем, обернувшись к Чаку, объяснил: — Эр-Бэ-Ха Триста Третий — крупнейший финансовый магнат, участник многих межпланетных коммерческих предприятий. Понимаете, Чак, дело вот в чем: РБХ-303 владеет контрольным пакетом акций компании «Пабтранс Инкорпорэйтэд». Это что-нибудь говорит вам?

Сначала Чак ничего не понял, но потом внезапно до него дошло. Компания «Пабтранс» финансировала телевизионное шоу Банни Хентмэна.

— Вы хотите сказать, — вымолвил Чак, — что компания принадлежит... — Он едва не произнес «нашим врагам», но вовремя остановился. В конце концов альфанцы были бывшими врагами. Они подписали с Землей мирный договор, и полагалось считать, что вражда окончена.

— Вы никогда раньше не встречались с альфанцами? — спросил Банни. — Вам нужно узнать их поближе: это замечательный народ. Глубоко чувствующий и понимающий юмор... «Пабтранс» финансирует меня, в частности, из-за того, что Эр-Бэ-Ха Триста Третий верит в мой талант — он превратил меня из никому не известного комика, который выступал в ночных клубах перед случайными посетителями, во владельца собственной телепередачи, популярной во всем мире. «Пабтранс» помог нам встать на ноги.

— Понимаю, — сказал Чак. Он чувствовал себя больным. Ситуация казалась ему абсолютно противоестественной.

— Не обладают ли альфанцы телепатическими способностями? — осторожно спросил он, зная, что

это не так, однако почему-то побаиваясь альфанца. У него было предчувствие, что этому существу известно все, ведь не существовало таких секретов, которые альфанцы были бы не в состоянии разнюхать.

— Нет, они не телепаты, — развеял его тревогу Банни. — Но поскольку у них нет глаз, они очень чувствительны к звукам. — Он посмотрел на Чака. — Почему вас так тревожат телепаты? А-а, догадываюсь: мы во время войны в отличие от альфанцев были ограничены зрительным образом врага. Война, наверное, выпала на ваше детство?

Внезапно Дак сказал:

— Я знаю, что волнует господина Риттерсдорфа: я уже испытывал подобное чувство. Чака наняли за его идеи, а не за мысли. И ему не по душе, когда кто-то забирается к нему в голову. Мысли Чака принадлежат ему самому, пока он не доверит их бумаге. — Затем обратился к Чаку: — Пусть вас не тревожит присутствие РБХ-303: он не может читать ваши мысли. Он способен лишь улавливать тончайшие нюансы интонаций. Однако вы удивитесь, если узнаете, как много он может определить таким способом. Альфанцы — отличные психологи.

— Я сидел в соседней комнате, — заговорил альфанец, — и читал журнал «Лайф», когда услышал ваш разговор о новом юмористическом персонаже Зигфриде Троце. Заинтересовавшись, я взял на себя смелость побеспокоить вас. Вам не помешало мое появление?

— Нет-нет, отнюдь, — уверил Банни альфанца.

— Ничто, — сказал альфанец, не развлекает и не удивляет меня больше, чем наблюдение за творческим процессом землян. Я раньше не видел вас за работой, господин Риттерсдорф, однако хочу отметить, что вы, вероятно, можете многое добавить к разговору. Однако я ощущаю с вашей стороны антипатию к тому направлению, которое приняла беседа. Могу ли я поинтересоваться, что вам не нравится в Зигфриде Троце и его желании расправиться с нелюбимой женой? Вы женаты, господин Риттерсдорф?

— Да, — ответил Чак.

— Возможно, такой поворот сюжета вызывает в вас чувство вины, — задумчиво произнес альфанец. — Вероятно, у вас присутствуют неосознанные позывы враждебности по отношению к жене.

— Вы ошибаетесь, дорогой РБХ, — вмешался Банни. — Чак и его жена разошлись — она уже начала бракоразводный процесс. Во всяком случае это личное дело господина Риттерсдорфа. Мы собрались здесь не для того, чтобы исследовать его подсознание. Вернемся к делу.

— Но все-таки хочу заметить, — заявил альфанец, — что реакция господина Риттерсдорфа на происходящее неадекватна. Я бы хотел выяснить, почему.

Он повернул свою плоскую безглазую голову в сторону Чака.

— Возможно, если мы будем чаще встречаться с вами, господин Риттерсдорф, я сумею помочь вам лучше понять самого себя.

Задумчиво почесав нос, Банни Хентмэн произнес:

— Так в чем же дело, Чак?

— Просто такой сюжет не кажется мне комедийным, — сказал Чак. — В этом-то и состоят мои сомнения.

— Ну а у меня никаких сомнений нет, — заключил Банни. — Даю распоряжение в отдел реквизита изготовить полый изнутри макет симулакрума — это будет дешевле и надежнее, чем приобретать настоящего робота. Теперь нам нужно подобрать кого-нибудь на роль жены Зигги. То есть моей жены, поскольку Зигги буду играть я.

— Значит, насчет подружки решено? — спросил Джонс. — Будем мы ее вводить или нет?

Дак предложил:

— Она должна поражать своими формами, чтобы зрители были довольны. А зануду-жену, наоборот, сделаем тощей и плоской. Придется искать артистку, которая отказалась от операции на груди.

— У вас есть кто-нибудь на роль подружки? — спросил Банни, держа в руках блокнот и авторучку.

— Помните эту новенькую? Ну, к которой ездил ваш агент? — сказал Дак. — Как же эту крошку зовут? Патти... Патти Вивер. Выдающийся бюст! С ним врачи поработали как следует.

— Сегодня же подпишу с ней контракт, — согласился Банни. — Я знаю ее, подойдет! Остается тощая селедка на роль жены. Не доверить ли выбор Чаку? — И он по-совиному заухал.

Глава VIII

Той же ночью Чак вернулся в Калифорнию, в свою убогую комнатушку. Устало пробираясь по плохо освещенному коридору, он обнаружил перед дверью ганимедианскую липкую плесень. В три часа ночи — это уже слишком!

— Вас дожидаются двое, — проинформировал лорд Раннинг Клам. — Мне показалось, что я должен предупредить вас.

— Спасибо, — сказал Чак и подумал: «С кем же, черт возьми, еще придется столкнуться сегодня?»

— Один из них ваш шеф Джек Элвуд, а второй — его начальник, господин Роджер Лондон. Они хотят расспросить вас о вашей второй работе.

— Но я никогда не скрывал ее от моих коллег, — удивился Чак. — Ведь Мэйджбум, управляемый Петри, присутствовал при заключении контракта с Хентмэном. — Чак почувствовал неладное.

— Все это так, — согласился ганимедианин, — однако они знают о вашем разговоре с госпожой Триест, а также о звонке к Хентмэну во Флориду. Поэтому им известна идея сценария...

Чак открыл дверь и увидел своих начальников из Управления.

— Почему так поздно? — спросил он. — Что случилось? — Он повесил пальто. В комнате было жарко — очевидно, его коллеги включили старинный рефлектор без саморегуляции.

— Это он? — спросил Лондон, высокий, сутуловатый, седеющий мужчина в годах; Чак несколько раз встречался с ним и считал его крепким орешком. — Это и есть Риттерсдорф?

— Да, — подтвердил Элвуд. — Слушай внимательно, Чак. Есть некоторые факты, касающиеся Банни Хентмэна, о которых ты не знаешь. Это секретные сведения.

— Ну и что дальше? — устало произнес Чак.

— Мы в курсе той трудной ситуации, в которой ты оказался после разрыва с женой: отторжение имущества и огромные платежи по алиментам — все это она, несомненно, отсудит у тебя. Мы знаем, что тебе нужны деньги, и все же... — Элвуд посмотрел на Лондона. Тот кивнул, и Элвуд раскрыл дипломат. — Вот досье Хентмэна. Его на-

стоящее имя Самуэль Литл. Во время войны он был осужден за нарушение закона о торговле с нейтральными странами. А если выражаться яснее: Хентмэн занимался поставками стратегических товаров нашему врагу через третьи руки. В тюрьме, однако, пробыл всего лишь год, так как имел великолепную команду адвокатов. Мне продолжать?

— Я же не могу расторгнуть контракт только на том основании... — начал Чак.

— Хорошо, — прервал его Элвуд, обменявшись взглядом со своим начальником. — После войны Самуэль Литл, известный сейчас под именем Банни Хентмэн, проживал в Альфанской системе. Чем он там занимался — никому не известно; наша разведывательная сеть не распространяется на территорию, занимаемую альфанцами. Около шести лет назад Самуэль Литл возвратился на Землю, имея на своем счету кругленькую сумму в межпланетной валюте, и начал выступать в качестве комика в различных ночных увеселительных заведениях. Затем получил крупную финансовую поддержку от компании «Пабтранс»...

— Знаю, — прервал его Чак. — Я видел альфанца, который владеет «Пабтрансом». Его зовут РБХ-ЗОЗ.

— Вы ВИДЕЛИ его? — воскликнул Лондон. Оба начальника уставились на Чака.

— Что ты знаешь про РБХ-ЗОЗ? — заговорил Элвуд. — Ведь его семья во время войны стояла у руля всего военно-промышленного комплекса Альфанской системы. Сейчас его брат является членом Альфанского кабинета министров. Иными словами, иметь дело с РБХ-ЗОЗ — значит напрямую общаться с альфанским правительством.

Он протянул Чаку досье.

— Читай.

Чак начал просматривать напечатанные мелким шрифтом страницы. Из того, что там говорилось, было нетрудно догадаться, что составляющие досье работники Центрального Разведывательного Управления считали Эр-Бэ-Ха Триста Третьего неофициальным представителем альфанского правительства, а Хентмэна — альфанским агентом. Поэтому оба находились под пристальным наблюдением ЦРУ.

— Хентмэн нанял тебя не из-за того, — сказал Элвуд, — что ему потребовался новый автор. У него их уже и так пять человек. Я тебе выскажу наши соображения по этому поводу. Дело в том, что здесь замешана твоя жена.

Чак не отвечал, продолжая внимательно просматривать досье.

— Понимаешь, Чак, альфанцы хотят восстановить свою юрисдикцию над Луной Альфа III М2. А единственный легальный путь к этому — вынудить поселенцев-землян покинуть ее. В противном случае в действие вступает Межпланетное соглашение за номером 2040: Луна становится собственностью поселенцев, а так как эти поселенцы — земляне, то и Луна должна будет являться собственностью Земли. Альфанцы не в состоянии заставить поселенцев уйти, однако они пристально наблюдают за ними. Альфанцы прекрасно знают, что это бывшие пациенты Психиатрического госпиталя Гарри Салливэна, который был организован на Луне перед войной. Поэтому естественно, что организация, которая может убрать поселенцев с Альфа III М2, должна быть земной, например, ТЕРПЛАН или Американская Служба Здоровья и Социального Обеспечения. Если такая организация даст рекомендацию об эвакуации бывших пациентов госпиталя, то таким образом Луна достанется альфанцам.

Чак кивнул. Все это было похоже на правду. Однако главное оставалось неясным: каким образом он может повлиять на решения, принимаемые Мэри? Хентмэн знает, что они в разводе; к тому же Мэри сейчас находится на Альфа III М2, а он здесь, на Земле. Даже если бы он был там, вместе с ней, она бы никогда не послушала его. Она всегда принимала решения самостоятельно.

Однако... если альфанцы знают, что именно он управляет симулакрумом Даниэлем Мэйджбумом...

В это невозможно было поверить. Этого просто не могло быть!

— У нас есть одна гипотеза на этот счет, — сказал Элвуд, пряча досье обратно в дипломат. — Мы думаем, что альфанцы знают...

— Не продолжайте, — сказал Чак. — Если они знают о Мэйджбуме, это означает, что они проникли в ЦРУ.

— Я... не это имел в виду, — сказал Элвуд, смутившись. — Я собирался сказать лишь о том, что альфанцы могут знать также, как знаем это мы, о твоих чувствах к своей бывшей жене, о твоих переживаниях, связанных с нею. Они могут рассуждать следующим образом: раз дело обстоит так, то контакт между тобой и Мэри может в скором времени восстановиться. Даже если ты в данный момент и не очень хочешь этого.

— И какую же пользу они собираются из этого извлечь?

— Здесь наш прогноз становится весьма мрачным, — сказал Элвуд. — Хотя наши предположения строятся на информации, полученной из косвенных источников, из отдельных составляющих, собранных в разных местах — повторяю, что мы можем ошибаться, — однако нам кажется, что альфанцы будут пытаться спровоцировать тебя на убийство Мэри.

Чак не ответил, стараясь сохранить непроницаемость. Прошло несколько секунд; Элвуд и Лондон пристально смотрели на Чака, пытаясь разгадать причину его молчания.

— Мы будем с вами предельно откровенны, Риттерсдорф, — заговорил наконец Лондон. — У нас есть информатор, принадлежащий к ближнему окружению Хентмэна. Не важно, кто именно. Он сообщил нам об идее сценария, которую вы обсуждали с Хентмэном и его авторами во Флориде: симулакрум, принадлежавший ЦРУ, убивает женщину. Жену агента ЦРУ. Я не ошибся?

— Нет, — проговорил Чак, пристально разглядывая пятно на стене.

— Такого рода сюжет, — продолжал Лондон, — призван внушить вам мысль об убийстве госпожи Риттерсдорф. Однако Хентмэн и его альфанские друзья не догадываются, что симулакрум уже находится на Альфа III М2 и что вы управляете им. Если бы они знали об этом... — Он замолчал, потом медленно, как бы для себя, произнес: — То они не стали бы придумывать такой сложный сюжет специально для вас...

Лондон пристально посмотрел Чаку в глаза.

— Потому что вы, скорее всего, уже сами задумывались над этим.

После долгой паузы Элвуд наконец произнес:

— Чак, не лучше ли отказаться от управления Мэйджбумом? Хотя бы для того, чтобы показать нам, что у тебя нет подобных мыслей.

Тщательно подбирая слова, Чак сказал:

— Я не стану отказываться от управления Даниэлем Мэйджбумом. — Ему было ясно, что в таком случае он лишь усилит их подозрения. Кроме того, он не собирался идти у них на поводу по очень простой причине: он действительно хотел убить Мэри.

— Если с госпожой Риттерсдорф что-нибудь случится, — сказал Лондон, — учтите, на вас первого падет подозрение.

— Понимаю, — бесстрастно ответил Чак.

— Поэтому, сидя за пультом, — продолжал Лондон, — вам следует всячески оберегать госпожу Риттерсдорф от... неожиданностей.

— Хотите знать мое личное мнение по этому поводу? — спросил Чак.

— Да, конечно, — отозвался Лондон. Элвуд кивнул.

— Вся эта идея представляется мне абсурдной, притянутой за уши, базирующейся на изолированных, никак не связанных между собой фактах. Возможно, агент, о котором вы говорили, слишком долго занимался сочинением детективных историй для телевидения. Каким образом убийство Мэри может повлиять на принятие решения относительно судьбы душевнобольных поселенцев Луны Альфа III М2? Если Мэри погибнет, то вместо нее пришлют другого психолога.

— Мне кажется, — сказал Элвуд, обращаясь к своему шефу, — что они ждут не убийства как такового, а его реальной угрозы, которая будет висеть над головой доктора Риттерсдорф и может склонить ее к сотрудничеству. — Затем добавил, обращаясь к Чаку: — Теперь ясно, что ты действительно во власти мыслей, навеянных телесценарием.

— И вы думаете, что я всерьез намереваюсь убить свою жену? — спросил Чак.

— Я думаю, — ответил Элвуд, — о странном совпадении: ты на самом деле руководишь действиями симулакрума ЦРУ, который действительно находится рядом с госпожой Риттерсдорф, что в точности соответствует телесценарию Хентмэна.

— А не кажется ли вам, — сказал Чак, — что произошла подмена причины и следствия. Что Хентмэну каким-то образом удалось узнать, что я уже управляю Мэйджбумом, поэтому он и придумал свой сценарий. Вы понимаете, что это значит?

Вывод был понятен. В ЦРУ, несмотря на их нежелание говорить об этом, работал человек Хентмэна. Или...

Существовал еще один вариант. Лорд Раннинг Клам услышал мысли Чака и передал их Банни Хентмэну. Сначала липкая плесень убедила его работать на Хентмэна, теперь же они все вместе взялись обрабатывать его, чтобы реализовать планы относительно Луны Альфа III М2.

Телесценарий был нужен для того, чтобы ясно дать ему понять: они знают. И если он не будет делать того, что от него требуется, они сообщат об этом при помощи телевидения всей Солнечной системе. Двадцать миллиардов зрителей будут знать о его желании убить жену.

У него оставался только один выход — накрепко связать себя с фирмой Хентмэна, делать то, что они захотят. Они приперли его к стенке.

«Посмотри, чего они уже добились, — сказал он себе, — заставили забеспокоиться руководство ЦРУ Западного побережья. И, как сказал Лондон, если что-нибудь случится с Мэри...»

Однако он все еще намеревался выполнить то, что задумал с самого начала. Или, скорее, попытаться сделать это. Не просто создать угрозу, как того хочет фирма Хентмэна, а убить ее. Почему? Он и сам этого не знал. Да, он не хочет жить с ней, не хочет ее больше видеть, да, она полностью «раздела» его. И все же это не причина для столь сильной жажды убийства.

Только Мэри, с ее богатым опытом психолога, могла бы найти ответ.

Ядовитая ирония этой мысли доставила ему странное удовольствие. И несмотря на присутствие двух проницательных сотрудников ЦРУ — не говоря уже о вездесущей липкой плесени, которая наверняка подслушивала из своей комнаты, — он совершенно не упал духом. Он ясно сознавал, что балансирует на грани между двумя противоборствующими силами: Центральным Разведывательным Управлением и мафией Хентмэна, каждая из которых состояла из опытных профессионалов, — но почему-то верил, что в конце концов добьется своего и оставит их в дураках.

Липкая плесень, конечно же, знает его мысли. Пускай. Теперь он хотел, чтобы их знал и Хентмэн.

Как только звук шагов его коллег затих в конце коридора, под запертую дверь комнаты Чака просочилась липкая плесень. Материализовавшись на старинном зеленом паласе, покрывавшем пол, она сказала — мысленно, конечно, — с оттенком благородного негодования:

— Уверяю вас, господин Риттерсдорф, что не имел и не имею никаких связей с господином Хентмэном; я впервые увидел его здесь, у вас.

— До чего же назойливый тип, — бросил Чак, готовя себе кофе. Был уже пятый час утра, однако ему не хотелось спать благодаря стимуляторам лорда Раннинга Клама. — Вечно прислушивается. Вам что, больше делать нечего?

Липкая плесень сказала:

— В одном я с вами согласен: господин Хентмэн, создавая сценарий, знал о ваших намерениях. Такое совпадение не может быть случайным. Возможно, господин Риттерсдорф, здесь замешан еще один телепат.

Чак пристально посмотрел на ганимедианина.

— Может быть, это один из ваших коллег в ЦРУ, — продолжала липкая плесень, — но нельзя не учитывать и другую возможность: ваши мысли были прочитаны в тот момент, когда вы присутствовали на Луне Альфа III М2 в образе Даниэля Мэйджбума.

Наверное, кто-нибудь из психически нездоровых поселенцев обладает телепатическим даром. Теперь я считаю своим долгом помогать вам в меру своих возможностей, чтобы наглядно продемонстрировать добрую волю. Я отчаянно жажду реабилитировать свое незапятнанное имя в ваших глазах и сделаю все от себя зависящее, чтобы обнаружить телепата — сообщника Хентмэна.

— Это могла быть Джоанна Триест? — внезапно спросил Чак.

— Исключено. Я прекрасно знаю, о чем она думает; кроме того, она не обладает такими способностями. Она, как вы знаете, пси, и ей подвластны лишь короткие промежутки времени.

— А как насчет предположения ЦРУ о том, что

альфанцы хотят захватить Луну Альфа III М2? — спросил Чак.

— Возможно, это и так, — задумался ганимедианин. — Скорее всего, они продолжают надеяться... ведь Луна находится в их системе. И все же... могу я говорить откровенно? — теория ваших коллег из ЦРУ не имеет под собой реальной основы, она составлена из отдельных фактов путем сложной, отработанный годами системы выдавать желаемое за действительное.

— И не кажется ли вам, — продолжала плесень, — что ваше столь страстное желание разделаться с женой частично объясняется долгими годами работы в атмосфере секретности и сложных логических построений?

— Однако вы должны согласиться, — возразил Чак, — что я попал в крайне затруднительную ситуацию из-за того, что Хентмэн и его авторы остановились на сценарии, столь созвучном моим намерениям.

— Да, действительно. Но еще более удивительно то, что именно вы сейчас начнете сочинять диалоги для этого сценария. — Плесень слегка заколыхалась от смеха. — Вы, как никто другой, сможете это сделать с большей степенью достоверности. Хентмэн будет просто поражен глубиной вашего проникновения в личность Зигфрида Троца.

— А откуда вы знаете имя персонажа? — Чак напрягся.

— Оно в вашей голове.

— Значит, вы должны были также ощутить мое желание, чтобы меня оставили в покое.

Чак не ощущал усталости — ему просто хотелось поскорее засесть за сценарий.

— Как вам будет угодно.

Ганимедианин вытек из комнаты, и Чак наконец остался один. Было очень тихо; иногда с улицы доносился шум пролетавшего аэроплана. Чак некоторое время стоял у окна, отхлебывая кофе из чашки, затем сел за пишущую машинку.

С профессиональной тщательностью он начал обдумывать начальную сцену. Она, конечно, должна происходить в квартире Зигги... Например, Зигги сидит в кресле и читает газету. Тут появляется тощая жена и начинает ворчать на него... «Так, — думал он, — здесь-то уж я покажу, на что способен».

Он застучал по клавиатуре машинки.

Он печатал, почти не отрываясь, несколько часов подряд, удивляясь лишь изумительному действию гекса-амфетаминных стимуляторов и не ощущая ни малейшей усталости. Работа давалась ему даже легче обычного, настолько ясной была его голова. В семь тридцать, когда в окно уже заглянул первый солнечный луч, он прошел на кухню и стал готовить завтрак.

«Итак, снова на работу. За пульт к Даниэлю Мэйджбуму».

Стоя у стола с тостом в руке, он принялся просматривать напечатанные страницы. Диалоги были написаны живо и естественно — недаром он столько лет занимался подобными вещами. Теперь он перешлет рукопись экспресс-почтой Хентмэну в Нью-Йорк; через час она будет в руках у комика.

В двадцать минут девятого, когда он брился в ванной, раздался звонок видеофона.

Первый звонок после того, как видеофон был установлен.

Подойдя к аппарату, он включил его.

— Алло.

На миниатюрном экране возникло лицо девушки, ошеломляюще красивое лицо с ирландскими чертами. Чак моргнул.

— Господин Риттерсдорф? Я Патриция Вивер. Я только что узнала, что Банни Хентмэн собирается дать мне роль в сериале, который вы пишете. Я хотела узнать, нельзя ли мне посмотреть рукопись? Я просто умираю от желания взглянуть на нее; вы не представляете, сколько лет я мечтала попасть в программу Банни.

— Хорошо, я вышлю вам копию. Но рукопись еще не закончена, и Банни не видел ее. Не знаю, что именно он оставит для окончательного варианта. Может быть — ничего.

— Банни так хорошо говорил о вас, — пропела Патриция Вивер, — я уверена, что он оставит все. Пожалуйста, пришлите мне рукопись; я дам свой адрес. Кстати, я живу не так уж далеко от вас: вы — в Северной Калифорнии, а я чуточку южнее, в Санта-Монике, недалеко от Лос-Анджелеса. Мы можем встретиться, если хотите. Почитаем вместе мою роль.

Ее роль. «Боже, — подумал он, — я ведь не написал еще ни строчки для грудастой шпионки, подруги Зигги». Все, что он успел сделать, — только диалоги Зигги Троца со своей занудой-женой.

Оставался один выход: отпроситься из ЦРУ на полдня и сочинить сцену с подругой.

— Знаете, что? — сказал он. — Я привезу вам рукопись. Перезвоните мне вечером. Давайте запишу ваш адрес.

Чак принялся искать бумагу и ручку. К черту Мэйджбума — он еще никогда в жизни не встречал такой красотки!

Записав адрес, Чак дрожащей рукой повесил трубку видеофона и стал собирать разбросанные листки рукописи.

По пути в Сан-Франциско он отправил конверт экспресс-почтой на адрес нью-йоркской конторы Хентмэна. Сидя за пультом, он сможет представить сцену с Патрицией Вивер; к обеду она уже сформируется у него в голове, в восемь вечера он с готовой рукописью отправится в Санта-Монику.

«Все складывается не так уж плохо, — решил он. — По крайней мере я начинаю выбираться из этого кошмара».

Доехав до здания ЦРУ на улице Сансом, Чак вошел в широкие знакомые стеклянные двери.

— Риттерсдорф, — окликнул его чей-то голос. Перед ним стоял Роджер Лондон. Строгое лицо шефа было хмурым — он разглядывал Чака с явным неудовольствием. — Пройдемте в мой кабинет.

«Опять душеспасительная беседа?» — предположил Чак, поднимаясь по ступенькам вслед за начальником.

— Господин Риттерсдорф, — сказал Лондон, как только закрыл дверь, — мы установили в вашей комнате спецаппаратуру и знаем, чем вы занимались, после того как мы ушли.

— Ну и чем же?

Чак был совершенно уверен, что не совершил ничего предосудительного.

— Вы не спали всю ночь, — сказал Лондон. — Вы работали. Это невозможно без применения специальных наркотиков, которые, как вы знаете, запрещены. Тем самым вы не только нарушили закон, но и подтвердили свои контакты с неземными существами, которые и снабдили вас этими препара-

тами. Поэтому... — Лондон в упор посмотрел на Чака, — я временно отстраняю вас от работы из соображений государственной безопасности.

Ошеломленный Чак произнес:

— Но работа в двух местах необходима мне...

— Итак, управлять симулакрумом Даниэлем Мэйджбумом будет бригада из двух человек: Питер Петри и другой сотрудник, с которым вы не знакомы, Томас Шнайдер. — На суровом лице Лондона появилась насмешливая улыбка. — А вы можете всецело посвятить себя писательскому труду... Если вас не выгонит и Хентмэн.

— Как это — выгонит? — Чак ничего не мог понять. Он же заключил с Хентмэном контракт...

Лондон произнес:

— Если наша теория верна, то Хентмэн потеряет к вам интерес, как только узнает, что у вас больше нет доступа к симулакруму Даниэлю Мейджбуму. Поэтому, как мне кажется, через несколько часов... — Лондон взглянул на свои ручные часы, — вам придется столкнуться с тем неприятным фактом, что у вас не осталось никакой работы. Тогда, мне кажется, вы слегка образумитесь и будете рады видеть в нас единственных работодателей.

Лондон открыл дверь кабинета, выпроваживая Чака.

Очнувшись, Чак обнаружил, что спускается по широким ступеням главного входа здания ЦРУ. Случилось невероятное: он потерял работу, которой занимался много лет.

Черт с ней, с зарплатой, — Хентмэн платит ему гораздо больше. Но без симулакрума Даниэля Мейджбума он не сможет добраться до Мэри. Не нужно было так долго раскачиваться. Мысль о том, что он в конце концов расквитается с женой, поддерживала его все последнее время. Теперь впереди была пустота. Существование потеряло смысл.

Чак развернулся и, как во сне, заковылял обратно, вверх по ступеням. Внезапно откуда-то возник охранник в форме и преградил ему дорогу.

— Весьма сожалею, господин Риттерсдорф. Но у меня приказ не пускать вас.

— Мне нужно видеть господина Лондона, — проговорил Чак. — Всего на одну минуту.

Охранник снял с пояса рацию. Получив разрешение, он сообщил:

— Все в порядке, господин Риттерсдорф. Можете пройти в кабинет господина Лондона. — Охранник отошел в сторону, и широкие стеклянные двери автоматически открылись.

Минуту спустя Чак снова оказался в отделанном деревянными панелями кабинете Лондона.

— Вы решились? — спросил Лондон.

— Я просто хотел сказать вам одну вещь. Если Хентмэн не уволит меня, не будет ли это доказательством того, что ваши подозрения необоснованны? — Чак подождал, давая возможность начальнику обдумать сказанное. Лондон напряженно сдвинул брови, однако промолчал.

— Если Хентмэн не уволит меня, — произнес Чак, — то я собираюсь официально обжаловать факт отстранения меня от работы. Я подам жалобу в Комиссию по делам государственных служащих и докажу...

— Вы уволены, — спокойно произнес Лондон, — отнюдь не по причине второй работы, а в связи с использованием вами запрещенного возбуждающего препарата, который сейчас уже обнаружен в вашей комнате. Это ГБ-40. С его помощью вы можете преспокойно работать двадцать четыре часа в сутки. Поздравляю. Теперь, когда вам не нужно будет появляться здесь, вы сможете все это время посвятить вашей новой литературной работе. Желаю удачи.

Лондон сел за стол, показывая, что разговор окончен.

— Но вы убедитесь, что ошиблись, — возбужденно сказал Чак. — Я попросил бы вас пересмотреть свое мнение.

С этими словами он вышел из кабинета.

Снова очутившись на залитом утреннем солнцем тротуаре, Чак в нерешительности остановился, не обращая внимания на толкавших его многочисленных пешеходов.

«Что же теперь? — спрашивал он себя. — Вторая катастрофа за столь недолгий срок. Сначала разрыв с Мэри, теперь потеря работы. Не слишком ли круто? Что же у меня остается?»

Оставалась работа у Хентмэна.

Добравшись домой на беспилотном такси, он лихорадочно бросился к пишущей машинке и принялся сочинять сцену для Патриции Вивер. Забыв обо всем, он видел перед собой только клавиатуру и лист бумаги. «Придумаю для нее чертовски хорошую роль, — отчаянно заклинал себя он. — Сногсшибательную роль!»

Около трех часов пополудни он наконец закончил печатать, поднялся на ноги и потянулся, почувствовав усталость во всем теле. Однако голова была на удивление ясной.

«Значит, они установили в комнате аппаратуру, — вспомнил он вдруг. — Фиксируют каждое мое движение». Специально для тех, кто будет подслушивать запись, он громко произнес:

— Эти ублюдки из управления шпионят за мной. Как я рад, что наконец-то вырвался из болота подозрительности.

Он замолчал, поняв, что поступает на редкость глупо. Включив машинку, Чак прошел на кухню и начал готовить обед.

Глава IX

Не дождавшись звонка девушки, Чак позвонил ей сам.

На лице актрисы, появившемся на экране видеофона, не отражалось никаких эмоций, казалось, она была за много световых лет отсюда.

— Скажите, что случилось? — спросил Чак. — Вы знаете, как оценил мой сценарий Банни?

— Он сказал, что не собирается использовать вашу рукопись, и если я звонила вам или вы звонили мне...— Она наконец более осмысленно посмотрела на Чака, словно только что заметила его присутствие. — Словом, он сказал, что если я буду говорить с вами... В общем, ваша идея сценария ему абсолютно не понравилась, и он больше не хочет тратить на нее время.

— Значит, это *моя* идея?

— Да, вся ваша рукопись. Он получил отправленные вами страницы и нашел их ужасными.

Чак почувствовал, как у него запылали уши; в голове разлилась боль, лицо онемело.

— Дак и Джонс, его постоянные авторы, спешно готовят совершенно новый сценарий, — сказала Патриция.

После долгой паузы Чак хрипло спросил:

— Должен ли я связываться с ним?

— Он ничего не сообщил.

— Увидимся, — сказал Чак и бросил трубку. Экран погас.

Направляясь к лифту, он дважды споткнулся. Голова раскалывалась, на душе было мерзко. Он старался сосредоточиться только на одной мысли: поскорее выйти на улицу, выбраться на свежий воздух.

Был ли прав Лондон? Мысли Чака путались; возможно, Хентмэну просто не понравилась рукопись. Однако, если посмотреть на дело с другой стороны...

«Я должен позвонить Банни, — решил он наконец. — Срочно».

Он нашел видеофонную кабинку и стал набирать номер фирмы Хентмэна. Потом, остановившись, швырнул трубку. «Нужно ли это сейчас? Смогу ли я выдержать второе увольнение?»

Прикрыв дверь кабины, он в нерешительности замер. Прошло несколько секунд. «По крайней мере нужно подождать, успокоить нервы. Пока из меня не выйдет ганимедианская смесь».

Засунув руки в карманы пальто, он бесцельно побрел по тротуару. Однако тревога не оставляла его. Напротив, отчаяние с каждым шагом все больше овладевало им. Все вокруг него распадалось и превращалось в прах, он летел в пропасть.

Чак не ощущал в себе сил, способных остановить падение. Он мог только беспомощно ждать дальнейших событий, непонятно кем и когда запущенных.

Он очнулся от того, что автоматический голос повторял: «Пожалуйста, уплатите еще двадцать пять центов. Просьба не опускать в аппарат купюры, пользуйтесь монетами».

Моргнув, он понял, что снова находится в видеофонной кабине. Но кому же он звонит? Банни Хентмэну? Порывшись в карманах, он нашел монетку и опустил ее в прорезь. Экран засветился, из глубины выплыло лицо.

Это был явно не Банни Хентмэн: на него озабоченно смотрела Джоанн Триест.

— Что случилось? Чак, ты выглядишь ужасно! Ты болен? Откуда ты звонишь?

— С улицы, — сказал он. Чак посмотрел на часы: начало девятого. — Послушай... дело в том, что меня сегодня утром отстранили от работы в ЦРУ, а теперь...

— Я очень тебе сочувствую, — сказала Джоанн, плотно прижимая трубку к уху.

— Спасибо. А теперь, кажется, меня уволил и Банни Хентмэн. Но я не совсем уверен в этом, потому что, откровенно говоря, просто боюсь ему звонить.

Некоторое время оба молчали, разглядывая друг друга. Потом Джоанн мягко сказала:

— Послушай, Чак, успокойся. Тебе нужно позвонить Хентмэну. Или, если хочешь, я сама позвоню ему. Сообщу, что я твой секретарь или еще что-нибудь совру, не волнуйся, я найду, что сказать. Дай мне номер этой кабины. И не вздумай вешать нос — я уже достаточно хорошо знаю тебя. Если ты дашь волю отчаянию, подумаешь о самоубийстве и попытаешься совершить его, я не смогу помочь — просто не успею.

— Спасибо тебе, — сказал Чак. — Рад слышать, что я хоть кому-то не безразличен.

— На тебя и так свалилось слишком много, — проговорила Джоанн в своей мягкой манере. — Развод, потеря работы, а теперь...

— Позвони ему, — прервал Чак. — Вот номер. — Он поднес клочок бумаги к экрану, Джоанн переписала номер.

Повесив трубку, он тем не менее остался в кабине и закурил. В голове начало постепенно проясняться: он задумался о том, что же делал последние два часа. Мышцы ног одеревенели и ныли от усталости — наверное, он куда-то шел. Бесцельно слонялся по улицам без единой мысли в голове.

Нащупав в кармане упаковку с таблетками ГБ-40, он распечатал и проглотил одну. «Может, полегчает», — подумал он. Однако то, что сонливость пропала, не прибавило настроения. Ощущение полного краха по-прежнему не покидало его.

«Липкая плесень — вот кто мне нужен».

Позвонив в справочную, Чак узнал номер комнатного видеофона лорда Раннинга Клама в Замке Бездельников, потом опустил монету и набрал номер. В трубке долго раздавались длинные гудки, экран оставался серым.

— АЛЛО.

На экране появились сначала буквы, потом над ними — расплывчатый желтый силуэт.

Ганимедианин, естественно, не мог воспользоваться звуковой связью.

— Это Чак Риттерсдорф.

Слова побежали по экрану; желтый силуэт слегка заколыхался:

— С ВАМИ ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ, ГОСПОДИН РИТТЕРСДОРФ. Я НЕ МОГУ ЧИТАТЬ ВАШИ МЫСЛИ НА ТАКОМ РАССТОЯНИИ, ОДНАКО, СУДЯ ПО ИНТОНАЦИИ ВАШЕГО ГОЛОСА...

— Вы можете повлиять на Хентмэна? — спросил Чак.

— КАК Я УЖЕ ГОВОРИЛ ВАМ, Я СОВЕРШЕННО НЕ ЗНАЮ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА.

Чак произнес:

— Очевидно,он уволил меня. Может быть, вы постараетесь уговорить его взять меня обратно?

«Я больше не могу, — думал он. — Мне нужна хоть какая-то работа».

— Ведь именно вы заставили меня подписать с ним контракт — на вас лежит доля ответственности.

— ВАША РАБОТА В ЦРУ...

— Окончена. Меня выгнали за связь с Хентмэном.

— ПОНИМАЮ, — снова побежала вереница слов, — ВАША СУМАСШЕДШАЯ СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА НЕ ПРОСТИЛА ЭТОГО. Я ДОЛЖЕН БЫЛ ПРЕДВИДЕТЬ.

— Послушайте, — сказал Чак, — сейчас не время искать виноватых. Я ни в чем вас не обвиняю. Мне просто нужна работа, любая работа!

«Я должен получить ее сегодня, — сказал он себе. — Я не могу ждать ни дня».

— МНЕ НЕОБХОДИМО ПОДУМАТЬ, — проинформировал его ганимедианин. — ДАЙТЕ МНЕ...

Чак с остервенением бросил трубку на рычаг.

Потом он снова стоял и курил в закрытой кабине, размышляя о том, что скажет Джоанн, когда позвонит. «Если позвонит. Вдруг не захочет огорчать. И это я, своими собственными руками...»

Аппарат заверещал.

— Джоанн? — закричал он в трубку.

На экране возник образ девушки.

— Послушай, Чак, я позвонила по номеру, кото-

рый ты дал. К аппарату подошел некий господин Фелд. Он был очень взволнован. Я заметила, что по комнате бегают какие-то люди. Все, на что был способен господин Фелд, — это сказать, чтобы я смотрела сегодняшние газеты.

— Отлично, — сказал Чак и почувствовал, как у него похолодело внутри. — Спасибо. Постараюсь добыть какую-нибудь газету. Увидимся. — Отключив связь, он быстро вышел из будки и в тусклом свете фонарей принялся искать газетный автомат.

У большой светящейся витрины какого-то магазина он обнаружил то, что искал; через несколько секунд он уже просматривал вечернюю газету. «Конечно же — на первой полосе. Хентмэна знает вся страна».

ПОПЫТКА АРЕСТА БАННИ ХЕНТМЭНА ЗАКОНЧИЛАСЬ НЕУДАЧЕЙ. АГЕНТ НЕЗЕМНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПОСЛЕ ПЕРЕСТРЕЛКИ СКРЫЛСЯ.

Чак дважды перечитал заголовок, прежде чем до него дошел смысл. Итак, вот что случилось на самом деле: через свою сложную сеть сбора информации ЦРУ выяснило, что Банни Хентмэн уволил своего нового автора Чака Риттерсдорфа. Этот факт подтвердил теорию ЦРУ о том, что Чак был нужен Хентмэну только потому, что имел отношение к операции «Пятьдесят минут» на Альфа III М2. Таким образом, давние подозрения по поводу Хентмэна подтвердились, и ЦРУ немедленно стало действовать.

Однако комику удалось скрыться. Вероятно, он был вовремя предупрежден своим человеком из Управления. Все было просто и вместе с тем страшно. Чак продолжал тупо смотреть на заголовок, но его руки, державшие газету, дрожали.

Значит, Хентмэн бежал. Несмотря на быстрые профессиональные действия ЦРУ. Улетел на реактивном прыгуне из своего нью-йоркского офиса во время лазерной перестрелки с группой захвата. Где же он сейчас? Вероятно, на пути в Альфанскую систему. А где Чак Риттерсдорф? На пути в никуда. Перед ним расстилалась зияющая пустота без цели, друзей и надежд.

Открыв дверь, Чак увидел, что в комнате горит свет. Рядом со стереоприемником, из которого лилась ранняя симфония Гайдна, удобно раположившись в кресле, сидела Джоанн Триест. Увидев Чака, она вскочила.

— Слава Богу! Я так волновалась за тебя. — Она подобрала с пола «Сан-Франциско Кроникл». — Ты видел газеты? Что с тобой теперь будет, Чак? Могут ли тебя задержать — как работника фирмы Хентмэна?

— Не знаю, — сказал Чак, закрывая за собой дверь. Он не думал, что ЦРУ станет его арестовывать, однако Джоанн была права: здесь было над чем поразмыслить. Чак прошел на кухню и некоторое время не мог понять, куда дел электрическую кофеварку. Потом до него дошло, что кофеварка вместе с остальными вещами осталась у Мэри.

В дверях появилась Джоанн.

— Чак, мне кажется, тебе лучше позвонить в ЦРУ. Поговори с кем-нибудь из своих бывших коллег. Например, с шефом. Хорошо?

— Джоанн, — произнес он с горечью, — ты так любишь во всем подчиняться закону! Нельзя же все время думать по инструкции. — Он не стал говорить ей о том, что в самую трудную минуту, когда все рушилось вокруг него, ему хотелось искать защиты у Хентмэна, а не в ЦРУ.

— Пожалуйста, — настаивала Джоанн, — это необходимо. Я советовалась с лордом Раннингом Кламом — он чувствует то же самое. По радио сообщили, что некоторые сотрудники фирмы Хентмэна арестованы или находятся в розыске...

— Ради Бога, оставь меня в покое. — Дрожащими руками Чак открыл новую банку растворимого кофе и положил в большую кружку три чайных ложки кофе.

— Если ты не свяжешься с ними, — объявила Джоанн, — то я не стану для тебя ничего делать. Мне действительно придется оставить тебя в покое.

— А что ты можешь для меня сделать? — произнес Чак. — Ты, наверное, впервые видишь перед собой человека, потерявшего работу в двух местах за один день.

— Что же ты в таком случае собираешься предпринять?

— Наверное... эмигрирую в Альфанскую систему.

«А именно — на Луну Альфа III М2, — подумал он. — Если бы мне удалось найти Хентмэна...»

— Значит, сообщение ЦРУ было верным, — сказала Джоанн, блеснув глазами. — Организация Хентмэна финансируется неземной разведкой!

— Послушай! — с отвращением воскликнул Чак. — Война закончилась восемь лет назад. Терпеть не могу эту идиотскую подозрительность рыцарей плаща и кинжала! Того, что я наслушался за эти годы, хватит до конца моих дней. Я сыт по горло! Если я хочу эмигрировать — я сделаю это!

— А мне останется только арестовать тебя, — сказала Джоанн, однако в ее голосе не чувствовалось уверенности. — Смотри, ведь я вооружена. — Она подняла руку, и Чак увидел у нее подмышкой миниатюрную кобуру с торчавшей из нее рукояткой небольшого лазерного пистолета. — Но я, как ты понимаешь, не сделаю этого. Как ты умудрился столь быстро поломать свою жизнь? Ведь лорд Раннинг Клам так старался...

— Забудь о нем!

— Он искренне хотел тебе помочь; он понимал, как тебе трудно. Но он не знал, насколько ты безответственный человек. Теперь мне понятно, почему Мэри ушла от тебя.

Джоанн вздохнула.

— Ты даже не пытаешься бороться с обстоятельствами, ты... — она замолчала и удивленно посмотрела на дверь. Чак тоже услышал. Это были мысли липкой плесени, доносившиеся из комнаты напротив:

— Господин Риттерсдорф, по коридору в направлении вашей комнаты движется какой- то человек. Он вооружен и намеревается заставить вас пойти с ним. Не знаю, кто он и что ему нужно, но он защищен от телепатического воздействия, из чего я могу сделать вывод, что он либо агент секретной разведки, либо член подпольной организации. В любом случае будьте наготове.

Чак сказал Джоанн:

— Дай мне твою лазерную пушку.

— Нет. — Она вынула пистолет из кобуры и направила его на дверь. Лицо девушки было совершенно спокойным — она умела владеть собой.

— Господи, — произнес Чак, — тебя же убьют!

Он так ясно знал это, словно обладал даром предвидения. Чак резко ухватился за дуло и дернул оружие на себя. Пистолет упал на пол; Джоанн бро-

силась к нему. Чак сделал то же самое — они столкнулись, и девушка отлетела в сторону, врезавшись в стену. Чаку в падении удалось дотянуться до пистолета, он схватил его...

Что-то обожгло руку, и он выпустил пистолет. В то же мгновение незнакомый голос приказал:

— Не двигаться, Риттерсдорф. Иначе я убью ее.

Человек закрыл входную дверь и вошел на кухню. Лазерный пистолет в его руке был направлен в сторону лежавшей на полу Джоанн. Это был пожилой мужчина в поношенной серой куртке военного покроя и старинных высоких ботинках со шнуровкой; Чаку бросился в глаза землистый оттенок лица — очевидно, он долго жил в совершенно иных условиях, скорее всего, не на Земле.

— Я думаю, это агент Хентмэна, — проговорила Джоанн, медленно поднимаясь с пола. — Не сомневаюсь, он может сделать то, что сказал. Если бы ты не отобрал у меня пистолет...

— Тогда мы оба были уже мертвы, — перебил ее Чак. Он обернулся и посмотрел на мужчину. — Я пытался связаться с Хентмэном.

— Отлично, — сказал человек и сделал жест по направлению к входной двери. — Следуйте за мной. Девушка может оставаться здесь — она мне не нужна. Не будем терять время: нам предстоит долгий путь.

— Вы можете связаться с Патрицией Вивер, — сказал Чак, первым выходя в коридор.

Человек презрительно хмыкнул.

— Помолчите лучше, господин Риттерсдорф. У вас и так слишком длинный язык.

— О чем это вы? — Чак непроизвольно остановился.

— Вы вступили в нашу организацию в качестве шпиона Центрального Разведывательного Управления. Теперь мы знаем, почему вы так хотели писать для нас сценарий — чтобы раздобыть улики против Банни. Ну и как? Много улик насобирали? Вы видели альфанца — это что, преступление?

— Нет, — сказал Чак.

— За это они собираются засадить меня до конца жизни, — продолжал человек с пистолетом. — Черт возьми, они давно знали, что Банни жил в Альфанской системе. Но война, кажется, окончилась; так разве он не имеет права поддерживать экономические связи с Альфой? Он популярный артист. Я скажу вам, почему ЦРУ решило арестовать его: Банни придумал сценарий, в котором симулакрум ЦРУ убивает человека. Управление сразу засуетилось...

«Для агента он что-то слишком разговорчив», — подумал Чак.

Впереди, преграждая им путь, возник желтый холм. Это был ганимедианин, который вытек из своей комнаты.

— Дай-ка нам пройти, приятель, — проговорил человек с пистолетом.

— Извините, — мысленно заявил лорд Раннинг Клам, — но я менеджер господина Риттерсдорфа, и было бы непрактично с моей стороны спокойно наблюдать за тем, как его уводят.

Тонкий красный луч прошел мимо Чака и уперся в середину желтого холма. Студнеобразная поверхность сморщилась и превратилась в черный, дымящийся шар, который с шипением и треском стал разбрызгиваться во все стороны, выжигая и покрывая угольками паркет коридора.

— Вперед, — приказал человек.

— Он мертв, — проговорил Чак. Ему было трудно поверить в это.

— Их там еще много осталось, — сказал человек с пистолетом. — На Ганимеде. — На его мясистом лице не отражалось ничего, только холодное равнодушие. — Когда мы войдем в лифт, нажмите последнюю кнопку — мой корабль на крыше, на посадочной площадке.

Чак повиновался, с трудом передвигая ноги. Через минуту они вышли на крышу, в холодный и туманный ночной воздух.

— Назовите мне свое имя, — проговорил Чак. — Только имя.

— Зачем?

— Чтобы я смог найти вас. И отомстить за убийство моего друга.

— Хорошо, — равнодушно сказал человек, подталкивая Чака к припаркованному реактивному прыгуну с включенными огнями и работающим двигателем. — Меня зовут Альф Шериган. — Он уселся за пульт управления.

Чак медленно кивнул.

— Вам нравится это имя? Оно вас устраивает?

Чак не ответил, уставившись в лобовое стекло.

— Вы не общительны, — заметил Шериган. — Это плохо, ведь нам предстоит совместное путешествие на Луну, в Брэйх-сити. — Он включил автопилот и повернул ключ.

Аппарат дернулся несколько раз, но не поднялся.

— Подождите здесь, — сказал Альф Шериган, взмахнув пистолетом в направлении Чака. — Не вздумайте прикасаться к пульту. — Открыв нижний люк, он нервно высунул голову и стал вглядываться в темноту, пытаясь определить, что помешало машине взлететь. — Господи! Трубопровод...

Он резко втянул голову назад в кабину и, направив лазерный пистолет в люк, выстрелил. В то же мгновение из люка параллельно его лучу возник другой луч и уперся ему в грудь. Шериган выпустил оружие, его тело изогнулось, изо рта вырвался хрип. Он осел на пол кабины с открытым ртом и выпученными глазами.

Подобрав пистолет, Чак высунулся и посмотрел наружу. На крыше стояла Джоанн Триест с другим — миниатюрным — лазерным пистолетом в руке. Она, очевидно, воспользовалась аварийным лифтом с автономным приводом. Шериган допустил ошибку — он не знал, что Джоанн была сотрудником полиции, привыкшим к любым неожиданностям. Даже Чак не ожидал, что она способна действовать так быстро: догнать их на аварийном лифте, затем первым выстрелом перебить ведущий трубопровод машины, а вторым убить Шеригана.

— Ты собираешься вылезать или нет? — спросила Джоанн. — Я не задела тебя?

— Нет, я в порядке, — сказал Чак.

— Послушай. — Девушка приблизилась к открытому люку и взглянула на бесформенную почерневшую массу, которая только что была Альфом Шериганом. — Я могу вернуть его к жизни. — Помнишь — пять минут. Ты хочешь, чтобы я сделала это, Чак?

Он с минуту подумал, потом, вспомнив лорда Раннинга Клама, отрицательно покачал головой.

— Как хочешь, — сказала Джоанн. — Честно говоря, он мне не симпатичен.

— Скорее к лорду!..

— Чак, я уже не могу помочь ему — слишком поздно. Прошло больше пяти минут. Мне пришлось выбирать: или остаться с ним, или выручать тебя.

— Лучше бы ты...

— Нет, — твердо сказала Джоанн. — Я поступила правильно, ты поймешь почему. У тебя есть увеличительное стекло?

Вздрогнув, он сказал:

— Конечно, нет.

— Посмотри в кабине: под пультом должно быть отделение для инструментов. Поищи там лупу — она обычно входит в набор для починки микросхем.

Чак молча повиновался и через некоторое время обнаружил в указанном месте лупу в пластмассовой цилиндрической оправе.

— Теперь пойдем к нему, — сказала Джоанна.

Спустившись на этаж Чака, они склонились над кучкой золы, которая когда-то была их другом, липкой плесенью с Ганимеда.

— Возьми лупу, — приказала Джоанн, — и тщательно осмотри пол.

— Зачем?

— Мы должны собрать споры.

Отшатнувшись, Чак произнес:

— Ты хочешь сказать, что, может быть, он успел...

— Ганимедианцы выбрасывают споры непроизвольно, в тот момент, когда подвергаются атаке. Это фактор выживания. Смотри внимательней, споры очень маленькие. Они такие коричневые и круглые, без лупы их не разглядишь. А я пока приготовлю питательную среду. — Она скрылась в комнате Чака; он опустился на колени и стал осматривать ковер в поисках потомков лорда Раннинга Клама.

Когда Джоанн вернулась, Чак раскрыл ладонь и показал ей семь блестящих коричневых шариков.

— Им нужна влажная почва, — сказала Джоанн, наблюдая за тем, как Чак осторожно перекладывает споры в найденную ею на кухне мензурку. — И время. Найди еще штук двадцать, потому что выживут не все.

Ему удалось отыскать на грязном потертом ковре еще двадцать пять спор, которые также были помещены в мензурку. Затем Чак и Джоанн спустились на первый этаж и, обогнув здание, вышли во двор. Там они взяли немного чернозема и заполнили мензурку. Джоанн заметила поливочный шланг и капнула в мензурку воды, после чего закупорила ее клейкой лентой.

— Атмосфера на Ганимеде плотная, теплая, насыщенная влагой, — объяснила Джоанн. — Это все, что можно сделать, чтобы создать для спор наиболее благоприятные условия. Лорд Раннинг Клам как-то говорил мне, что иногда ганимедианцам удавалось даже успешно размножаться на Земле в открытой почве. Поэтому не будем терять надежды.

С осторожностью они перенесли мензурку в комнату Чака.

— И долго придется ждать? — спросил Чак.

— Точно не знаю: кажется, многое зависит от фазы Луны. Нам остается только ждать.

— А сохранится ли память в этих новых... — Он помедлил. — В новом поколении липкой плесени? Будет он — или они — помнить нас? И то, что произошло?

Джоанн сказала:

— Это зависит от того, как быстро он выбросил споры.

— А что с ними будет, если я увезу их с Земли? И Луна перестанет влиять на них?

— Они будут продолжать расти. Но, наверное, немного медленнее. Что ты задумал?

— Организация Хентмэна послала за мной агента, — сказал Чак. — И он не прибыл в положенный срок.

— Они пошлют другого, — согласилась Джоанн. — Это точно. Вероятно, сразу же, как только узнают. И не исключена возможность, что наш посетитель имел специальный сигнал «на мертвеца», и они узнали о его смерти в момент остановки сердца. Ты прав: тебе нужно как можно скорее покинуть Землю. Но каким образом? Для этого нужны средства, чья-то помощь... У тебя есть что-нибудь на счете в банке?

— Нет, Мэри забрала все. — Чак опустился в кресло и закурил. — Зато у меня есть идея, — через некоторое время произнес он. — Надо позвонить. Извини, но я бы не хотел, чтобы ты слышала этот разговор. Или ты по-прежнему боишься за меня?

— Нет, сейчас с тобой все в порядке. Ты только немного нервничаешь. Но это неудивительно в такой ситуации. — Она встала. — Звони, а я пойду займусь нашим гостем. Надо связаться с отделением полиции. — В дверях она помедлила. — Чак, я рада, что помогла тебе. Скажи, куда он хотел отвезти тебя?

— Лучше тебе этого не знать, так безопасней.

Девушка задумчиво кивнула и закрыла за собой дверь. Он остался один.

Уже начав набирать номер Роджера Лондона, Чак передумал и решил позвонить своему бывшему шефу Джеку Элвуду.

«В такой поздний час он наверняка уже дома», — думал Чак, вызывая квартиру шефа. Элвуд действительно оказался дома. Он был явно недоволен поздним звонком и стал еще более недовольным, увидев, кто его вызвал.

— Я хочу заключить с вами соглашение, — сказал Чак.

— Соглашение? Мы знаем, что ты прямо или косвенно подсказал Хентмэну о готовящейся против него операции, и ему удалось скрыться. Разве не так? Мы даже знаем, через кого ты работал — через смазливую артисточку из Санта-Моники, его последнюю любовницу. — Элвуд бросил на Чака хмурый взгляд.

Последняя фраза была для Чака новостью — он не догадывался об этом, общаясь с Патрицией. Однако это мало что меняло.

— Суть сделки такова, — сказал он. — Я знаю, где находится Хентмэн.

— Это меня не удивляет. Меня поражает другое: почему ты хочешь рассказать об этом нам? Что, не прижился в счастливой семейке?

Чак покачал головой:

— Хентмэн прислал за мной человека. Его удалось остановить, но вскоре, вероятно, появится новый. Рано или поздно они достанут меня. — Он не стал вдаваться в детали своего трудного положения — бывший шеф все равно остался бы при своем мнении. — Я скажу вам, где скрывается Хентмэн, но в обмен на корабль. Мне нужен один из тех небольших военных перехватчиков, которые имеются в ЦРУ. Вы получите ценную информацию в обмен на одно типовое судно. — Помолчав, Чак добавил: — Кроме того, корабль я обещаю вернуть в ближайшее время.

— Кажется, ты действительно попал в серьезную переделку, — заметил Элвуд.

— Да.

— Что ж, — пожал плечами Элвуд, — я поверю тебе, почему бы и нет? Скажи мне, где Хентмэн, и в течение пяти часов я предоставлю тебе корабль.

«Другими словами, — понял Чак, — они придержат корабль до тех пор, пока не проверят мою информацию».

Однако можно ли ожидать чего-либо другого от сотрудников разведки?

— Хентмэн на Луне, в Брэйх-сити, — сообщил Чак.

— Жди у себя дома, — быстро сказал Элвуд. — Корабль будет около двух часов ночи, если ты не врешь. — Он посмотрел Чаку в глаза.

Повесив трубку, Чак сел на диван. Потом заметил, что сигарета, которую он оставил на краю журнального столика, догорела почти до фильтра; на полу лежал пепел. Чак затушил ее.

Итак, если корабль не появится, для него это будет конец — другого варианта у него не было. Джоанн может защитить его еще раз, может даже вернуть к жизни, когда люди Хентмэна убьют его. Но если он останется на Земле, то рано или поздно его найдут и прикончат уже наверняка. Только Альфанская Луна дарила надежду на спасение. К тому же, там была Мэри.

Открыв дверь в коридор, Чак позвал Джоанн:

— Заходи, я уже позвонил.

— Ты бежишь с Земли? — Темные глаза девушки были широко раскрыты.

— Может быть. — Чак снова сел на диван и приготовился к долгому ожиданию.

Джоанн осторожно поставила на столик мензурку со спорами лорда Раннинга Клама.

— Я отдаю их тебе, потому что знаю: ты хочешь вырастить их сам. Он отдал за тебя жизнь, и ты чувствуешь себя ответственным. Теперь давай я расскажу, что нужно делать, когда споры войдут в активную фазу.

Чак взял бумагу и карандаш и стал записывать.

Несколько часов спустя, когда люди из Третьего отделения полиции убрали с крыши труп и Джоанн покинула его, Чак понял, что проиграл. Альф Шериган оказался прав — теперь он действительно «заложил» Хентмэна ЦРУ. Но он поступил так только ради спасения собственной жизни. Для Хентмэна, однако, это вряд ли будет оправданием: тот тоже хотел спасти свою жизнь.

Но дело было сделано.

Чак продолжал неподвижно сидеть на диване и ждать сигнала ЦРУ о прибытии корабля. Однако верил в это все меньше и меньше.

«Что тогда? Что если корабля не будет? Тогда — новый агент Хентмэна. И жизнь станет измеряться не годами, а минутами...»

Ждать оставалось еще чертовски долго.

Глава X

Слегка поклонившись, Габриэль Бэйнс заявил:

— Мы, делегаты Семи Кланов, представляем Высший Совет — верховную власть, которой все в этом мире обязаны подчиняться.

С холодным, застывшим выражением лица он выдвинул стул и жестом предложил земному психологу сесть. Доктор Мэри Риттерсдорф, вежливо улыбнувшись, приняла приглашение. Как показалось Бэйнсу, выглядела она немного уставшей. В ее улыбке не чувствовалось искренности.

Остальные члены Совета поочередно представились.

— Говард Строу. Ман.

— Якоб Симион. — Симион не смог подавить своей идиотской улыбки. — От гебов, из Гандитауна, где вы обосновались.

— Аннет Голдинг, поли. — В глазах Аннет застыла тревога, она сидела очень прямо, напряженно вглядываясь в женщину-психолога, которая столь нагло нарушила их покой.

— Ингрид Хибблер... Один, два, три... Из клана навов.

«Что это означает? — подумала доктор Риттерсдорф. — Ах, да, конечно, — навязчивые».

— Омар Даймонд. Сейчас вы догадаетесь, к какому клану я принадлежу. — Он отрешенно посмотрел прямо перед собой, впадая в прострацию.

«Черт возьми, — подумал Габриэль Бэйнс, — нашел время для мистических упражнений! Ведь нам сейчас, как никогда, нужно действовать согласованно. Или не действовать вовсе...».

Глухо, безучастно заговорил деп:

— Дино Уоттерс. — Казалось, он хочет еще что-то добавить. Но чувство безысходности подавило этот порыв. Деп сел на место и вновь уставился в одну точку.

— А меня вы уже знаете, доктор Риттерсдорф, — напомнил Бэйнс, зашуршав документом, который лежал перед ним на столе. Рескрипт являлся плодом совместных усилий членов Совета, их манифестом.

— Спасибо, что посетили нас, — продолжил он и откашлялся, почувствовав, что голос от волнения предательски садится.

— Спасибо, что разрешили сделать это, — произнесла доктор Риттерсдорф внешне любезно, но, как показалось Бэйнсу, со скрытой угрозой. Ее взгляд был непроницаемым.

Бэйнс продолжил:

— Вы спрашиваете разрешения посетить другие поселения, помимо Гандитауна. В особенности вам необходимо осмотреть Высоты да Винчи. Мы обсудили этот вопрос. И решили отклонить вашу просьбу.

— Я чувствую, — кивнула доктор Риттерсдорф.

— Объясните ей почему, — произнес Говард Строу. Он ни на минуту не отворачивал своего безобразного лица от психолога с Земли.

Его неприкрытая ненависть к ней наэлектризовала атмосферу и, как зараза, передалась другим членам Совета. Бэйнс чувствовал, как ненависть невольно охватывала и его.

Подняв руку, доктор Риттерсдорф проговорила:

— Погодите. Вы еще успеете зачитать мне ваш документ.

Она медленно обвела присутствующих внимательным, профессиональным взглядом. Говард Строу в ответ состроил злобную гримасу, Якоб Симион кивнул и бессмысленно улыбнулся, позволив ее взгляду проследовать дальше. Аннет Голдинг, бледная как полотно, нервно вскинула голову, потом опустила глаза и принялась рассматривать свои ногти. Деп ничего не заметил — он смотрел в пустоту. Шиз Омар Даймонд взглянул на доктора Риттерсдорф с суровой горделивостью, под которой, как заметил Бэйнс, скрывалась неприязнь.

Что же до самого Бэйнса, то он находил доктора Мэри Риттерсдорф весьма привлекательной женщиной. «Имеет ли значение тот факт, — невольно отметил он про себя, — что дамочка прибыла сюда одна, без мужа. — Мысль его унеслась вперед. — И только ли профессиональные интересы руководят этой особой?»

— Доктор Риттерсдорф, — мягко начал он, — перед тем как мы позволим вам посетить некоторые другие наши поселения, ваш корабль должна осмотреть делегация Высшего Совета. Необходимо выяснить, имеется ли оружие на борту корабля. Все остальное нас совершенно не будет интересовать.

— У нас нет оружия, — отрезала доктор Риттерсдорф.

— Тем не менее, — настаивал Габриэль Бэйнс, — я предлагаю, чтобы вы позволили мне (конечно, это будет он) сопровождать вас при возвращении на базу. У меня имеется документ, — он потряс манифестом, — который гласит, что ваш корабль обязан покинуть Гандитаун в течение сорока восьми земных часов. Если вы не согласитесь с нашим предложением... — Бэйнс посмотрел на Строу, тот кивнул. — В этом случае мы начнем против вас военные действия на основании того, что вы — вооруженные захватчики.

Доктор Риттерсдорф немного понизила свой приятный высокий голос:

— Мне понятна ваша позиция. Ведь вы так долго жили в полной изоляции. Однако должна заявить следующее... — Теперь она обращалась непосредственно к Бэйнсу, пристально глядя на него: — Должна привлечь ваше внимание к одному немаловажному факту, который, боюсь, вы сочтете неприятным. Вы все — индивидуально и коллективно — психически больны.

В зале установилось долгое напряженное молчание.

— Черт побери, — произнес Говард Строу, не обращаясь ни к кому в отдельности, — мы уже много лет живем свободно. Без так называемого «диспансера» или «Центра», который на самом деле являлся концентрационным лагерем.

— Мне не хочется повторять вам это, — сказала доктор Риттерсдорф, — однако вы неправы: здесь был крупный психиатрический Центр, где лечили больных. Я попросила бы вас включить этот факт в свои планы, которые распространяются на нас. У меня нет причин лгать — я специалист и говорю чистую правду.

— Квид эст веритас? — пробормотал Бэйнс.

— Что вы сказали? — не расслышала доктор Риттерсдорф.

— «Что есть истина?» — перевел Бэйнс. — А не кажется ли вам, доктор, что за двадцать пять лет нам удалось подняться над проблемами межличностной несовместимости и... — он сделал жест в подтверждение своих слов, — приспособиться? Или, как говорят психиатры, компенсировать свою болезнь? В любом случае мы стали способны к адекватным групповым взаимоотношениям, пример которых вы можете наблюдать в этом зале. Если мы в состоянии выполнять совместную работу, то, без всякого сомнения, не являемся больными. Лучшего теста, чем групповая работоспособность, просто не существует. — Бэйнс сел, чрезвычайно довольный собой.

Доктор Риттерсдорф заговорила, тщательно подбирая слова:

— Да, я, конечно, должна признать, что в данный момент вы объединились против общего врага... против нас. Однако я готова поспорить, что до нашего прибытия и после того как мы улетим, вы опять превратитесь в разрозненных индивидуумов, захваченных взаимной враждой и недоверием, не способных договориться между собой. — Она обескураживающе улыбнулась Бэйнсу, однако тот не ответил, догадавшись, что это маневр.

Доктор, к несчастью, была права. Она попала в самую точку: кланы редко действовали заодно. Однако... она все-таки ошибалась.

Мэри допустила одну очевидную, хотя и незаметную на первый взгляд ошибку. Она предполагала, как нечто само собой разумеющееся, что источником вражды и страха был Совет. Однако не его члены, а земляне продемонстрировали агрессивность. Почему их корабль прибыл без какой-либо попытки получить разрешение? Земляне первыми обнаружили свое недоверие, а значит, несут ответственность за то, что отношения не складываются.

— Доктор Риттерсдорф, — резко сказал Бэйнс, — альфанские торговцы связываются с нами, когда хотят получить разрешение на посадку. Вы же даже не попытались этого сделать. Прежде у нас не было проблем с партнерами: мы обменивались товарами на постоянной основе.

Его выпад попал в цель — психолог помедлила с ответом. Присутствующие радостно зашумели. Говард Строу пробормотал что-то злобное.

— Мы предположили, — вымолвила наконец доктор Риттерсдорф, — что получили бы отказ на свой официальный запрос.

Бэйнс снисходительно улыбнулся:

— Однако вы не предприняли такой попытки. Вы «предположили». А теперь, конечно, уже считаете....

— Скажите честно: разрешили бы вы нам приземлиться? — Жесткий уверенный голос ударил Бэйнса, словно хлыстом, резко оборвав ход его рассуждений; он моргнул и невольно остановился.

— Нет, не разрешили бы, — заключила она. — И прекрасно это знаете. Прошу вас, будем мыслить реалистично.

— Если вы появитесь на Высотах да Винчи, — вклинился Говард Строу, — мы убьем вас. Мы убьем вас и в том случае, если вы не улетите. Любой новый корабль, который попытается приземлиться здесь, будет уничтожен. Это наш мир, и мы хотим сохранить его свободным. Господин Бэйнс может обрисовать детали нашего прежнего тюремного режима; все они содержатся в нашем манифесте, который он и я — с помощью остальных делегатов — подготовили для вас. Зачитайте манифест, господин Бэйнс.

— «Двадцать пять лет назад, — начал читать Габриэль, — на планете была создана колония...»

Доктор Риттерсдорф тяжело вздохнула.

— Наши знания ваших клинических состояний...

— «Критических состояний»?! — взорвался Говард Строу. — Вы сказали «критических состояний»? — Его лицо раскраснелось, он даже привстал со стула.

— Я сказала: клинических состояний, — терпеливо повторила доктор Риттерсдорф. — Наши знания говорят о том, что причина вашей воинственной активности может быть найдена в поселении манов — иными словами, в месте компактного проживания маниакально-депрессивных личностей. Через четыре часа мы покинем город гебефренников Гандитаун и высадимся на Высотах да Винчи. Если вы попытаетесь атаковать нас, мы вызовем земные военные корабли, — она помедлила, — которые находятся в получасе лета отсюда.

В зале снова установилось долгое напряженное молчание.

Через некоторое время Аннет Голдинг едва слышно произнесла:

— Все-таки зачитайте наш манифест, Габриэль.

Бэйнс кивнул и возобновил чтение. Голос его дрожал.

Аннет Голдинг зарыдала, горестные всхлипывания были полны отчаяния:

— Теперь вы знаете, что земляне уготовили нам; они снова собираются сделать из нас пациентов психбольницы. Это конец!

Собравшись с духом, доктор Риттерсдорф возразила:

— Неправда, мы собираемся вас лечить. Уверяю, лечение поможет вам... почувствовать себя более свободными. Стать полноправными членами общества. Вы почувствуете вкус к жизни, избавитесь от напряжения и страхов...

— Да-да, — пробормотал Якоб Симион. — От страхов, что доктора с Земли снова прибудут сюда и загонят нас за колючую проволоку, словно диких животных.

«Через четыре часа, — подумал Габриэль Бэйнс. — Совсем скоро». Он продолжал дрожащим голосом чтение манифеста.

Теперь это занятие казалось ему пустой бравадой. «Потому что нас уже ничто не спасет», — понял он.

После того, как встреча закончилась и доктор Риттерсдорф отбыла, Габриэль Бэйнс твердым шагом вышел из зала заседаний, спустился по широким каменным ступеням и покинул здание. На стоянке он сел в свой турбо-автомобиль и выехал на дорогу, ведущую в Гандитаун.

Продвигаясь по ней с черепашьей скоростью в семьдесят пять миль, он надеялся прибыть на место раньше окончания срока действия ультиматума.

Доктор Риттерсдорф вернулась в Гандитаун на ракетном челноке. Она наверняка была уже на месте. Он проклинал архаичный способ перемещения, на который приходилось полагаться; однако такова была реальность мира, за который они боролись. Став подданными Земли, они бы снова получили современные транспортные средства. Но какую цену пришлось бы за это заплатить! Лучше путешествовать со скоростью семьдесят пять миль в час и быть свободными. «Эх, — вздохнул он, — хороший лозунг...»

Однако такая скорость все же слегка раздражала...

Через четыре часа двадцать минут он достиг заваленных мусором пригородов Гандитауна. В воздухе стоял специфический аромат гебского поселения — он уловил сладковатый запах гниения, смешанный со стойким привкусом дыма бесчисленных очагов, где жгли мусор.

Автомобиль Бэйнса остановился у хижины гебского Святого Игнатия Ледебура.

Ледебур копался в древнем, проржавевшем бензиновом генераторе, окруженный детьми и котами.

— Я знаю, зачем ты пришел, — сказал Игнатий, поднимая руку, дабы избавить Бэйнса от излишних объяснений.

— Ты можешь узнать будущее? Можешь сказать, добьюсь ли я успеха?

— Я не предсказатель. Пусть предсказывают другие, я же промолчу. — Однако, помедлив немного, многозначительно изрек: — Земной корабль улетел! — И, выдержав паузу, добавил: — Час назад меня посетило видение: прилетел еще один земной корабль.

— Наверное, военный, — предположил Бэйнс, — для захвата Высот да Винчи. — Почему бы им не сбросить на поселение манов водородную бомбу — в качестве психотерапии?

— Это маленький скоростной перехватчик, — уточнил Ледебур. — Я так вижу. Он прожужжал в небе, как пчела, и сел недалеко от поселения поли, Гамлет-Гамлета.

Бэйнс сразу же подумал об Аннет Голдинг. Все ли с ней в порядке? Может быть, ее уже похитили или засадили в клетку для «лечения»?

— Это меняет дело, я должен срочно ехать. От меня многое зависит, ведь я пар.

В голове Бэйнса зрели тысячи новых планов.

Идея победы над врагом, казалось, не оставит его до гробовой доски.

— Поешьте, — предложила жена Ледебура. — Кажется, у нас осталось немного вареных почек, — я, правда, хотела отдать их кошкам, но буду рада угостить вас.

— Спасибо, — сказал Бэйнс, стараясь не морщиться: гебы готовили ужасно. Однако голод взял свое, и пришлось принять предложение хозяйки.

Поев и попросив у Ледебура фонарик, Бэйнс тронулся в путь, выруливая на восток, в направлении Гамлет-Гамлета.

Опять он тащился со скоростью семьдесят пять миль в час по открытой, ничем не защищенной местности. Однако его уже не волновала мысль о собственной безопасности — он был обеспокоен другими, более важными вещами. Высоты да Винчи, как он узнал по радио, атакованы, быть может, они уже пали... Что же теперь? Продолжать ли борьбу, лишившись поддержки целеустремленных манов? Что означает странное прибытие маленького земного перехватчика? Весьма неожиданное прибытие... Сулит ли эта внезапность хоть какую-нибудь надежду? Ведь все ясное и предсказуемое не оставляет, как правило, никаких шансов.

Бэйнс не был ни шизом, ни гебом, однако и ему явилось свое видение: этот самолет — спасение. И он поверил в этот счастливый случай. Поверил, хотя сам не знал почему.

Глава XI

По пути домой из Адольфвилла, с заседания Высшего Совета Аннет Голдинг начала подумывать о самоубийстве.

«Все мы — даже маны! — должны будем в конце концов покориться силе. Можно ли спорить с планетой, которая совсем недавно победила целую альфанскую империю?»

Такие мысли вертелись в голове Аннет, пока она сосредоточенно рассматривала пластиковую ленту дороги в Гамлет-Гамлет, выхватываемую из темноты автомобильными фарами. Надежды не было — она ощущала это подсознательно, на каком-то уже чуть ли не физиологическом уровне.

«Если все аргументы разбиваются о стену, я не буду спорить, я лучше уйду, — думала она. — Никто не принуждает меня к этому, я сама так хочу».

Ей стало жаль себя, на глаза навернулись слезы.

«Я — как Дино Уоттерс... Мне следует восхищаться манами, ведь они борются. Почему во мне нет этой жестокости, надменности, непробиваемости?.. Если рассуждать теоретически, я могу стать какой угодно, я же поли... Однако...»

Внезапно Аннет заметила пламя реактивного

выхлопа, хорошо видного на темном небе. Корабль опускался совсем рядом с Гамлет-Гамлетом. Действительно, если она никуда не будет сворачивать, то подъедет прямо к кораблю. Ее охватили два противоположных, характерных для поли чувства: страх заставил ее сжаться, а любопытство, усиленное возбуждением и нетерпением, приказало увеличить скорость.

Однако когда она была почти уже у цели, страх все же победил — она сбросила скорость, свернула с дороги и выключила зажигание. Аннет сидела в темноте, прислушиваясь к ночным звукам, не зная, что предпринять.

Чужой корабль смутно вырисовывался неподалеку: рядом с ним временами вспыхивал фонарик, кто-то двигался. «Земные солдаты готовятся захватить Гамлет-Гамлет». Однако голосов не было слышно, да и сам корабль не казался ей угрожающим.

Аннет, конечно же, была вооружена. Каждый делегат Высшего Совета обязан носить при себе оружие, хотя гебский представитель традиционно забывал об этом. Порывшись в отделении для перчаток, она выудила оттуда старинный пулевой пистолет. Аннет никогда не пользовалась им, да и теперь мысль об убийстве казалась дикой. Однако выбора не было.

Осторожно, стараясь не шуметь, она выскользнула из машины и стала продираться сквозь кусты поближе к кораблю. Внезапно совсем рядом вспыхнул свет фонарика. Аннет в ужасе отпрянула.

Какой-то человек сосредоточенно копал яму. Его наморщенный лоб блестел от пота.

Внезапно он бросил лопату и поспешил обратно к кораблю. Затем быстро вернулся с большой картонной коробкой и поставил ее на землю, рядом с ямой. Свет фонарика проник в коробку, и Аннет увидела пять влажных пульсирующих сфер, похожих на грейпфруты. Сферы были живые. Она догадалась, что видит споры липкой плесени с Ганимеда: Аннет помнила их по учебным видеолентам. Мужчина, конечно, спешил зарыть их во влажную почву: только там они могут развиваться. Аннет знала, что стадию пульсации споры проходили быстро, поэтому мужчина торопился не зря — «сеянцы» могли погибнуть.

— Вы не успеете, — вмешалась Аннет, удивившись собственной смелости. Одна спора, действительно, потемнела и стала на глазах сморщиваться. — Послушайте, — она приблизилась к незнакомцу. — Я помогу вам увлажнить их. Иначе они погибнут. У вас есть вода?

— На корабле. В большой цистерне, — отрывисто ответил мужчина. Он вынул почерневшую спору из коробки и осторожно опустил в яму, присыпав землей.

Аннет принесла воду в пластмассовом ведерке.

Смачивая водой быстро теряющие форму споры, она сравнивала их с одуванчиками: те так же быстро вырастали, созревали, облетали. Они, вероятно, были счастливы. Им не приходится отстаивать свои права.

— Спасибо, — произнес мужчина, присыпая землей вторую, теперь уже влажную спору. — Я не надеюсь, что мне удастся спасти все. Споры выросли во время полета, и мне некуда было поместить их. — Разламывая руками куски чернозема, он коротко, но внимательно взглянул на нее: — Аннет Голдинг.

Сидевшая на корточках Аннет спросила:

— Откуда вы знаете мое имя? Я никогда вас раньше не видела.

— Мне приходилось бывать здесь, — загадочно ответил незнакомец.

Первая спора уже начала расти: почва на том месте задрожала и вспучилась. Это было забавно, и Аннет рассмеялась.

— Простите меня, — сказала она. — Но все случилось так быстро. Они скоро вырастут и смогут двигаться.

— Не совсем, — серьезно сказал мужчина. — А откуда вы знаете про них?

— Много лет мне не оставалось ничего другого, как заниматься самообразованием, — ответила Аннет. — Я тогда была совсем маленькой, и здесь еще существовал... Вы бы назвали его госпиталем... Во всяком случае я тогда просмотрела много лент по биологии и зоологии. Я помню, что ганимедианская липкая плесень, когда вырастает, становится настолько умной, что с ней можно общаться. Это правда?

— Более чем умной. — Человек взял очередную спору из коробки; в его ладонях она мягко прогибалась и пульсировала, словно живая.

— Как удивительно! — воскликнула Аннет. Теперь она была рада, что любопытство выгнало ее из машины. — Как прекрасно! — Она продолжала восхищаться быстрыми, но осторожными движениями своего нового знакомого. — Такая теплая ночь, чистый воздух и тихие хлюпающие звуки, которые издают эти малыши, — как лягушата, правда? Молодец, что не даете им умереть! У вас очень добрая душа. Пожалуйста, скажите, как вас зовут?

Он быстро взглянул на нее.

— Зачем?

— Я хочу запомнить вас.

— Да, я тоже помню одно имя... — снова загадочно произнес мужчина.

Осталось посадить последнюю спору. Первая уже увеличилась настолько, что показалась из земли. Она, как заметила Аннет, потеряла форму.

— Однако, — продолжал странный человек, — другие чувства побуждают меня к этому... — Он не договорил, но Аннет уловила суть. — Меня зовут Чак Риттерсдорф, — добавил он.

— А вы не родственник доктора Риттерсдорф, психолога с земного корабля? Да, наверное, вы ее муж! Как же вас звали, когда вы прилетали сюда раньше?

Чак Риттерсдорф взглянул на нее.

— Вы думаете, что я изменил свое...

— Вы были кем-то другим, — проговорила Аннет.

Риттерсдорф, не найдя ответа, лишь диковато посмотрел на нее.

Засыпав землей последнюю спору, он взял лопату, машинально прихватил картонную коробку и направился к кораблю. Аннет двинулась следом.

— А что, липкая плесень тоже хочет захватить нашу Луну? — встревоженно спросила она. Ей показалось, что это, возможно, входило и в планы Земли. Но Риттерсдорф, видимо, преследовал исключительно свою личную цель. К тому же он прибыл совершенно один.

«Полная чушь, — обвинила себя Аннет. — И как только эта парская мысль могла прийти мне в голову?»

— Вы их боитесь? — Риттерсдорф улыбнулся и скрылся внутри корабля. Помедлив, Аннет последовала за ним, щурясь от яркого света лампы. На полочке рядом с краном она заметила свой старин-

ный пулевой пистолет — очевидно, она забыла его в спешке, когда набирала воду. Риттерсдорф взял пистолет и с интересом стал разглядывать диковинное оружие, потом посмотрел на Аннет со странной полуулыбкой:

— Ваш?

— Да...— смущенно пробормотала она и протянула руку, надеясь получить пистолет обратно. Однако Риттерсдорф не двигался.

— Прошу вас, отдайте. Это мое личное оружие: я забыла его здесь, когда набирала воду, вы же знаете.

Он долго и пристально изучал ее лицо. Потом протянул ей пистолет.

— Спасибо, — воскликнула Аннет в приступе благодарности. — Никогда не забуду вашего поступка.

— И вы собираетесь спасти свою Луну при помощи этого? — Он снова улыбнулся.

«А он далеко не старик, — подумала Аннет. — Конечно, когда улыбается и сбрасывает с себя эту угрюмую озабоченность. Даже морщины на лбу разглаживаются. У него такие чистые голубые глаза... Да, ему не больше тридцати пяти! Но эта постоянная угрюмость. Вроде нашего Дино Уоттерса. Может быть, он тоже не совсем здоров. Жаль. Ведь депрессия — это самое ужасное!»

— Не думаю, что нам удастся спасти Луну, — сказала она. — Просто с этим спокойнее. Вы ведь знаете, что здесь происходит. Мы...

Какая-то бессвязная мысль вдруг проникла в ее мозг: «Господин Риттерсдорф...» Мысль потускнела, потом снова прояснилась: «...роший поступок. Я знаю, что Джоанн...» Мысль опять исчезла.

— Господи! — закричала Аннет в ужасе. — Что это такое?

— Это липкая плесень. Одна из спор. Не знаю, какая именно. — Чак Риттерсдорф облегченно вздохнул, а затем радостно воскликнул: — Он помнит, помнит! Он вернулся! Да скажите же что-нибудь, госпожа Голдинг! — Он схватил ее за руки, затем закружил в танце. — Не молчите, Аннет!

— Я рада, — произнесла наконец Аннет несколько натянуто. — Вам надо почаще радоваться. Хотя я не понимаю, что произошло...

За ее спиной что-то зашевелилось. Обернувшись, Аннет увидела, как внутрь корабля, перетекая через порог, вползала желтая студенистая масса. Так вот как она выглядит во взрослом состоянии, поняла Аннет. Она попятилась, но не от страха, а скорее от неожиданности. Скорость, с которой выросло существо, поразила ее воображение.

«Теперь, — вспомнила она, — плесень может оставаться такой довольно долго, пока не погибнет от холода, жары или засухи. Перед смертью она выбросит споры, и цикл повторится».

Тем временем за первой липкой особью показалась вторая, затем третья.

Изумленный Чак Риттерсдорф спросил:

— Кто же из вас лорд Раннинг Клам?

В голове Аннет снова возникли непрошеные мысли:

«По обычаю, тот из нас, кто разовьется первым, формально наследует черты родителя. Но в действительности между нами нет никакой разницы. В некотором смысле мы все лорды Раннинги Кламы, и в то же время — никто из нас. Я первый и ношу его имя, остальные вольны выбрать себе любое. Мне кажется, что эта Луна нам вполне подходит — атмосфера, влажность и гравитация кажутся мне благоприятными. Вы, господин Риттерсдорф, помогли нам расширить зону обитания. Спасибо вам. Боюсь, однако, что ваш корабль будет вскоре атакован. Скорее всего, вам следует немедленно взлететь. Именно поэтому те из нас, кто успел вовремя развиться, и проникли внутрь».

— Атакован кем? — спросил Чак Риттерсдорф, нажимая кнопку входного люка. Усевшись за пульт, он начал подготовку корабля к старту.

— Как нам удалось выяснить, — дошли до Аннет мысли трех липких особей, — здесь замешана группа местных жителей, которые называют себя манами. Очевидно, им удалось взорвать какой-то другой корабль, потому что...

— Боже, — хрипло произнес Чак Риттерсдорф, — это корабль Мэри.

— Да, — согласилась первая липкая плесень, — я отчетливо слышу, как приближающиеся к нам маны поздравляют друг друга. Они чрезвычайно удовлетворены тем, что разрушили корабль доктора Риттерсдорф. Однако тем, кто находился на корабле, удалось бежать. Они скрываются где-то поблизости, маны охотятся за ними.

— А что они думают о земных военных кораблях? — спросил Ритерсдорф.

— Маны накрыли свое поселение каким-то защитным экраном и потому в настоящий момент в безопасности. — Далее липкая плесень принялась высказывать свои собственные соображения: — Агрессивность в их характере проявляется спорадически. Но сейчас они очень горды собой и в высшей степени счастливы, наблюдая на экране, как линейные корабли с Земли беспомощно крутятся над Высотами да Винчи.

«Бедные маны, — подумала Аннет. — Радуются сиюминутным успехам, совершают кратковременные вылазки. Как будто у них есть хоть какой-то шанс...»

Однако разве она сама лучше? Она так легко примирилась с поражением....

Неудивительно, что все остальные кланы Луны признавали авторитет манов. Те хотя бы отличались бесстрашием. А не это ли качество можно назвать истинным признаком жизнеспособности, о которой она так много размышляла?

«Все остальные кланы уже давно побеждены, — поняла наконец Аннет. — Задолго до того как появился первый человек с Земли, доктор Мэри Риттерсдорф».

...Приближаясь к Гамлет-Гамлету с черепашьей скоростью, Габриэль Бэйнс заметил в ночном небе крошечное, но яркое пятно пламени выхлопа и тут же понял, что опоздал. Интуиция подсказывала ему, что Аннет находилась внутри корабля. А значит, ее уже не стало, и Бэйнс сбросил скорость. Тогда ему нечего здесь делать. Остается вернуться в Адольфвилл, чтобы разделить с товарищами эти последние трагические дни.

Когда Бэйнс, повинуясь этому намерению, стал разворачивать машину, что-то прогрохотало мимо него по направлению к Гамлет-Гамлету. Это было ползущее на гусеницах чудовище, изготовленное из закаленного металла, который умели выплавлять одни лишь маны. В подтверждение этого Бэйнс увидел красно-черное знамя — боевой символ манского клана, — которое реяло над стальным зверем в свете мощных прожекторов.

Однако против кого разворачивали маны боевые действия? Очевидно, не против Гамлет-Гамлета...

«Скорее всего они пытаются атаковать малень-

кий земной корабль. Но они опоздали, так же, как и я».

Бэйнс просигналил и, сделав круг, остановился рядом с автомобилем. На его башне открылся люк, оттуда показался незнакомый Бэйнсу человек. Ман замахал руками в знак приветствия, его лицо пылало от возбуждения.

«С каким рвением он выполняет свой долг защитника Луны, — отметил Бэйнс. — Не зря они так долго к этому готовились». Ситуацию, казавшуюся Бэйнсу безнадежной, ман оценивал по-своему. В данный момент он был рад случаю дать выход своей агрессивности, наслаждаясь смертельными военными игрищами. Впрочем, Габриэль Бэйнс не был удивлен.

— Привет! — прокричал ман из люка и широко улыбнулся.

Бэйнс бодро приветствовал его и добавил:

— Корабль-то улетел. Вашим людям не удалось уничтожить его.

— Все равно ему не уйти. — Ман оставался таким же жизнерадостным. — Смотри внимательней, приятель. Вон наша ракета. — Он ткнул пальцами вверх.

Через секунду над их головой что-то вспыхнуло, посыпались сверкающие искры, и Габриэль Бэйнс понял, что земной корабль подбит. Ман оказался точен. Впрочем, это была характерная черта их клана.

Ужаснувшись мысли о гибели Аннет Голдинг, Бэйнс прорычал: «Кровожадные идиоты!» С этими словами он резко развернул машину и, съехав с дороги, помчался прямо по полю к упавшему кораблю. Манский танк последовал за ним, наполняя ночь лязгом и скрежетом.

Автомобиль Бэйнса первым достиг цели. Бэйнс понял, что тормозное аварийное устройство сработало исправно, корабль приземлился более или менее мягко. Сейчас он лежал, зарывшись носом в почву, и слегка дымился. Это напугало Габриэля, ведь он хорошо знал, что ядерный реактор корабля может взорваться.

Выпрыгнув из машины, Бэйнс бросился к люку. Но не успел он приблизиться, как люк открылся сам — из него, пугливо озираясь, вылез землянин, за которым показалась Аннет Голдинг. Затем над люком вспенилась желтая масса. Она медленно вытекла наружу и шлепнулась на землю, на мгновение сплющившись.

— Гэйб, — затараторила Аннет. — Не дайте манам убить этого человека, он добрый. Видели бы вы, с какой нежностью он относится к липкой плесени!

Со скрежетом к кораблю подкатил танк: люк открылся и высунулся все тот же ман, на сей раз вооруженный лазерным пистолетом. Наставив его на землянина и Аннет, он торжествующе завопил:

— Все! Наконец-то мы вас достали!

— Послушайте! — крикнул Бэйнс, жестом останавливая мана. — Оставьте этих людей в покое; тем более, что женщина — из Гамлет-Гамлета, она наша.

— Наша? — эхом отозвался ман. — Если из Гамлет-Гамлета, то не наша.

— Вы что, — возмутился Бэйнс, — так увлеклись атакой на землянина, что забыли о священном братстве Семи Кланов? Опустите пистолет. — Он медленно двинулся к автомобилю, не спуская с мана глаз. Под сиденьем был спрятан его собственный пистолет. Если он незаметно достанет его, то сможет защитить Аннет.

— Я доложу о вас Говарду Строу, — пригрозил он, открывая дверцу и залезая в машину. — Я его коллега — парский депутат Высшего Совета. — Его пальцы нащупали пистолет, он выхватил его и направил на мана, одновременно снимая с предохранителя.

Щелчок, ясно прозвучавший в ночной тишине, заставил мана повернуться; теперь он целился в Габриэля Бэйнса. Ни Бэйнс, ни ман не стреляли: темнота мешала разгадать маневры противника.

Внезапно в голове Габриэля проскочила невесть откуда взявшаяся мысль: «Господин Риттерсдорф, ваша жена находится где-то поблизости. Я не слышу ее мысли, но чувствую, что она недалеко. Я бы посоветовал вам немедленно лечь на землю».

Землянин, а вместе с ним и Аннет Голдинг сразу же упали, прижавшись к земле; ман на танке вздрогнул и отвел пистолет в сторону, беспомощно вглядываясь в ночь.

В то же мгновение темноту прочертил тонкий луч лазера: сверкнув над головой землянина, он уперся в металлический корпус поврежденного корабля. Ман подпрыгнул, чуть не скатившись с танка, и инстинктивно сжал пистолет в руках, однако не выстрелил. Ни он, ни Габриэль Бэйнс не понимали, что происходит. Кто в кого стрелял?

Бэйнс крикнул Аннет:

— Быстро в машину!

Он открыл дверцу. Аннет, приподняв голову, посмотрела на него, затем обернулась к лежавшему рядом землянину. Они обменялись взглядами и, не говоря ни слова, бросились к автомобилю.

Тем временем ман открыл стрельбу, но не в землянина и Аннет, а куда-то в темноту. Затем он скрылся в танке, захлопнув крышку люка. Чудовище дернулось и со скрежетом двинулось вперед. Затем из жерла танка вырвалась ракета. Она летела параллельно поверхности поля и вдруг, совершенно неожиданно, сдетонировала.

Аннет и землянин почувствовали, как вздрогнула земля.

Бэйнс зажмурился, землянин выругался, Аннет в ужасе застонала.

— Разве можно применять подобные ракеты на таком близком расстоянии? — донесся до Бэйнса откуда-то издалека голос землянина.

«Чертовы маны!» — с яростью ругался Бэйнс, кувыркаясь вместе с машиной. Он бился о панели безопасности под крышей, на полу, у приборного щитка. Сработали все системы защиты, которыми мудрый пар был способен оснастить свой автомобиль, но даже их могло не хватить. Машина грохнулась на бок, и Габриэль Бэйнс произнес про себя, как заклинание: «Я ненавижу манов!»

Аннет Голдинг столкнулась с ним, слабо вскрикнув:«Господи!» Бэйнс схватил ее и прижал к себе. Все окна автомобиля давно выбило взрывной волной. Бэйнс ощущал запах гари — что-то тлело, возможно, даже его одежда. Внезапно множество расположенных в кабине сопел выплюнули огромное количество пены — сработала противопожарная система. Через мгновение Бэйнс уже барахтался в белом море, не в силах координировать свои движения... Он снова потерял Аннет. «Черт побери, — подумал Бэйнс. — Эти защитные устройства, что стоили мне стольких сил и де-

нег, оказались гораздо опаснее самого взрыва. Меня как будто намылили с головы до ног перед грандиозным бритьем...»

— На помощь! — слабо позвал он.

Никакого ответа.

«Взорву этот танк в чертовой матери, — яростно подумал Габриэль Бэйнс. — Маны, вот кто наши настоящие враги! Всегда знал, что они против нас!»

«Вы ошибаетесь, господин Бэйнс, — возникла в его мозгу чья-то спокойная, ясная мысль. — Солдат, который выпустил ракету из танка, не хотел причинить вам вред. Перед запуском он все тщательно рассчитал — во всяком случае он так думал. Вам не следует искать злой умысел в случайной небрежности. В данную минуту он пытается вытащить вас из горящего автомобиля, а также спасти остальных».

«Если вы способны слышать мои мысли, — с отчаянием подумал Бэйнс, — то помогите мне».

«К сожалению, не могу — я всего лишь липкая плесень, и мне ни при каких обстоятельствах нельзя приближаться к огню. Высокая температура смертельно опасна, что наглядно демонстрируют недавние события — двое моих собратьев уже погибли, пытаясь спасти вас. А я еще не окончательно созрел для того, чтобы разбрасывать споры. — Затем он задумчиво добавил: — Если бы я мог, то попытался бы спасти в первую очередь господина Риттерсдорфа — того человека, который находится рядом с вами, землянина...»

Чья-то крепкая рука схватила Габриэля Бэйнса за воротник, выволокла из машины и швырнула в сторону, подальше от огня. Маны всегда гордились своей физической силой — на этот раз она оказалась весьма кстати. Танкист снова бросился к пылающему автомобилю и таким же способом выудил из него Аннет Голдинг.

«Спасите господина Риттерсдорфа!» — донесся до Бэйнса отчаянный призыв липкой плесени.

В третий раз с присущим ему полным пренебрежением к собственной безопасности и сверхактивным темпераментом ман скрылся в пламени. Через минуту он появился, волоча за собой землянина.

— Спасибо вам, — с благодарностью отозвалась липкая плесень. — В обмен на ваш мужественный поступок я сообщу вам весьма полезную информацию: выпущенная вами ракета не задела доктора Риттерсдорф. Сейчас она вместе с симулакрумом ЦРУ, Мэйджбумом, скрывается где-то рядом в темноте, стараясь улучить момент, чтобы снова открыть стрельбу. Мне кажется, вам лучше поскорее вернуться в танк.

— Почему в меня будут стрелять? — раздраженно спросил ман.

— Ваш клан разрушил их корабль — я ощущаю ярко выраженную враждебность, которая направлена на вас. Поспешите!

Ман со всех ног бросился к танку.

Но добежать не успел — из темноты сверкнул лазерный луч, и ман упал лицом вниз.

Рядом с Бэйнсом зашевелился землянин, которого по какой-то странной случайности тоже звали Риттерсдорфом. Землянин поднялся на ноги и сказал:

— У вас был пистолет. Где он?

— Остался в машине. Наверное...

— Она охотится за вами? — спросила Аннет Голдинг.

— Она знает, зачем я прилетел, — сказал Риттерсдорф. — Я хочу убить ее. — Он казался совершенно спокойным. — На рассвете один из нас будет мертв. Она или я. — Было ясно, что он давно и твердо это решил.

В небе раздался рев и засиял ракетный выхлоп. Габриэль Бэйнс понял, что неподалеку приземлился какой-то новый корабль,и в нем проснулась надежда. «Может быть, теперь мы сумеем спастись от этой сумасшедшей докторши. Даже если это земной корабль. Совершенно ясно, что доктор Риттерсдорф действует без каких-либо официальных санкций, руководствуясь только своими импульсами».

Яркая вспышка озарила небо, и ночь сразу сделалась белой: каждый предмет, вплоть до маленького камушка, приобрел резко очерченные контуры, отбрасывая черную тень. Стало видно все: поврежденный корабль, танк погибшего мана, распростертого на земле солдата и пылающий автомобиль Бэйнса. А справа, за деревьями, — две человеческие фигуры. Да, это была Мэри Риттерсдорф со своим странным спутником, о котором сообщила липкая плесень. Теперь Бэйнс увидел и саму плесень — она нашла убежище за разбитым кораблем. В ярком пламени ракетного выхлопа пейзаж походил на преисподнюю. Бэйнс едва сдержал вопль ужаса.

— Военный корабль с Земли? — пробормотала Аннет Голдинг.

— Нет, — отозвался Риттерсдорф. — Видите на нем эмблему в виде кролика?

— Кролик! — Глаза Аннет расширились. — Разумная кроличья раса? Такое бывает?

— Вряд ли. Это не кто иной, как Банни Хентмэн, — зазвучали в голове Габриэля Бэйнса мысли липкой плесени. — Он ищет вас, господин Риттерсдорф. Хентмэн покинул Брэйх-сити вскоре после вашего старта с Земли. — Затем плесень пояснила: — Естественно, все это я выяснил только что из мыслей господина Хентмэна. Знать об этом раньше я не мог, так как еще недавно пребывал в стадии споры.

«Ничего не понимаю, — думал Габриэль Бэйнс. — Кто такой, черт возьми, Банни Хентмэн? Кроличий бог?* И зачем он ищет Риттерсдорфа?» Да кто такой этот Риттерсдорф, кем он приходится доктору Мэри Риттерсдорф. Мужем? Братом? Все перемешалось в голове Бэйнса: ему захотелось очутиться в Адольфвилле, за мощными укреплениями, которые создал его клан на случай вот таких переделок.

«Мы обречены, — решил Бэйнс. — Все объединились против нас: маны, докторша, корабль с кроличьим божком на борту, военные с Земли... Нет, надеяться не на что». Волна отчаяния захлестнула Бэйнса, к горлу подступил комок.

Нагнувшись к Аннет Голдинг, которая все еще пыталась стряхнуть с себя пену, он произнес:

— Прощайте.

Аннет посмотрела на него большими темными глазами и спросила:

— Куда вы, Гэйб?

— Какое это, к дьяволу, имеет значение?

«Здесь, у горящего автомобиля, — думал он, — мы как на ладони, и нет никакой надежды. Того и

* *«Банни» — лапушка, кролик (англ.)*

гляди, докторша опять начнет стрелять, ведь она уже убила манского солдата».

Бэйнс тяжело поднялся на ноги и отряхнулся, как мокрый пес.

— Я ухожу, — сообщил он Аннет, и ему сразу стало жалко ее. На мгновение ему показалось, что даже собственная смерть не так уж волнует его — лишь бы она...

— Мне бы очень хотелось что-то сделать для вас, — участливо сказал Бэйнс. — Но эта женщина безумна и непредсказуема. — Нагнувшись, он поцеловал девушку в щеку и снова почувствовал химический вкус пены, затем подтянул набрякшие от воды брюки и заковылял прочь, подальше от освещенного места.

Он брел медленно, полузакрыв глаза, и напряженно ждал раскаленного прикосновения лазерного луча. «Почему она не стреляет?» Выстрел был неизбежен, как рок: он страстно желал, чтобы это случилось поскорее.

Кто-то преградил ему путь. Он открыл глаза и увидел три фигуры, показавшиеся знакомыми. Перед ним стояли Сара Апостлс, Омар Даймонд и Игнатий Ледебур — трое провидцев, или, как подумал Бэйнс, трое самых больших пройдох на Луне. Какого черта им здесь нужно? Телепортировались? Вид святой троицы не вызвал у Бэйнса ничего, кроме раздражения, — только их здесь не хватало!

— Зло борется со злом, — изрек Ледебур. — Но, несмотря ни на что, мы выстоим. Верь нам, Габриэль. Скоро твоя душа будет пребывать в покое и безопасности. — Он протянул Бэйнсу руку. На его лице играла благостная улыбка.

— Со мной все нормально, — сказал Бэйнс. — Помогите лучше Аннет. — Он вдруг понял, что тяжкая парская ноша, которая постоянно давила на него, — забота о собственной безопасности — куда-то улетучилась. Впервые в жизни он по-настоящему беспокоился за кого-то другого.

— Ее тоже спасут, — уверила Сара Апостлс, — те же силы.

В небе продолжал реветь и изрыгать пламя большой космической корабль с эмблемой кролика — он медленно опускался.

Глава XII

Залегший за кустами рядом с Мэри молодой сотрудник ЦРУ Даниэль Мэйджбум сказал:

— Вы слышали, что сообщила липкая плесень? На корабле находится Банни Хентмэн, телекомик, которого наши люди уже дважды пытались арестовать. — Дэн возбужденно начал ощупывать воротник комбинезона в поисках микрофона мини-передатчика, с помощью которого он поддерживал связь с ближайшим военным кораблем.

— Я слышала, что плесень, кроме того, назвала вас не человеком, а симулакрумом, — заметила Мэри.

— Человеком, хреновеком, — в сердцах рявкнул Мэйджбум. — Какая разница? — Нащупав микрофон, он стал передавать сообщение, не смущаясь ее присутствием: — Банни Хентмэн наконец-то обнаружен!

«Хорош источник информации, — подумала Мэри, — нашептывания ганимедской слизи».

Доверчивость Центрального Разведывательного Управления поражала ее. Однако Хентмэн, скорее всего, действительно находился на корабле — Мэри заметила знакомого миллионам телезрителей кролика.

Ей вспомнился безобразный случай в нью-йоркской конторе Хентмэна, куда она пришла в поисках работы для Чака. Она никогда не забудет, как комик напрямую, цинично предложил ей лечь с ним в постель...

«Секретный протокол — кажется, так он это называл... Подлец!» — с отвращением вспомнила она, наблюдая за посадкой шарообразного, похожего на футбольный мяч, космического корабля.

— Я получил приказ, — внезапно заявил Мэйджбум, — подойти к кораблю и арестовать Хентмэна. — Мэри изумилась и не успела произнести и слова, как молодой агент вскочил на ноги и спортивной трусцой засеменил к приземляющемуся звездолету.

«Стоит ли мне отпускать его? — спрашивала она себя. — А почему бы и нет в конце концов?» Мэри опустила лазерный пистолет. Она ничего не имела против Мэйджбума, будь он человеком или симулакрумом. Его деятельность казалась ей такой же бессмысленной и бесполезной, как и занятия других сотрудников ЦРУ, включая бывшего мужа.

«Чак».

Внимание Мэри снова переключилось на некогда близкого ей человека, который скрывался где-то рядом.

«Долгий же путь ты проделал, дорогой муженек, чтобы отомстить мне, — невесело ухмыльнулась Мэри. — Хватит ли у тебя силенок? Ты, как я вижу, уже нашел себе новую партнершу — что ж, поздравляю! Мне страшно интересно, как ты будешь наслаждаться любовью с полиморфной шизофреничкой».

Она прицелилась и нажала на спуск.

Яркая вспышка на мгновение ослепила ее, затем стало совсем темно. Она не вполне понимала, что произошло. Почему исчезло сияние в небе? Мэри не сразу сообразила, что корабль приземлялся с заглушенными двигателями, и отнюдь не в интересах Хентмэна было выдавать место посадки сиянием прожекторов.

У Мэри не было уверенности в том, что ей удалось попасть в Чака.

Постепенно неуверенность уступила место страху: «А если он убьет меня? Он же прилетел именно за этим! — То, что до сего момента подсказывало ей профессиональное чутье, теперь обретало черты кошмарной реальности. — Его присутствие здесь, на Альфа III М2, ничего другого не может означать... Теперь мне понятно, почему этот симулакрум, Дэн Мэйджбум, так странно вел себя во время полета и в первые дни после прибытия. Им управлял Чак! Но почему он не убил меня раньше? Чего ждал? Сейчас ясно по крайней мере одно: Мэйджбума можно уже не опасаться — он явно переключился на команды Центрального Разведывательного Управления».

«Надо бежать отсюда, — решила наконец Мэри. — Но куда? Линейные корабли не могут сесть, их экранировали эти маньяки... Мэйджбум ушел, и у меня теперь даже нет связи...»

Ей вдруг очень захотелось очутиться на Земле, у себя дома в Марин Каунти.

«Каким кошмаром обернулся «благородный» проект ТЕРПЛАНа! Да ведь мы все обезумели... Откуда этот кошмар? Почему мы с Чаком охо-

тимся друг за другом, словно смертельные враги? Мне казалось, что мы расстались без ссор и выяснения отношений... И потом, разве суд не поставил на этом точку?»

Мэри задумалась.

«Зря я все-таки попросила моего адвоката Боба Адольфсона заснять Чака с той девицей, Джоанн Триест. Поэтому он и решил убить меня... Но снимки уже существуют. Более того, я предъявляла их в суде как вещественное доказательство.

Теперь они в архиве, и любой желающий может удовлетворить свое нездоровое любопытство — поднять дело и насладиться постельными сценами... Ладно, что сделано, то сделано — слишком поздно, мой дорогой...»

Ощущение безысходности вновь охватило ее.

«Чак, я не могу так больше. Я хочу выбраться отсюда! Не лучше ли нам попытаться снова стать... друзьями?»

Она знала, что надеяться не на что.

Тем временем на горизонте появилось какое-то странное свечение. Пораженная, Мэри не могла отвести от него взгляд. Это не были сполохи лазерной битвы. Мэри казалось, что перед ней живая, светящаяся картина. Свет становился все ярче — звезды в той части неба потускнели и слились с небосводом. Когда, наконец, свечение приняло форму гигантской огненной ящерицы, Мэри стала понятна его природа.

«Боже, это ведь как шизофреническая проекция так называемых «видений первобытного мира», продукция архаического сознания душевнобольных. Но неужели за годы изоляции здесь, на Альфа III М2, этим людям удалось зайти столь далеко и сделать свои видения реальными для других?» — удивилась она.

Невольно ей на ум пришел Игнатий Ледебур — гебефреник, которого она встретила в Гандитауне. Возможно, его не зря называют Святым... Отвращение, которое она испытывала к нему прежде, уступило место чуть ли не восхищению — его способности были поразительны. Но как это происходит? Мэри была не в состоянии ответить на этот вопрос, и оттого к ее чувствам к гебскому Святому примешивался почти мистический страх.

Огненная ящерица тем временем увеличилась в размерах, вытянула шею и раскрыла пасть, изрыгнув напоминающий комету огненный шар. Освещая небо, шар, словно влекомый восходящими потоками воздуха, стал медленно подниматься вверх. Зрелище захватило Мэри, заставив отвлечься от тяжелых раздумий: картина чем-то напоминала ее собственные сны. Днем Мэри старалась не вспоминать об этих снах, не говоря уже о том, чтобы обсуждать их с кем-либо. В особенности — с коллегами- психиатрами.

Огненный шар замер в вышине, замерцал, по нему закружились сверкающие полосы. Внезапно огненная сфера распалась, и полосы свились в гигантские буквы, будто выведенные в небе чьей-то искусной рукой. Буквы составили слова — и, осознав их смысл, Мэри ужаснулась. Слова обращались непосредственно к ней. Огненные письмена гласили:

ДОКТОР РИТТЕРСДОРФ,
ПРЕКРАТИТЕ КРОВОПРОЛИТИЕ,
И МЫ ПОЗВОЛИМ ВАМ
ПОКИНУТЬ НАС

Ниже помещалась подпись из букв чуть поменьше:

СВЯТОЙ ТРИУМВИРАТ

«Да они все с ума посходили! — подумала Мэри Риттерсдорф, с трудом сдерживая злобный истерический смех. — Я не хочу никакого кровопролития, это Чак вознамерился убить меня. Зачем они обращаются ко мне? При чем здесь я? Если уж они такие провидцы, то почему не могут понять столь очевидных вещей? Но... я же стреляла в Чака... И я убила манского солдата...»

В небе засияли новые слова:

ПРОСИМ ВАС ОТВЕТИТЬ

«Боже! — Мэри была в отчаянии. — Каким же образом? Я еще не настолько сошла с ума, чтобы писать на небесах огненные буквы! Да и ответить — значит признать свою вину. Во всем виноват этот сумасшедший, мой бывший муж, а не я!»

Неподалеку замелькали сполохи лазерной перестрелки — очевидно, симулакрум Дэн Мэйджбум пошел в атаку на корабль Банни Хентмэна. «Сможет ли он чего-нибудь добиться? — отстраненно подумала Мэри. — Навряд ли». Все же она мысленно пожелала Дэну удачи.

Некоторое время Мэри тупо соображала: способен ли Святой Триумвират повлиять также и на Дэна Мэйджбума? Дэн явно может пригодиться в дальнейшем, ведь он в одиночку борется с целым кораблем. Какая нечеловеческая настойчивость! Он, вероятно, и в самом деле симулакрум, но, во всяком случае, никто не может обвинить его в трусости.

«А все остальные? — перебирала она. — Куда мы годимся? Чак, эта его подруга-шизофреничка, липкая плесень, я сама и даже манский солдат, который бросился искать спасения за броней танка — все мы боимся, дрожим за свою шкуру. Нами руководит простой животный инстинкт самосохранения и ничего более. Один только Дэн, пусть даже и симулакрум, способен, не задумываясь, пойти на смерть».

В небе вновь засияли гигантские буквы. К счастью, они не обращались лично к ней:

ВОЗЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА!

«Хорошо, — подумала Мэри Риттерсдорф, — я начну первая: итак, я люблю своего бывшего мужа Чака, который прилетел сюда, чтобы убить меня. Но что это даст?»

Сверкание лазерных лучей около корабля Хентмэна усилилось настолько, что у Мэри зарябило в глазах. Очевидно, робот не последовал мудрому совету, начертанному на небе, и продолжал сражаться.

Первый раз в жизни Мэри искренне восхищалась кем-то.

Откуда-то из темноты донеслись мысли липкой плесени:

— Я только что услышал в корне неверную трактовку недавних событий, господин Риттерсдорф. Хентмэн и несколько альфанцев, сопровождающих его, уверены, что вы находитесь в центре заговора, направленного против них. — Плесень затихла на минуту, затем добавила: — Они спускают челнок.

— Но почему? — спросил Чак, ощутив гулкие удары собственного сердца.

— При свете ракетного выхлопа в момент посадки они сделали несколько снимков, которые за-

фиксировали ваше присутствие. Челнок скоро появится, и вас захватят. Это неизбежно.

Поднявшись на ноги, Чак сказал Аннет Голдинг:

— Попытаюсь уйти. А вы оставайтесь, вас они не тронут.

Он побежал прочь, не выбирая направления, — в темноту, подальше от освещенного места. Ноги вязли в мягкой пашне, дыхание прерывалось. Внезапно за его спиной что-то сверкнуло. Обернувшись, Чак по красноватым вспышкам лазерных лучей понял, что какой-то человек — или группа людей — пошел в решительную атаку на звездолет, как только у того открылся люк.

«Кто же это? — удивился Чак. — Мэри? Не похоже. Маны? Не слишком ли много они на себя берут? Экранировали большие военные корабли, а теперь охотятся за остальными? Но почему с помощью ручного оружия? Ракеты кончились? Это больше напоминает манеру ЦРУ...»

«Мэйджбум, — догадался он. — Сим получил приказ арестовать Хентмэна. И с решительностью машины взялся за дело».

Внезапно странные мысли пришли ему в голову, и Чак невольно замедлил бег.

«Что же получается? — задумался он. — Маны воюют против землян; Мэйджбум, представитель ЦРУ, атакует корабль Хентмэна, а моя бывшая супруга пытается убить меня. Этот сложный расклад явно нуждается в упрощении... Итак, если маны воюют с землянами и Хентмэн делает то же самое, значит, они союзники. Ладно. Но Хентмэн мой враг, выходит, я... противник землян и в то же время их союзник?

Мэри воюет со мной, а я воюю с Хентмэном, поэтому получается, что Мэри союзник Хентмэна и враг землян. Но ведь она возглавляет операцию по наведению порядка на Луне — следовательно, она представитель Земли. Выходит, Мэри одновременно и враг, и союзник землян... Бред какой-то... В этой борьбе слишком много участников, которые преследуют свои узкие цели».

Чак споткнулся и чуть не свалился в грязь, после чего его мысли пришли в относительный порядок — во всяком случае, он сосредоточился на собственной ситуации. Итак, если он спасается от Хентмэна, союзника альфанцев и противника землян, значит, как ни крути, он все-таки союзник землян, даже если и не вполне осознает это. Теперь, если не принимать во внимание действия Мэри — которые, вне всякого сомнения, не санкционированы Землей, — ситуация несколько проясняется. Да, именно так. Нужно искать убежища на земном военном корабле.

«Однако кланы сейчас как раз воюют против земных кораблей, — вдруг вспомнил он. — И если я союзник землян, значит, я против кланов, против Аннет Голдинг?»

В этот момент Чак заметил под ногами собственную тень. В небе что-то светилось.

Еще один корабль?

Он обернулся и увидел гигантские огненные буквы — обращенные к доктору Мэри Риттерсдорф.

ПРЕКРАТИТЕ КРОВОПРОЛИТИЕ, И МЫ ПОЗВОЛИМ ВАМ ПОКИНУТЬ НАС.

«Сочинить такое могли только психи! Скорее всего из Гандитауна. Мэри, естественно, пошлет их подальше... Итак, кланы считают ее своим главным врагом. А я, значит, тоже враг кланов. За кого же я?»

Древний лозунг: «Враг моего врага — мой друг» — здесь ни к черту не годился.

Над его головой что-то зажужжало, и раздался усиленный динамиком голос:

— Риттерсдорф, остановись! Иначе умрешь.

Над полем висел ракетный челнок. Липкая плесень оказалась права — они настигли его.

Чак остановился, тяжело дыша. Челнок снизился до высоты трех метров, из него со стуком спустилась складная лестница, и тот же голос скомандовал:

— Поднимайся. Не вздумай валять дурака. Быстрее!

В темноте, озаряемой только горящими буквами, металлическая лестница блестела, словно путь в рай.

Чак ухватился за нее, и с тяжелым сердцем, приготовившись к самому худшему, стал подниматься. Через минуту он вступил в тесную рубку челнока, где его встретили двое возбужденных землян с лазерными пистолетами в руках. «Вот они, платные друзья Банни», — подумал Чак. Одним из «друзей» был не кто иной, как Джерри Фелд.

Челнок на полной скорости помчался обратно к кораблю.

— Мы спасли вас от смерти, Риттерсдорф, — заметил Фелд. — Ваша бывшая жена наверняка продырявила бы вас. Мы видели, как она стреляла в вашу сторону.

— Ну и?.. — резко спросил Чак.

— Все к лучшему, мой дорогой. Не дурите — Бан хочет поговорить с вами. Не раздражайте его понапрасну, ему и так досталось.

Челнок достиг корабля. Шарообразная поверхность разверзлась, пропуская транспорт в свое чрево.

Первое, что увидел Чак, выбравшись из тесной кабины, было красное, взволнованное, полное лицо Хентмэна.

— Какой-то лунатик атакует нас, — озабоченно произнес комик. Корабль заметно вибрировало. — Чувствуете? Судя по тому, что он пользуется только ручным оружием, у него явно не все дома. — Хентмэн взял Чака под руку. — Пойдемте со мной, Риттерсдорф. Мне нужно серьезно поговорить с вами. В последнее время мы несколько перестали понимать друг друга, верно?

Комик направился по узкому коридору, Чак молча последовал за ним. Никто не подталкивал его в спину пистолетом, но Чак все равно чувствовал себя пленником.

Впереди замаячила обнаженная по пояс девушка, на ней были только шорты. Ее облик показался Чаку знакомым. Конечно, Патриция Вивер! Хентмэн успел-таки прихватить с Земли одну из своих пассий.

— Сюда! — показал комик, открыв дверь и пропуская Чака в небольшую необставленную каюту. Заперев дверь изнутри, Хентмэн принялся сновать взад- вперед. Погруженный в собственные мысли, он явно забыл о Чаке. Прошла минута, другая. Корабль продолжал содрогаться. Свет в каюте потускнел, затем снова набрал силу. Комик взглянул на потолок, постоял с минуту, потом возобновил

свою безмолвную прогулку.

— Риттерсдорф, — наконец произнес он. — У меня нет выбора, я вынужден... Короче, мне придется эмигрировать в Альфанскую империю. — На лбу комика выступили капли пота. — Что вы на это скажете, Риттерсдорф? Считаете, что я совершаю предательство? Но моя блестящая телевизионная карьера похоронена этим чертовым ЦРУ... На Земле мне делать больше нечего. Если бы я смог...

— Грудь у нее — что надо, — заметил Чак.

— У кого? У Патти? Да, конечно. — Хентмэн кивнул. — Силиконовые вставки — повальное увлечение молодых девиц, особенно в Голливуде. Жаль, что мне не удалось использовать ее грудь в новом сериале, — он пошел прахом, как и все остальное... Еле ноги унес из Брэйх-сити.

И, сменив тему, продолжил:

— Альфанцы примут меня к себе только в том случае, если я помогу им вернуть Альфа III М2. — Хентмэн вопросительно посмотрел на Чака. Теперь он выглядел подавленным и усталым. — Что вы скажете по этому поводу? А, Риттерсдорф?

Чак молчал.

— Это весь ваш комментарий?

— Если вы думаете, что я все еще могу как-то повлиять на Мэри и заставить ее сообщить на Землю...

— Нет, — сказал Хентмэн. — Исключено. Мы видели, как вы охотились друг за другом, словно настоящие обитатели этой Луны. — Он немного оживился. — Вы убили моего шурина Шеригана, теперь горите желанием прикончить свою жену... Что за жизнь вы ведете, скажите на милость? Никогда не видел ничего подобного. И, в довершение всего, вы раскрыли мое местонахождение ЦРУ... Не ожидал от вас такого, мой дорогой.

— Здесь идет война. Это многое объясняет. — Чак вздохнул. Ему трудно найти общий язык даже с самим собой...

— Слушайте, а что это за пышнотелая девица лежала рядом с вами? — Комик вернулся к излюбленной теме. — В тот момент, когда ваша бывшая половина палила по вам? Она ведь из здешних, не так ли? — Хентмэн бросил на Чака проницательный взгляд.

— Да. — Чаку стала надоедать игривая манера Хентмэна.

— А через нее нельзя связаться с местной властью? С Верховным Советом, или как там его?

— Можно.

— Вот именно это мы и должны сделать, — заявил комик. — Совет должен собраться и выслушать ваше предложение. — Хентмэн стал очень серьезным. — Скажите, чтобы они попросили у альфанцев защиты от землян. На этом основании альфанцы высадятся на Луне, и Альфа III М2 станет их территорией. Все законно, согласно этому чертовому протоколу. А взамен... — Немигающие глаза комика с вызовом смотрели на Чака. — А взамен альфанцы гарантируют кланам соблюдение всех гражданских прав. Никакой госпитализации. Никакого принудительного лечения. Вы не будете считаться недоумками, вы станете полноправными поселенцами Луны: сможете владеть землей, производить товары, заниматься коммерцией — чем угодно.

— Не надо говорить «вы», — возразил Чак. — Я не член ни одного местного клана.

— Судя по тому, как представляла вас ваша бывшая жена, вы к этому близки... Как вы считаете, Риттерсдорф, они согласятся?

— Я не берусь судить за них.

— Но вы должны разбираться в ситуации. Вы же были здесь раньше в образе симулакрума — наш человек из ЦРУ подробно докладывал о каждом вашем шаге.

Итак, Чак оказался прав: в ЦРУ действительно работает человек Хентмэна. Удивляться, однако, было особенно нечему: даже с точки зрения симметрии, у осведомителя в команде Хентмэна должен существовать «коллега» в ЦРУ.

— Не смотрите на меня так, Риттерсдорф. В моем штабе кто-то тоже работает на ЦРУ, не забывайте об этом. Но я, черт возьми, никак не могу выяснить, кто именно. Иногда мне кажется, что это Джерри Фелд, иногда — Дак. Ладно. Во всяком случае когда наш человек в ЦРУ сообщил, что вас отстранили от работы, мы потеряли к вам интерес.

— А ЦРУ через своего агента в вашей организации...

— Да, в ЦРУ пронюхали, что я вас выгнал, и сразу же пришли за мной. Но я к тому времени уже понял, что мышеловка скоро захлопнется — и улизнул. Осведомитель из моего штаба, естественно, был в курсе того, что я покинул Землю, но не мог догадаться, где именно я скрывался. Об этом были осведомлены только Шериган и Фелд... Скорее всего, я так никогда и не узнаю, кто из моих работает на ЦРУ, — философски добавил Хентмэн. — Хотя теперь это не имеет значения. Я хранил в тайне свои дела с альфанцами, потому что с самого начала опасался стукача. — Он покачал головой. — Не жизнь, а сплошной бедлам!

— Так кто же в ЦРУ работает на вас? — спросил Чак.

— Джек Элвуд. — Хентмэн широко улыбнулся, заметив реакцию Чака. — А как вы думаете, мой дорогой, почему Элвуд вот так, запросто, предоставил вам новенький перехватчик? Я *велел* ему сделать это. Вы были нужны мне здесь, Риттерсдорф. Вспомните, как Элвуд уговаривал вас заняться управлением Мэйджбума? Это была моя стратегия. С самого начала, мой любезный. Ну ладно, расскажите мне, что вам известно об этих кланах и чего они вообще хотят?

Чак задумчиво посмотрел на комика.

«Теперь мне ясно, откуда Хентмэн и его авторы взяли свой «телесценарий». Они ведь все прекрасно знали. А Элвуд был козырной картой в их колоде... Однако здесь есть одна странность. Да, Элвуд сообщил Хентмэну о существовании Мэйджбума, о том, кто им будет управлять и чем будет заниматься симулакрум. Но это далеко не все. Элвуд не мог знать остального».

— Да, получается, что я вроде как был здесь раньше, — сказал Чак. — Но я видел только поселение гебов, по которому нельзя судить об остальных. Мне не приходилось общаться ни с парами, ни с манами, которые здесь всем заправляют.

— Ну так что, поможете мне? — спросил Хентмэн, пристально глядя в глаза Чаку. — Они должны принять столь выгодное предложение — я уверен. Будь я на их месте, я бы не стал раздумывать. Иначе всех ждет принудительная госпитализация. Они должны это четко уяснить. Кстати, тут прямая выгода лично для вас.

— Весьма интересно, — сказал Чак. — Давайте-ка

поподробнее.

— Элвуд может сделать так, что вас возьмут обратно в ЦРУ.

Чак молчал.

— Боже, — засуетился комик. — Даже не затрудняет себя ответом. Хорошо. Вы видели Патти? Вам нравится ее грудь? Мы попросим ее быть с вами поласковей. О'кей? — Глаз комика нервно дернулся.

— Не стоит ее беспокоить, — холодно проговорил Чак. Дело принимало неприятный оборот.

— Так, — Хентмэн вздохнул. — Послушайте, Риттерсдорф, если мы договоримся, я смогу предложить вам кое-что посерьезнее. — Он помедлил. — Например, взять на себя ваши заботы по убийству Мэри Риттерсдорф. Мы сделаем это быстро и без шума. Вы ведь давно мечтаете расправиться с ней, не так ли?

Чак долго не отвечал, а затем, глядя на комика в упор, произнес:

— А с чего вы взяли, что я желаю ее смерти?

— Мы видели, — сказал Хентмэн, — с какой яростью вы стреляли друг в друга.

— Я только защищался.

— Да-да, конечно, — с деланной серьезностью закивал комик.

— Не утруждайте себя дальнейшим фантазированием. Мне известно, что Элвуд не мог предоставить вам эту информацию, — у него ее просто не было.

— Хорошо, — Хентмэн отбросил дурацкий тон. — Элвуд рассказал нам только о симулакруме, лишь о вас и Мэйджбуме. Это попало в сценарий. Но давайте не будем уточнять, откуда я взял остальное.

— Тогда я не буду выступать в Совете, — отрезал Чак.

Хентмэн нахмурился.

— Какое это имеет значение? Я знаю, вот и все. Мы просто сочинили такой сценарий, кое-что усилив для выразительности, особенно после того, как она сказала... — Хентмэн осекся.

— Джоанн Триест, — догадался Чак.

«Правда, сейчас это уже не столь важно».

— Давайте не будем уходить в сторону, — оборвал его размышления Хентмэн. — Вы хотите, чтобы мы убили вашу бывшую жену или нет? Решайте.

— Нет, — Чак отрицательно покачал головой. Он был уверен, что уже не желает смерти Мэри. Хотя стоило ему только пошевелить пальцем...

У Хентмэна снова непроизвольно дернулся правый глаз.

— Вы хотите сделать это сами?

— Нет, — повторил Чак. Потом добавил: — Я помню, как Шериган на моих глазах убил ганимедианина. И не хочу, чтобы теперь на месте лорда Раннинга Клама оказалась Мэри.

Почему он пожалел ее? Ему было трудно разобраться в собственных чувствах, однако воспоминание об убийстве лорда Раннинга Клама и на самом деле подействовало на него удручающе. Нет, Мэри не заслужила подобной участи.

Хентмэн достал носовой платок и стал нервно вытирать пот со лба.

— Ужас, что творится! Риттерсдорф, не кажется ли вам, что вы со своими семейными проблемами расстраиваете планы двух космических империй — земной и альфанской? Нет? Тогда я «пас». Вообще-то, я рад, что не нужно убивать госпожу Риттерсдорф, но, с другой стороны, я просто не в состоянии заинтересовать вас чем-нибудь столь же существенным, поймите.

«Должно быть, я все еще люблю ее, — подумал Чак. — Женщину, которая может вот так, запросто, застрелить солдата».

Раздался стук в дверь.

— Господин Хентмэн!

Банни Хентмэн отпер дверь, и в каюту быстро проскользнул Джерри Фелд.

— Господин Хентмэн, до нас дошли телепатические излучения мыслей ганимедской липкой плесени. Она находится вблизи корабля и добивается, чтобы ее впустили... — Фелд взглянул на Чака. — Она хочет быть вместе с Риттерсдорфом, чтобы, как она выразилась, «разделить его участь». — Фелд улыбнулся. — Плесень очень тревожится за вас, Риттерсдорф.

— Впустите эту чертову слизь, — приказал Хентмэн.

Когда Фелд ушел, комик произнес задумчиво:

— Скажу честно, мой дорогой, я бы не поручился за ваше дальнейшее благополучие. Вы умудрились так запутать свою жизнь, что сам черт не разберет. Развелись, потом потеряли работу, примчались сюда с определенной целью, потом отказались от нее... Что вы за человек, скажите на милость?

— Мне кажется, что Спиритус Сантус возвращается к нам, — сказал в пространство Чак.

— О чем это вы?

— О Святом Духе. Он есть в каждом человеке, но его не всегда легко распознать.

«Неспроста же я пожалел Мэри. А ведь стоило сказать лишь слово...»

— А почему бы вам не заполнить душевный вакуум чем-нибудь более благородным, — предложил Хентмэн, — например, спасением больных обитателей Альфа III М2 от ужасов принудительной госпитализации? Потом вы сможете по крайней мере вернуться в ЦРУ. Понимаете, у меня на борту находятся два высших альфанских военных чина. Они готовы в считанные часы вызвать сюда свои войска и добиться законной передачи Луны под альфанскую юрисдикцию. Конечно, поблизости много земных военных кораблей, но это еще раз говорит о том, с какой тщательностью необходимо действовать. От вас требуется только одно: получить согласие Высшего Совета Луны призвать альфанцев. Вы, как бывший сотрудник секретной службы, можете провести операцию с блеском.

— У меня возникает странное чувство, — сказал Чак, — когда я воображаю перспективу провести остаток жизни на Луне, населенной одними психами...

— А как, скажите на милость, вы жили раньше? Ваши отношения с женой, кроме как патологическими, не назовешь. Все образуется, не переживайте: найдете себе подружку здесь. Мы прекрасно разглядели, когда приземлялись, с кем вы там прятались. Ничего девочка, а?

— Аннет Голдинг, — сказал Чак, — полиморфный психопат.

— Даже если и так, разве она не сгодится?

Чак ответил не сразу.

— Возможно. — Он не был психиатром, но Аннет не казалась ему больной. По крайней мере она выглядела гораздо более здоровой, чем Мэри.

Снова раздался стук в дверь, и на пороге появился Джерри Фелд.

— Господин Хентмэн, нам удалось установить, кто нас атакует. Это симулакрум, принадлежащий ЦРУ, по имени Даниэль Мэйджбум. Нам рассказала об этом ганимедианская плесень в знак благодарности за то, что мы впустили ее. Бан, у меня есть одна идея.

— У меня, — сказал Хентмэн, — есть точно такая же идея. Впрочем, если у тебя другая идея, то я заранее с ней не согласен. — Он повернулся к Чаку. — Мы свяжемся с Элвудом, который сейчас в здании ЦРУ в Сан-Франциско, и прикажем ему немедленно снять оператора, который управляет Мэйджбумом. Кто бы там ни сидел за пультом, пусть даже Петри. — Комик, очевидно, был хорошо осведомлен о деятельности и составе персонала санфранцисского отделения ЦРУ. — Затем, Риттерсдорф, вы возьмете управление на себя. Отсюда, с нашего пульта. И сделаете так, чтобы он прекратил огонь. На это вы способны?

— Почему я? — спросил Чак.

Лицо комика непроизвольно дернулось.

— Потому что он скоро своим чертовым лучом доберется до реактора, и мы взлетим на воздух.

— Вы тоже погибнете. — Фелд указал на Чака пальцем. — Вы и ваш заплесневевший друг.

— Но если я выступлю в Совете, — торговался Чак, — и уговорю их воспользоваться альфанской защитой, это может привести к новой большой войне между Землей и Альфой.

— Да нет же, черт возьми! — рявкнул Хентмэн. — Земле наплевать на эту идиотскую Луну: операция «Пятьдесят минут» была организована в чисто исследовательских, медицинских целях. В ней нет никаких далеко идущих скрытых намерений. Уж поверьте мне на слово, дорогой мой, — у меня есть кое-какие связи в правительстве. Если бы Земля по-настоящему претендовала на Луну, сюда бы давным-давно прислали группу захвата, а не кучку кораблей для демонстрации силы.

— Это правда, — подтвердил Фелд. — Наш человек из ТЕРПЛАНа недавно сообщил то же самое.

— Да, пожалуй, вы правы, — наконец согласился Чак.

Вздох облегчения у Хентмэна и Фелда вырвался почти одновременно.

— Ладно, я соберу делегатов в Адольфвилле, — пообещал Чак, — и выскажу им ваше предложение. Но сделаю это по-своему.

— Что это означает? — Хентмэн снова насторожился.

— Не умею произносить речи — я не политик, — Чак выдержал паузу. — Зато я знаю, как заставить симулакрума выступить лучше любого сенатора. Это моя работа. Поэтому я пошлю в Адольфвилл Мэйджбума, а сам буду управлять им отсюда, с пульта.

«Что-то не хочется самому туда соваться, — подумал Чак. — Линейные корабли в любой момент вскроют манский экран, словно консервную банку. И первым же ударом накроют зал заседаний Высшего Совета. Да и поверит ли Совет землянину, выступающему от лица альфанского правительства? В какую двусмысленную игру я ввязался!.. — с ужасом понял он. — Однако Хентмэн прав в одном: нельзя допустить, чтобы этих людей лечили насильно».

«Вы приняли мудрое решение, господин Риттерсдорф, — зазвучали мысли липкой плесени. — Сначала позволили оставить в живых вашу жену, теперь снова поступаете столь же гуманно. Даже если случится непоправимое, альфанцы придут нам на помощь».

Услышав это, Хентмэн улыбнулся и протянул Чаку ладонь:

— Ну что, Риттерсдорф, по рукам?

Рукопожатие скрепило акт предательства интересов родной планеты.

Глава XIII

Огромный манский танк, скрежещущий гусеницами и сверкающий прожекторами, приблизившись к Габриэлю Бэйнсу и Аннет Голдинг, сбросил скорость и, выпустив клуб черного дыма, остановился. Люк на башне открылся, и показалась голова в шлеме.

Сполохи лазерных лучей больше не прорезали темноту. «Возможно, — с надеждой подумал Бэйнс, — доктор Риттерсдорф вняла страстному призыву Святого Триумвирата, начертанному на небе огненными буквами. Похоже, покой воцаряется, как и обещал Игнатий Ледебур».

Резко поднявшись на ноги, Бэйнс потянул Аннет к танку. Манский танкист помог им забраться и задраил люк.

«Наконец-то мы в безопасности», — вздохнул Габриэль и обнял Аннет за плечи.

Ман спросил:

— Вы Голдинг и Бэйнс? Члены Высшего Совета?

— Да, — кивнула Аннет.

— Говард Строу приказал мне разыскать вас, — объяснил ман, манипулируя рычагами управления и приводя машину в движение. — Мне поручено доставить вас в Адольфвилл; Совет собирается на новое заседание, и Говард Строу настаивает на вашем присутствии.

«Итак, нам удалось спастись только потому, — заключил Бэйнс, — что мы понадобились Говарду Строу для кворума. Какая ирония! Однако благодаря ей стала очевидна связь между кланами. Эти связи в буквальном смысле спасают от смерти. Всех, даже гебов».

Когда они достигли Адольфвилла, манский танкист подвез их к центральному каменному зданию. Габриэль и Аннет молча поднялись по знакомым широким ступеням.

После долгих часов, проведенных в поле под обстрелом, у обоих не было желания обмениваться фразами.

«Сейчас нам бы не заседать, — устало подумал Бэйнс, — а вздремнуть часиков шесть. Сколько можно решать одно и то же! Разве маны уже не отразили атаку земных захватчиков? Стоит ли строить новые амбициозные планы?»

Перед дверями зала Габриэль Бэйнс помедлил.

— Необходимо послать вперед моего симулакрума, — сказал он Аннет. — Достав из кармана ключ, он отпер дверь ниши в стене, где хранил принадлежавшего ему симулакрума-двойника. Ничего нельзя предугадать заранее. Было бы непозволительной роскошью лишиться жизни в такой момент — после того как ему удалось уйти от этой сумасшедшей докторши.

— Вечно вы, пары, перестраховываетесь, — устало бросила Аннет.

Симулакрум зажужжал, возвращаясь к жизни, и

произнес металлическим голосом:

— Доброе утро, господин. Рад видеть вас, госпожа Голдинг. — Вежливо поклонившись, робот направился по коридору в сторону двери, осторожно осматриваясь.

— Разве недавние события вас так ничему не научили? — спросила Аннет, пока они ждали возвращения симулакрума.

— Чему именно?

— Идеальной защиты не существует, поймите. Всего предусмотреть невозможно. Быть живым автоматически означает подвергаться множеству опасностей. Жизнь — это противостояние, что вполне естественно.

— Все это так, — согласился Бэйнс, — однако осторожность никогда не помешает. Опасность нужно предупреждать всеми доступными средствами. Оборона — часть жизни, и каждое живое создание уже самим фактом своего существования участвует в этой борьбе.

Симулакрум-двойник вернулся и привычно доложил:

— Полный порядок, хозяин. Ядовитых газов и электрического напряжения большой мощности не обнаружено. Вода в графине не отравлена, нет также бойниц для лазерных винтовок и спрятанных адских машин. Могу порекомендовать вам войти.

Робот замолчал, выполнив свою задачу, но потом, к удивлению Бэйнса, неожиданно добавил:

— Все-таки хочу привлечь ваше внимание к одному несколько необычному факту: в зале заседаний находится еще один симулакрум, который мне очень, очень не нравится.

— Кто это? — в изумлении воскликнул Бэйнс.

Только озабоченный самозащитой пар мог позволить себе тратить деньги на такую дорогую вещь, как симулакрум. А здесь он был единственным парским представителем.

— Чужой симулакрум будет выступать в Совете, — пояснил робот, — именно из-за него и собрались делегаты.

Приоткрыв дверь, Габриэль Бэйнс заглянул в зал. Делегаты уже сидели на своих местах. И... о ужас! Перед ними стоял соратник Мэри Риттерсдорф, агент ЦРУ Даниэль Мэйджбум, который, если верить липкой плесени, сопровождал госпожу Риттерсдорф, когда та выполняла свою варварскую миссию. Что Мэйджбуму здесь нужно? Впервые затея Бэйнса с покупкой дорогого симулакрума нашла оправдание. Бэйнс медленно вошел в зал и занял свое место.

«Скорее всего, — прикинул он, — доктор Мэри Риттерсдорф сейчас перестреляет нас всех. Наверняка она где-то поблизости, в укрытии».

— Позвольте мне объясниться, — начал Мэйджбум, как только Бэйнс и Аннет заняли свои места. — Я Чак Риттерсдорф. Я управляю этим симулакрумом с корабля Банни Хентмэна, который находится недалеко от вас, на поверхности Альфа III М2. Некоторым из вас этот корабль знаком: на нем эмблема в виде кролика.

— Значит, — удовлетворенно произнес Говард Строу, — вы больше не посланник земной секретной службы.

— Совершенно верно, — согласился Мэйджбум, — нам удалось временно перекрыть гиперпространственную связь с Землей, и поэтому постараюсь быть кратким. Предложение, как нам кажется, должно отвечать чаяниям всего населения Альфа III М2, всех Семи Кланов. Вы можете официально, как представители высшей власти, попросить альфанцев высадиться на Луну и защитить ваши интересы. Альфанское правительство гарантирует вам полную свободу — и никаких упоминаний о больнице. Вы — поселенцы Луны и собственники земли, на которой живете. Официальный запрос может быть передан на борт корабля Банни Хентмэна, так как два полномочных представителя Альфанской империи находятся...

На этих словах симулакрум дернул головой и замолчал.

— С ним что-то случилось, — сказал Говард Строу, вставая с места.

Мейджбум произнес следующее:

— Врз-з-з-зи мус кадракс и вигрум нид-д-д. — Потом взмахнул руками, уронил голову на грудь и заявил: — Иб сарт гом-м-м-м кунт!

Говард Строу уставился на него круглыми от удивления глазами, затем, сообразив, в чем дело, повернулся к Габриэлю Бэйнсу и сказал:

— ЦРУ восстановило над ним контроль с Земли, перекрыв связь с кораблем Хентмэна. — Он похлопал себя по бокам и, нащупав лазерный пистолет, вынул его из кобуры. Затем, прикрыв один глаз, прицелился.

— Все, что я только что сказал, — объявил симулакрум Даниэль Мэйджбум слегка изменившимся, более взволнованным и низким голосом, — должно расцениваться не иначе, как гнусные измышления. Вы совершите самоубийственный поступок, если станете просить так называемой «защиты» у Альфанской империи, поскольку, во-первых...

Первым же выстрелом Говард Строу вывел робота из строя, поразив лучом его электронный мозг; Мэйджбум зашатался и с грохотом рухнул на пол. В зале воцарилось молчание. Симулакрум не шевелился.

Строу сунул пистолет обратно в кобуру и, сверкая глазами, уселся на место.

— Сообщение Риттерсдорфа перекрыто ЦРУ из Сан-Франциско, — повторил он, хотя сейчас уже до каждого делегата, даже до геба Якоба Симиона дошел смысл происходящего. — Однако мы услышали предложение Риттерсдорфа, а это самое главное. — Строу обвел взглядом присутствующих. — Мы должны действовать как можно быстрее. Давайте голосовать.

— Я голосую за то, чтобы принять предложение Риттерсдорфа, — отозвался Габриэль Бэйнс, с облегчением понимая, что, если бы не решительные действия Строу, симулакрум, снова попав под управление с Земли, мог взорваться и похоронить их всех.

— Я согласна, — нервно произнесла Аннет Голдинг.

Когда подсчитали голоса, выяснилось, что только Дино Уоттерс, деп, голосовал против.

— Вы что, не согласны? — удивленно спросил его Габриэль Бэйнс.

Хриплым, полным отчаяния голосом деп ответил:

— Я думаю, что дело абсолютно безнадежное. Земные корабли совсем рядом. Манский экран долго не продержится. Мы не сможем связаться с кораблем Хентмэна. Что-нибудь обязательно сорвется, и земляне уничтожат нас. — Потом добавил:

— Кроме того, у меня страшные боли в желудке с тех самых пор, когда мы собрались в первый раз, — думаю, что у меня рак.

Говард Строу нажал на кнопку звонка, и появился слуга с портативным радиопередатчиком.

— Я свяжусь с кораблем Хентмэна, — объявил Строу, щелкнув тумблером передатчика.

После бесплодных попыток разыскать остатки своей мафии на Земле, Банни Хентмэн поднял голову и, изменившись в лице, сказал Чаку Риттерсдорфу:

— Произошло следующее. Этот приятель Лондон, шеф сан-францисского отделения ЦРУ и начальник Элвуда, наконец понял, что случилось, и он лично контролировал действия Мэйджбума. Скорее всего Лондон начал подозревать Элвуда после того, как мне удалось скрыться от них.

— Элвуд мертв? — спросил Чак.

— Нет, сейчас он в сан-францисской тюрьме ЦРУ. А Петри снова сел за пульт. — Хентмэн поднялся, отключив канал связи с Землей. — Но они не успели вовремя восстановить контроль над Мэйджбумом.

— Вы оптимист, — заметил Чак.

— Слушайте, — с пафосом заговорил Хентмэн. — Да, эти люди в Адольфвилле, может быть, действительно психи, но не дураки. Они слышали наше предложение и, готов поклясться, сейчас голосуют за него. Скоро они свяжутся с нами по радио, — он посмотрел на часы, — скажем, минут через пятнадцать. — Затем обернулся к Фелду: — Приведи-ка сюда наших альфанских друзей, чтобы они сразу же могли вызвать свои линейные корабли.

Фелд выбежал из каюты. Хентмэн, устало посмотрев ему вслед, вздохнул и опустился на стул.

Закурив длинную зеленую флоридскую сигару, комик откинулся на спинку стула и уставился на Чака.

В молчании прошло несколько минут.

— Нужны ли альфанцам телекомики? — поинтересовался Чак.

Хентмэн усмехнулся.

— Не более чем составители текстов для роботов.

Через десять минут раздался радиовызов из Адольфвилла.

— Отлично, — произнес Хентмэн и кивнул, выслушав сообщение Говарда Строу. — Нужно действовать, теперь или никогда! Пусть вызывают свои военные корабли. Пусть высаживают войска. — Он передал микрофон представителю альфанцев, который находился на корабле, устало поднялся и встал рядом с Чаком.

— Да уж, — прошептал он. — В такую минуту неплохо бы вспомнить все аспекты альфанской политики на протяжении последних десяти лет. — Он покачал головой. Сигара, торчавшая у него изо рта, погасла. Заметив это, Хентмэн нетерпеливо раскурил ее. — Я думаю, сейчас нам предстоит рассеять или подтвердить наши сомнения.

— Какие сомнения? — спросил Чак.

— Нужны ли Альфанской империи телевизионные комики и составители текстов. — Он отошел в сторону и стал рассеянно вслушиваться в переговоры, которые вел альфанец по корабельной рации. Комик молча попыхивал сигарой, засунув руки в карманы.

«Никто не смог бы догадаться по выражению его лица, — подумал Чак, — что в эту минуту наша жизнь зависит от успеха этих переговоров».

К Чаку подошел возбужденный Джерри Фелд и спросил, чтобы как-то снять напряжение:

— А где сейчас находится ваша бывшая жена?

— Наверное, бродит где-то в этих развалинах, — произнес Чак.

— А она не может что-нибудь выкинуть? — спросил Фелд. — Я имею в виду, как-то помешать нам? Ей, наверное, этого очень хочется.

— Моя бывшая жена, — сказал Чак, — вероятно, сейчас чрезвычайно напугана. Она одна на враждебной Луне и отчаянно ждет прибытия земного военного флота, который скорее всего вообще не появится. Но она, конечно, об этом не знает. — Остатки ненависти к Мэри окончательно улетучились.

— Вам жаль ее? — спросил Фелд.

— Я просто не хочу, чтобы судьба снова заставила нас стрелять друг в друга. У меня такое чувство, что когда-нибудь, через много лет, мы снова встретимся и поймем...

— Все в порядке, — прервал его фразу Хентмэн, — согласие получено. — Лицо комика сияло. — От нас больше ничего не требуется. Мы свое дело сделали. Теперь мы законные граждане Альфанской империи и скоро получим номерные знаки вместо имен, на что, по правде говоря, мне абсолютно наплевать.

— Вероятно, когда-нибудь, когда все уляжется и я смогу спокойно оценить происшедшее между нами, — продолжал Чак, обращаясь к Фелду, — я пойму, что должен был сделать, чтобы не допустить весь этот ужас — когда Мэри и я лежали в грязи, стараясь достать друг друга лучом лазера.

«Да, в темноте ночи чужой планеты, — размышлял он про себя. — Эта Луна действительно чужая для нас обоих, хотя мне, вероятно, придется провести здесь остаток жизни. А может быть, и Мэри тоже», — машинально подумал он.

Потом сказал, обращаясь к Хентмэну:

— Поздравляю.

— Спасибо, — отозвался комик. — Поздравляю, Джерри.

— Спасибо, — поблагодарил Фелд. — Примите и вы мои поздравления, дорогие новоиспеченные альфанские собратья.

— Послушайте, — сказал Чак Хентмэну, — нельзя попросить вас об одном одолжении?

— Что угодно, мой дорогой!

— Дайте мне челнок. Я хочу спуститься на поверхность.

— Зачем? Здесь гораздо безопаснее.

— Хочу найти Мэри, — объяснил Чак.

Брови Хентмэна поползли вверх.

— Вы что, серьезно? Бедняга! Ладно, может, вам удастся уговорить ее остаться вместе с вами на Альфа III М2. Если, конечно, кланы не будут возражать. И альфанские власти тоже...

— Дай ему челнок, Бан, — вмешался Фелд.

— Хорошо, — кивнул Хентмэн. — Я дам вам челнок. Летите и делайте все, что вам угодно. Я умываю руки. Надеюсь, конечно, что вы вернетесь, но если же нет... — он пожал плечами. — В конце концов это не мое дело.

— Не забудьте забрать с собой вашего липкого друга, — добавил Фелд.

Полчаса спустя Чак посадил челнок на лужайке

рядом с тополиной рощей и некоторое время стоял, вдыхая чистый воздух и прислушиваясь к шуму листвы. Вокруг не было ни души. В этом маленьком мире все шло своим чередом: Высший Совет проголосовал, манский клан продолжал поддерживать силовой защитный экран, кое-кто в страхе ожидал развязки, но большинство жителей, как, например, гебы в Гандитауне, продолжали заниматься своими обычными делами.

— Скажите, сошел ли я с ума? — спросил Чак у лорда Раннинга Клама, который переместился на несколько метров в сторону, на более влажную почву. — Я, наверное, поступаю нелогично, совершая такой нелепый поступок?

— Сумасшествие, — отозвалась липкая плесень, — строго говоря, всего лишь общепринятый термин. Я думаю, что вы просто круглый дурак, ведь Мэри Риттерсдорф, скорее всего, опять попытается убить вас, как только вы встретитесь. Но, вероятно, вы сами этого хотите. Вы устали. Борьба затянулась. К тому же те незаконные стимуляторы, которые дал вам мой... предшественник, не принесли пользы — они только прибавили вам страданий. — Затем он добавил: — Может быть, вам следует пойти в Коттон Мэтр.

— Что это такое? — даже само название не очень-то понравилось Чаку.

— Это поселение депов. Вы можете остаться с ними, погрузившись в мрачную кому. — Ганимедианин произнес эти слова с леденящим спокойствием.

— Спасибо за совет, — Чак ухмыльнулся.

— Вашей жены поблизости нет, — продолжала липкая плесень. — По крайней мере, я не ощущаю ее мыслей. Полетим в другое место.

— Хорошо. — Чак направился к челноку.

Втекая в кабину, липкая плесень сказала:

— Есть еще одна возможность, которую вы не должны упускать из виду. Может быть, Мэри уже мертва.

— Мертва! — Чак уставился на ганимедианина, отдернув руку от пульта управления. — Почему?

— Как вы заметили в разговоре с господином Хентмэном, на этой Луне идет война. Естественно, есть и убитые, но их, к счастью, не так много. Но потенциальная возможность насильственной смерти все же очень велика. Последнее, что мы знали о Мэри Риттерсдорф, было обращение к ней трех мистиков, так называемого Святого Триумвирата, посредством ужасной шизофренической проекции в виде огненных букв в небе. Я думаю, нам следует лететь в Гандитаун, где живет главный из трех Святых, Игнатий Ледебур, и попробовать разыскать ее — как бы это лучше сказать — среди всего этого хлама, котов, жен и детей.

— Но разве Ледебур...

— Психоз есть психоз, — заключила липкая плесень. — И неизвестно, что следует ожидать от такого провидца.

— Правильно, — согласился Чак и кивнул.

Через некоторое время челнок уже мчался по направлению к Гандитауну.

— Послушайте, господин Риттерсдорф, — вновь заговорила липкая плесень. — Я думаю вот о чем. В некотором отношении для вас было бы куда безопаснее, если бы она...

— Это мое дело, — бросил Чак.

— Извините, — осеклась липкая плесень.

Весь дальнейший путь до Гандитауна прошел в мрачном молчании.

Игнатий Ледебур кормил остатками своего ужина двух черных овец, когда челнок приземлился на дорогу рядом с его хижиной. Закончив свое занятие, он лениво побрел к дому с пустой кастрюлей в руке. Его сопровождали коты всех цветов, с надеждой заглядывая в посудину.

Зайдя в хижину, Ледебур швырнул кастрюлю в раковину, наполненную Бог знает сколько времени не мытыми тарелками, потом остановился на минуту и окинул взглядом женщину, которая спала, укрывшись кучей грязных одеял на деревянных досках, служивших, как видно, и обеденным столом. Затем нагнулся, подобрал с пола кота и снова вышел во двор. Прибытие космического челнока, конечно же, не было для него сюрпризом, так как видение, связанное с ним, уже посетило провидца. Он нисколько не был встревожен, однако почему-то почувствовал, что настроение у него портится.

Из челнока показались человек и какой-то бесформенный студень. Гости, преодолевая кучи мусора, двинулись навстречу Игнатию.

— Вы, наверное, будете рады узнать, — проговорил Ледебур вместо приветствия, — что альфанские военные корабли уже готовятся к высадке. — Игнатий улыбнулся, однако не дождавшись ответного знака дружелюбия, продолжал уже несколько смущенно. — Итак, ваша миссия принесла плоды.

Игнатия пугала исходящая от человека враждебность, которую он особенно отчетливо ощущал благодаря своему парапсихологическому таланту. Гнев витал вокруг головы человека, образуя зловещий красный нимб.

— Где Мэри Риттерсдорф? — коротко спросил Чак Риттерсдорф. — Где моя жена? Вы знаете? — Он повернулся к ганимедианской липкой плесени, которая колыхалась возле него. — Он знает?

Липкая плесень излучила мысленную волну:

— Да, господин Риттерсдорф.

— А-а, вы ищите свою жену, — засуетился Игнатий Ледебур. — Она тут немного перестаралась: убила одного мана и даже...

— Если ты не скажешь, где моя жена, — взревел Чак, — я вышибу из тебя дух! — Он шагнул навстречу гебскому Святому.

Машинально поглаживая кота, Ледебур пригласил:

— Давайте зайдем ко мне. Я угощу вас чаем.

Это были его последние слова. Очнувшись, он обнаружил, что лежит на земле. В ушах звенело, кровь пульсировала в висках. Игнатий с трудом сел, пытаясь сообразить, что произошло.

— Господин Риттерсдорф ударил вас, — пришла на помощь липкая плесень, — скользящий удар пришелся чуть повыше скулы.

— Хватит, — в сердцах оборвал Ледебур. — Она там, в хижине.

Перешагнув через Святого, Чак подошел к двери хижины, рывком открыл ее и скрылся внутри. Ледебуру наконец удалось подняться на ноги; он некоторое время стоял, неуверенно озираясь, потом неохотно поплелся за Чаком.

На пороге Ледебур задержался. Коты, увидев лазейку, с отчаянным урчанием полезли внутрь хижины.

Риттерсдорф склонился над спящей женщиной и потряс ее за плечо.

— Мэри, проснись! — Чак схватил голую руку женщины, свисавшую со стола, и сильно дернул. — Одевайся и пойдем отсюда. Шевелись!

Женщина, заменившая святому Игнатию Ледебуру его жену Элси, медленно открыла глаза и сощурилась, стараясь рассмотреть лицо Чака. Затем моргнула, приходя в себя. Она резко села, затем схватила одеяло и накинула его на плечи, прикрывшись.

Липкая плесень в ожидании развязки предусмотрительно оставалась во дворе.

— Чак, — проговорила Мэри Риттерсдорф, зевая, — я пришла сюда сама, по доброй воле. И не надо...

Чак схватил Мэри за руку и рывком сорвал со стола. Грязные одеяла отлетели в сторону; по полу покатилась металлическая кружка, разбрызгивая вокруг остатки кофе. Два задремавших под столом кота с мяуканьем бросились прочь, огибая стоящего на пороге Игнатия Ледебура.

Мэри Риттерсдорф смотрела на мужа.

— Не нужно указывать мне, что я должна делать, — решительно заявила она и стала собирать разбросанные детали своего туалета — подняла с полу измятую блузку, затем сосредоточенно, не теряя самообладания, начала искать лифчик и трусики. По выражению ее лица никак нельзя было предположить, что за ней наблюдают двое мужчин.

— Луна уже под контролем альфанцев, — сказал Чак. — Маны скоро снимут защитный экран и впустят их. Соглашение было достигнуто, пока ты спала в кровати этого... — Чак посмотрел на Игнатия Ледебура. — Этого индивидуума.

— И ты, конечно, с ними заодно, — жестко сказала Мэри, застегивая блузку. — Да, конечно, — задумчиво повторила она, — альфанцы захватят Луну, и ты будешь жить здесь под их защитой. — Одевшись, Мэри стала медленно и аккуратно расчесывать волосы.

— Если ты останешься на Альфа III М2, — начал Чак, — и не вернешься на Землю...

— Я останусь здесь, — перебила его Мэри. — Я уже все продумала. — Она указала на Игнатия Ледебура. — Не с ним, конечно; и он об этом знает. Я ведь не собираюсь жить в Гандитауне — это не место для меня.

— Где же тогда?

— Скорее всего, на Высотах да Винчи, — ответила Мэри.

— Почему? — Чак удивленно уставился на жену.

— Не знаю. Хотя я еще не была там, но маны мне нравятся. Я даже восхищалась тем танкистом, которого подстрелила. Он ведь бежал к танку, зная, что умрет.

— Маны не пустят тебя к себе, — заметил Чак.

Мэри покачала головой:

— Пустят, уверена.

Чак вопросительно взглянул на Игнатия Ледебура.

— Может быть, — сказал Ледебур, — она им понравится.

«Мы оба потеряли ее, — понял Игнатий. — Никакой мужчина не в состоянии удержать эту женщину возле себя. Такова уж ее натура». Он повернулся и со скорбным выражением лица вышел из хижины, чуть не влипнув в ожидавшую во дворе плесень.

— Думаю, что господин Риттерсдорф понял всю тщетность своих намерений, — глубокомысленно заметил ганимедианин.

— Да, наверное, — кивнул Ледебур без особого энтузиазма.

Из хижины вышел Чак; он был бледен и хмур. Молча миновав Ледебура, он быстро зашагал по направлению к челноку.

— Пошли, — бросил он на ходу липкой плесени.

Плесень поспешила за Чаком, насколько позволяли ее физические возможности. Подождав, пока она втечет в кабину, Чак быстро поднял аппарат в воздух, навстречу восходящему солнцу.

Игнатий Ледебур постоял немного, провожая взглядом гостей, затем вернулся в хижину. Мэри копалась в холодильнике, пытаясь разыскать что-нибудь на завтрак.

Мужчина и женщина сообща приготовили себе еду.

— Маны очень жестокие люди, — осторожно заметил Ледебур.

Мэри презрительно расхохоталась:

— Ну и что?

Игнатий не знал, что ответить. Бесполезно было призывать свой мистический дар. Он был бессилен понять, чего хочет эта женщина.

После долгого молчания Чак спросил у липкой плесени:

— Можно ли на этом челноке вернуться обратно на Землю?

— Нет, — ответил лорд Раннинг Клам.

— Ладно, — сказал Чак. — Летим к ближайшему земному кораблю. Хватит. Возвращусь домой, отсижу срок, а потом женюсь на Джоанн Триест.

— Должен заметить, господин Риттерсдорф, что вас, скорее всего, приговорят к смертной казни или пожизненному заключению, — сказал ганимедианин. — Поэтому вам вряд ли удастся жениться на госпоже Триест.

— Что же мне делать?

— Вам нужно обрести уверенность в себе. А для этого... — плесень смущенно замолчала, не решаясь высказать свою мысль до конца.

— Ну? Продолжайте. — В данной ситуации Чаку не следовало пренебрегать никаким, даже самым абсурдным советом.

— Вы... ну как бы вам объяснить... Короче говоря, вам нужно попросить жену всесторонне обследовать вас. Провести самое полное психологическое тестирование.

После некоторой паузы Чак с трудом выговорил:

— Чтобы выяснить, для какого из здешних поселений я подойду лучше всего?

— Да. — Липкая плесень облегченно вздохнула. — Именно в этом состоит моя идея. Поймите меня правильно: тесты необходимы для того, чтобы определить некие незначительные отклонения, так сказать, параметры вашего характера, направленность на определенный стереотип...

— А что если тесты не выявят никаких скрытых неврозов, психозов, психопатических тенденций, НИЧЕГО? Что тогда? — Чак весьма жестко оценивал себя — в такую минуту он мог не заниматься самообманом — кроме того, предчувствие подсказывало ему, что результат обследования будет именно таков. Он не подходил ни для одного из поселений Альфа III М2. Он чужак на этой Луне. Вероятность найти здесь себе подобных ничтожна.

— Понимаете, ваше стойкое желание распра-

виться с женой вполне может являться симптомом скрытой душевной болезни. — Липкая плесень старалась говорить как можно убедительнее, но в ее тоне не чувствовалось уверенности.

— Наверное, мне придется основать еще одно поселение, — сказал Чак.

— Состоящее из одного человека?

— На Луне должны быть нормальные люди. Те, кому удалось выбраться из лабиринта своей болезни. Не говоря уже о детях, ведь считается, что психопатия в поколениях затухает. Да и так называемые поли, по сути, вполне нормальны. Узнав о новом поселении, все эти люди сами придут ко мне.

— Я представляю себе жалкую лачугу, затерянную где-нибудь в лесу, где вы будете обитать, — глубокомысленно заметила плесень, — и вас, затаившегося в кустах у лесной дороги в ожидании путников, особенно детей. — Плесень заколыхалась от смеха. — Простите меня. Нельзя относиться столь легкомысленно к серьезным вещам.

Чак не ответил — он резко потянул рычаг управления на себя, набирая высоту.

— Ну так что, вы согласны пройти тестирование? — спросила плесень, слегка сплющиваясь под воздействием перегрузки. — Перед тем как начнете жить в своем новом поселении?

— Ладно. — Чаку надоела навязчивость своего ганимедианского друга — задавать последний вопрос не было необходимости.

— А ваша взаимная неприязнь не помешает госпоже Риттерсдорф провести тестирование беспристрастно?

— Да нет, не думаю. — Чак знал, что тестирование для Мэри — дело святое.

— Я берусь лично уговорить ее организовать эту процедуру, — убежденно заявила плесень. — Вам не следует ссориться друг с другом понапрасну, пока результаты не будут получены.

— Большое вам спасибо, — подчеркнуто вежливо отозвался Чак.

Липкая плесень, не заметив иронии, задумчиво продолжала:

— Я думаю об еще одном. Хотя, конечно, это дело потребует дополнительных усилий с вашей стороны. Но оно того стоит, поскольку может принести весомые плоды, хотя и не сразу. — Ганимедианин на минуту затих, потом добавил: — Может быть, вам удастся убедить Мэри провести тестирование своей собственной психики?

— Зачем? — спросил Чак. — Странное предложение!

Липкая плесень пустилась в объяснения:

— Предположим, госпожа Риттерсдорф выявит в своем характере признаки маниакального психоза. Она сразу станет оценивать себя как бы со стороны; поймет, что у нее есть много общего с Говардом Строу, с жестокими манскими танкистами...

— И вы всерьез верите, что это поможет ей сделаться мягче? Отнимет у нее непробиваемую уверенность в себе?

«Разве ганимедианин способен разобраться в тонкостях человеческой натуры? И в особенностях такой сложной натуры, как Мэри Риттерсдорф? Не стоит даже говорить об этом, ведь маньяки и параноики никогда не занимаются самокопанием, ни на йоту не сомневаются в собственной правоте и непогрешимости. Как известно, их эмоциональная структура покоится на чувстве определенности, уверенности в себе...»

«Вообще-то, было бы неплохо, если бы дело обстояло так просто — продолжал размышлять Чак, — больной узнает результаты своего тестирования, то есть свой диагноз, начинает оценивать себя со стороны остатками больных мозгов и излечивается. Чушь! Человеку с больной ногой в тонкостях объясняют причину заболевания, и нога сразу проходит...

В случае с Мэри тестирование вызовет как раз обратный эффект: она получит со стороны манов моральную поддержку, обретет, так сказать, социальный статус, поселившись среди себе подобных на Высотах да Винчи. И, скорее всего, с блеском проявит себя в постели Говарда Строу... Чтобы потом заменить его на посту манского делегата Высшего Совета. Да, среди манов Мэри должна занять высокое положение — будет помыкать ими, используя свои профессиональные знания».

— Тем не менее, — продолжала настаивать липкая плесень, — я все-таки постараюсь уговорить госпожу Риттерсдорф протестировать себя. Я верю, что это пойдет ей на пользу. «Познай себя» — разве не таков был девиз древних землян со времен вашей столь высокочтимой греческой античности? Не могу отделаться от ощущения, что если вы, представители гуманоидной расы, не обладающей телепатическими способностями, сможете по-настоящему познать особенности своей психики, своей индивидуальности, то обретете могучий инструмент, при помощи которого сможете постепенно трансформировать свою психику до тех пор, пока...

— Пока что?

Ганимедианин не ответил. Подойдя к самому главному, он оказался не в состоянии ясно сформулировать свою мысль.

— Давайте подождем результатов, — сказал Чак. — Тогда все и узнаем.

«Узнаем, кто прав», — подумал он. Ему хотелось, чтобы прав оказался ганимедианин.

Поздно вечером на Высотах да Винчи договоренность была достигнута. После долгих переговоров лорду Раннингу Кламу удалось убедить Мэри Риттерсдорф провести полный комплекс психологических тестов для себя и бывшего мужа.

Все четверо находились в замысловато изукрашенном, спиралевидном доме манского делегата Говарда Строу; сам Строу с высокомерной отчужденностью наблюдал за происходящим. Процесс тестирования забавлял его; устроившись в удобном кресле, он быстро набрасывал пастельными мелками серию портретов Мэри. Живопись была одним из его многочисленных артистических талантов, и он не прекращал заниматься ею даже сейчас, когда альфанские корабли, один за другим, садились на поверхность Луны.

Мэри, пристально вглядываясь в распечатки, разложенные на изящном полированном столике ручной работы, наконец отрешенно произнесла:

— Очень неприятный для меня итог... Но, должна признать, сама идея весьма плодотворна: познать себя с помощью стандартного набора психологических тестов. Я действительно очень удивлена полученными результатами. Наверное, мне следовало бы периодически проверять свое состояние подобным образом...

Она встала и подошла к окну, тонкая, стройная и

гибкая в своем белом облегающем пуловере и блестящих венерианских лосинах. Затем дрожащими пальцами выудила из пачки сигарету и закурила.

— У тебя нет психических отклонений, дорогой, — сказала она Чаку, нервно затянувшись, затем холодно улыбнулась и добавила: — Поздравляю.

— А что у тебя? — хрипло спросил Чак.

— Оказывается, ничего общего с манами. У меня как раз противоположное — ярко выраженная депрессия возбужденного типа. Говоря здешним языком, я депша. — Мэри продолжала улыбаться, однако было заметно, каких усилий ей это стоило.

Помолчав с минуту, Мэри вновь обратилась к своему бывшему супругу:

— Я постоянно давила на тебя, так как страдала навязчивой идеей, что жизнь складывается отвратительно; я изводила тебя бесконечными попытками что-либо предпринять. Мне казалось, стоит остановиться — и рухнет небо. — Она раздавила недокуренную сигарету о пепельницу, тут же начала новую и спросила у Говарда Строу: — Что ты на это скажешь?

— Мне все равно, — заявил Строу с присущей ему жестокостью и отсутствием жалости к кому бы то ни было. — Но здесь ты остаться не можешь. Поедешь в Коттон Мэтр к счастливому парню Дино Уоттерсу и ему подобным. — Он презрительно засмеялся. — Ребята там исключительно веселые и жизнерадостные. Мы разрешим тебе побыть здесь еще несколько дней, но потом ты безоговорочно должна уехать. Раз ты не манша. — Затем, несколько смягчив свой убийственный тон, Говард Строу добавил: — Если бы ты смогла предугадать то, что случилось сегодня, когда изъявила желание принять участие в экспедиции, организованной ТЕРПЛАНом, в этой так называемой операции «Пятьдесят минут», — ты бы трижды подумала, не так ли? — Он в упор уставился на Мэри.

Мэри не ответила, пожав плечами. Затем внезапно расплакалась.

— Господи, я не хочу жить с этими депрессивными идиотами, — говорила она, всхлипывая. — Я хочу домой, на Землю. Мне ведь необязательно здесь оставаться, — пробормотала она, обернувшись к Чаку, — как тебе.

Липкая плесень подумала, обращаясь к Чаку:

— Теперь, когда вам известны результаты тестирования, что вы намерены делать, господин Риттерсдорф?

— Пойду искать место для нового поселения. Я назову его Джефферсонбургом. Коттон Мэтр, как они полагают, был деп, Леонардо да Винчи, — по их мнению, ман, Адольф Гитлер — пар, Ганди — геб. А Томас Джефферсон был вполне нормальным человеком. Значит... норм. Итак, Джефферсонбург будет поселением нормов. Сначала в нем будет жить только один человек, но ему уготовано великое будущее.

«По крайней мере, проблема выборов делегата в Высший Совет решится автоматически», — подумал он про себя.

— Вы просто идиот, — пренебрежительно произнес Говард Строу. — Никто не согласится жить в вашем поселении. Вам придется провести остаток жизни в одиночестве — через пару месяцев вы свихнетесь и вполне подойдете для любого другого поселения. Кроме нашего, разумеется.

— Может быть. — Однако Чак надеялся на лучшее; он еще раз подумал об Аннет Голдинг.

«Не такая уж она больная, эта поли. Рассуждает вполне логично... Хотя, может быть, чересчур рационально».

Кроме того, Аннет нравилась Чаку. Он чувствовал, что сможет найти с ней общий язык. А раз существует Аннет, то на Луне должны найтись ей подобные. Не сразу, конечно. Со временем... Он подождет. А пока займется обустройством нового поселения. Ведь у него сложились неплохие деловые отношения с парским делегатом, Габриэлем Бэйнсом. Через него можно будет наладить связи с другими кланами. Исключая, естественно, манов и этих гебов, вроде Святого Игнатия Ледебура, у которого полностью отсутствует какая-либо ответственность в отношениях с противоположным полом.

— Мне плохо, — проговорила Мэри дрожащим голосом. — Чак, ты будешь навещать меня в Коттон Мэтр? Я не смогу там одна, среди депов...

— Ты же сказала...

— Я не хочу возвращаться на Землю, раз я больна. Там мне придется лечь в клинику... нет, ни в коем случае.

— Конечно, дорогая, — сказал Чак, — буду рад навестить тебя. — Он подумал, что первое время, скорее всего, ему придется часто бывать в других поселениях.

— Мои потомки, — излучила липкая плесень, — вероятно, захотят жить вместе с вами в Джефферсонбурге. На этот раз мы будем держаться подальше от горящих автомобилей.

— Отлично, — сказал Чак. — Приглашаю всех поселиться у меня. Буду очень рад.

Говард Строу цинично расхохотался. Никто, впрочем, не обратил на него внимания.

Строу пожал плечами и возобновил свои наброски.

В небе продолжали реветь двигатели военных кораблей, опускающихся на поверхность Луны. Альфанцы завершали операцию.

Чак Риттерсдорф встал и вышел из дома на крыльцо. Ночное небо озаряло множество сверкающих ракетных выхлопов. Чак закурил, вглядываясь и прислушиваясь. Рев отдельных двигателей постепенно затихал, но в небе появлялись все новые и новые светящиеся точки.

За спиной Чака открылась дверь. Его бывшая жена вышла и, прикрыв за собой дверь, встала рядом. Они молчали, наблюдая за сверкающими сполохами, погруженные каждый в свои мысли.

— Чак, — наконец сказала Мэри, — нам необходимо сделать одно важное дело... ты, наверное, еще не задумывался об этом... Но раз мы собираемся остаться здесь, нам нужно каким-то образом привезти с Земли детей.

— Конечно, — кивнул Чак. Он уже размышлял об этом. «Но стоит ли? Зачем везти сюда детей — особенно Дебби, — и так уже долго находившихся под влиянием матери?

К тому же Дебора так восприимчива, она, безусловно, со временем примет одну из линий поведения сумасшедшего большинства».

Выбросив сигарету, Чак обнял жену за талию, притянул к себе и поцеловал в лоб, наслаждаясь запахом ее волос.

— Хорошо, давай попробуем... Наши дети будут обучаться в здешней школе. Может быть, они станут образцом для остальных детей... Сделаем так, как ты хочешь.

— Ладно, — отрешенно отозвалась Мэри. — Чак, ты действительно думаешь, что у нас с тобой есть шанс? Я имею в виду, что нам необходимо научиться переносить друг друга в течение долгого времени... Или нам опять придется перестреливаться?

— Не знаю, — честно признался Чак.

— Солги, пожалуйста. Скажи, что мы сможем найти общий язык.

— Сможем.

— Ты действительно так думаешь? Или лжешь?

— Я...

— Скажи, что не лжешь, — попросила Мэри.

— Я говорю правду, — произнес Чак. — Конечно, сможем. Мы еще молоды и совсем не такие непробиваемые, как пары или маны. Верно?

— Верно. — Помолчав, Мэри сказала: — Ты совершенно уверен, что предпочитаешь эту девушку, Аннет Голдинг? А не меня? Отвечай честно.

— Я предпочитаю тебя. — И на этот раз он не лгал.

— А что ты думаешь насчет девицы, с которой вас заснял Адольфсон?

— Все же я предпочитаю тебя.

— А почему, скажи мне? Я же больна!

— Не знаю. — Чак на самом деле не находил объяснения, да и не хотел искать.

— Желаю тебе удачи в твоем новом поселении, — сказала Мэри. — Где будет жить один человек и дюжина липких особей. — Она рассмеялась. — Приятное общество, не так ли? Да, я уверена, что нам необходимо привезти наших детей на Альфа III М2. Я всегда считала, что... совершенно непохожа на своих пациентов. Они больные — я здоровая. Теперь же... — Мэри затихла.

— Ты такая же, — закончил Чак мысль бывшей жены.

— Скажи, а у тебя не возникало подобного ощущения? Что ты совсем не такой, как я? Нет? Во всяком случае тестирование показало, что ты абсолютно здоров, а я...

— Все зависит от точки отсчета, — успокоил ее Чак.

— Я решила, — хрипло объявила Мэри, — что я тебя люблю.

— О'кей, — согласился он.

В голове Чака, прервав его хмурую задумчивость, возникли мысли липкой плесени:

— Извините, но как раз в эту минуту взаимных признаний я настаиваю, чтобы ваша жена выложила историю своих отношений с Банни Хентмэном. — Помолчав, плесень несколько смягчила требовательность. — Может быть, я выразилась не совсем точно, однако факт остается фактом... Ей так не терпелось пристроить вас на высокооплачиваемую работу, и тень пала на моего предшественника.

— Я сама расскажу, — вмешалась Мэри.

— Давайте, — согласился ганимедианин. — Я умолкаю. Но оставляю за собой право вмешаться снова, если вы упустите в своем рассказе что-либо существенное.

Мэри набрала воздуха и выдохнула:

— Чак, я встречалась с Хентмэном. Перед отлетом с Земли. Вот, пожалуй, и все.

— Нет, не все, — вставил ганимедианин.

— Хорошо, — безнадежно кивнула Мэри. — Я рассказала Банни о своем предположении, которое основывалось на профессиональном опыте решения семейных проблем, а также на знании твоего характера, дорогой. Я сообщила ему, что если тебе не удастся покончить с собой, то ты попытаешься меня убить. — Помолчав немного, она прибавила: — Не знаю, зачем я рассказала ему об этом. Испугалась, наверное. Но мне нужно было поделиться с кем-то.

А он подумал, что его выдала Джоанн...

Он не обвинял Мэри. Странно, что она вообще не пошла в полицию... Очевидно, она не лгала, признаваясь ему в любви. Она не стала добивать его окончательно во время того глубочайшего кризиса.

— Может быть, здесь, на этой Луне, у нас еще будут дети, — сказала Мэри. — Будем размножаться, как липкая плесень... Пока нас не станет целый легион. — Она мягко рассмеялась и прижалась к нему в темноте, чего не делала, казалось, миллион лет.

На темном небе продолжали появляться все новые светящиеся точки; Чак и Мэри молчали, обдумывая способы, как обзавестись кучей детей.

— Ты любишь меня? — прошептала Мэри, приблизив губы к его уху.

— Да. — Чак постарался поверить в то, что сказал.

Перевел с английского Максим ДРОНОВ.

Эммануил Гушанский,
кандидат медицинских наук

ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ

Как всегда, Филип Дик отдает право на моральную оценку самому читателю, предварительно поставив его в невеселое положение выбора «меньшего из зол». Так и в этом романе оценить ситуацию непросто: ведь герои, которым, несомненно, симпатизируешь, могут весьма «своеобразно» распорядиться своей свободой, поскольку остаются (и автор это прописывает достаточно жестко) клиническими больными. Примерно в той же ситуации – необходимости этической оценки – оказалась Независимая психиатрическая ассоциация России, которая выступает экспертом в конфликтах между врачом и больными и между самими психиатрами. Проблема осложняется еще и тем, что если за рубежом около 60% людей имеют «личного» психотерапевта, то у нас, как показывают опросы, более половины населения не готовы просить помощи у психиатра, а 65% вообще не имеют представления, что такое психика. Видимо, с этого и придется начать разговор вице-президенту Независимой ассоциации Эммануилу Гушанскому.

Первое, что необходимо понять: психика человека столь же изменчива, сколь изменчива сама история человечества. Возникновение и развитие психики связано с двумя противоположными процессами – переносом материального в идеальное, в человеческое сознание, и превращением идеального, составляющего содержание душевной жизни, в материальное. Становление психики есть непрерывное Действо создания мира и человека. Известно, что плод в материнской утробе как бы повторяет развитие животного мира. Психика же, по моему глубокому убеждению, с момента ее зарождения воспроизводит историю общественного сознания в индивидуальном проявлении. Каждое движение души отражает не только данный конкретный миг нашей судьбы, как кажется нам самим, но неминуемо затрагивает корневую основу психики. В этом смысле Отелло – при всей своей яркой индивидуальности – в то же время «повторяет» Агамемнона, Раскольников – Ореста, Дэвид Копперфильд – Язона. В подсознании хранится вековой опыт человечества, архетипы его мышления в переходе от предметов к образам. Сознание каждого человека ежедневно, ежечасно опровергает, казалось бы, незыблемую истину: «Нельзя объять необъятное», человек в своих психических проявлениях объемлет весь мир в его связях и закономерностях, сам являясь частью этого мира и, подобно Богу, творит его.

Развитие психики отражено не только в индивидуальном сознании, но и в истории человечества. «Каждое время требует своих героев», ожидая от человека определенных качеств, «отчуждая» от него то, что необходимо в данный момент данному обществу. Когда человечество переживало «детские времена», это отчуждение сопровождалось персонификацией, одухотворением: так возникли боги, олицетворяющие силу и могущество, любовь и плодородие, беспощадность и хитроумие. Они жили среди людей, обладали их достоинствами и недостатками – и нередко были одержимы безумием, поражавшим человечество с тех пор, как оно осознало себя.

Правда, в те времена было трудно обозначить границу между патологией и нормой, ведь сама грань между реальным и воображаемым была размыта. Можно ли назвать безумным грека, испрашивающего совета у своего почившего отца? Беседы с богами, умершими предками, персонажами сновидений были частью духовной культуры, воспринимались как реальность. Процесс овеществления духовного проходил наяву и был составной частью психической деятельности.

Но человечество шло вперед – во благо или во зло. Идеальное и реальное обретали самостоятельность, а психические процессы все более подчинялись логическим и причинно-следственным закономерностям. Однако архаические виды психической деятельности не исчезли, они ушли в глубину подсознания, возникая теперь лишь во сне, в состоянии психоза, в творческом акте.

Естественно, изменились и психические заболевания, стала иной их картина – и, конечно, их оценка. Вместо однолинейного понимания безумия как одержимости, как грубого нарушения поведения, к психозам или психотическим расстройствам стали относить такие состояния, которые сопровождаются нарушением ориентировки во времени, пространстве, собственной личности, а также нарушения психической деятельности и поведения, связанные с искажением психики и преобладанием в сознании тех подсознательных процессов, которые в норме составляют его фон.

Первое, думаю, понятно, а второе требует пояснения. У больного психозом подсознательное становится сознательным. Его представления, воспоминания, следы прошлых восприятий оживают, одухотворяются, становятся озвученными, воплощаются в живые образы, вплетающиеся в действительность; собственные мысли и намерения лишаются волевого качества и соотнесенности с «я» – он как бы все время находится под влиянием некоей посторонней силы, будь то «гипноз», «сглаз», «психотронное воздействие». Так вот, в психозе личность переходит на архаические формы мышления и понимания происходящего, лишается способности соотносить духовную жизнь с реальностью. Человек словно меняет «гелиоцентрический» взгляд на мир на «эгоцентрический», когда в центре психической Вселенной оказывается больное «я», вокруг которого, ради которого, из-за которого вершатся все события.

Все, что у нормального человека есть «тень» сознания, здесь становится его «светом».

Однако психозы или психотические состояния – лишь незначительная часть психических нарушений. Большинство психических расстройств составляют так называемые пограничные непсихотические состояния, т.е. неврозы и реакции психопатических личностей. Это ответ личности на самый известный конфликт между желаемым и действительным. Скажем, человек не может реализовать свои инстинктивные потребности из-за созданных обще-

ством ограничителей, или претендует на более высокое место на служебной лестнице, никак ему не соответствуя, или оказывается профессионально несостоятельным — и курок уже взведен. Особенно трудно протекают такие субъективные личностные реакции у психопатов, чьи патологически заостренные черты характера и темперамента доставляют страдание как им самим, так и окружающим.

Как вы уже поняли, если психозы вызывают к жизни архаические, взятые из кладовых психики формы, то для невротических реакций характерна подмена причины.

Конкретное содержание конфликта вытесняется из сознания, и нередко целью психотерапевта как раз и является задача помочь пациенту понять причину, для того чтобы тот, осознав конфликт, выдернул из души острую «занозу» невроза.

Главным судьей, оценивающим деятельность человека и фокусирующим сознание на внешнем мире, являются эмоции. В их руках Ад и Рай в душе человека; они придают значение феноменам сознания, а, следовательно, и формируют то, что мы называем смыслом жизни.

Эмоции в значительной степени определяют круг интересов человека, его потребности, широту и глубину переживаний, их направленность, напряженность, способность мобилизовать и организовать психические процессы для творческой деятельности. Эмоциональная сфера — то звено, которое связывает физиологическую деятельность мозга и психику. Через эмоции можно подобрать ключ к психической деятельности и воздействовать на нее. Физиологи, найдя в мозгу животных «центры удовольствия» и искусственно их возбуждая, добиваются того, что во имя этого искусственного удовольствия животное может отказаться от всех других потребностей и погибнуть от голода, требуя лишь постоянного суррогата счастья.

Эмоции, достигнув высокой степени интенсивности, способны ограничивать сознательную деятельность, когда человек уже не в состоянии адекватно оценивать происходящее. Сейчас патология эмоциональной сферы приобретает все большее распространение. Развитие цивилизации ставит перед человеком все более сложные задачи, одновременно ограничивая его «естественные» желания. Нарушения эмоциональной сферы свойственны как пограничным расстройствам психической деятельности, так и психозам. Нормальной реакцией человека на неприятности является депрессия — надо умерить пыл и посмотреть на ситуацию критическим оком, дабы выработать новую линию поведения. Однако эмоциональная сфера инертна, и часто человек стремительно проходит этап критической оценки и «ломается» под тяжестью обстоятельств.

При психозах, затрагивающих эмоциональную сферу, нарушается способность к сущностной оценке; шкала ценностей настолько искажается, что вызывает коренное изменение мировоззрения. Причем депрессивная или маниакальная оценка распространяется уже не только на сегодняшние события, но и на прошлое и будущее; отсутствует всякая понятная связь между реакциями и вызывающими их причинами.

Причины психозов и неврозов различны. При психозах нарушение категориальных сущностей, способности осознать себя в мире и мир в себе чаще всего является следствием нарушения биологических структур мозга (наследственное предрасположение с нарушением обмена веществ в мозгу, дисгармония в биохимическом регулировании нервных процессов, нарушение питания мозга и т.д.). Естественно, что и лечат психозы, в основном, биологическими средствами, применяя психотерапевтические методики лишь по мере выздоровления и включения механизмов здорового, рационального сознания. Учитывая эгоцентрическую, «птолемееву» систему осознания происходящего при психозе, любое вмешательство психотерапевта воспринимается негативно. Кстати, психиатры отмечают резкое ухудшение состояния психотических больных после массовых сеансов психотерапии по телевидению.

Напротив, основным лечением непсихотических состояний при неврозах и психопатиях является терапия словом, обучение индивидуально или в группе адаптивным формам поведения, гармонизацией психической деятельности человека путем обогащения его сознания за счет подсознания. Связано это с тем, что причина таких расстройств — дисгармония между внутренним и внешним миром.

Психика — единственное достояние человека, ибо мир дается ему в виде психических феноменов. Поэтому так естественен страх человека перед безумием: «Не дай мне Бог сойти с ума, нет, лучше посох и сума».

Отношение общества к психическим расстройствам — зеркало цивилизованности. Печально наблюдать средневековое мышление, связывающее безумие с одержимостью нечистой силой, колдовством, черной магией. Еще печальней встречаться с подобным в средствах массовой информации.

Все это — каинова печать нашего прошлого. Психиатрия, может быть, даже в большей степени, чем любая другая область знания, испытала на себе тяжкую длань государственного «присмотра». Это понятно, любой тоталитарный режим претендует на контроль над человеческой психикой, управление не только мыслями, но и чувствами, ибо «чувства рождают идеи». Это, как ни печально, не так уж сложно, ибо психика человека — достаточно пластичный материал. В психиатрии есть понятие «индуцированный бред», когда больной как бы «заражает» своими представлениями окружающих. Тот же механизм (не забудем: история развития психики и история развития общества неразрывны) вовсю эксплуатируется тоталитарной властью. Но это лишь одна сторона медали. Точно так же, как больной полагает «умалишенным» весь остальной мир, так и больная власть отправляет инакомыслящих в психиатрические больницы. Вспомним: великий русский философ П. Чаадаев по высочайшей рекомендации был объявлен сумасшедшим за наиболее ясные и здравые проявления своего ума. В советское время идейные противники по той же схеме клеймились вялотекущей шизофренией и препровождались на принудительное лечение в психиатрические больницы со специальным режимом.

Грустный парадокс: медицина — самая «аполитичная» наука, но именно психиатрия в условиях жесткой централизации политической и экономической жизни оказалась предельно «ангажированной» властью. Вторично она попала под удар, когда наступили новые времена. Это, кстати, не новость: борьба за демократические свободы во всех странах сопровождается мощной антипсихиатрической кампанией.

Антипсихиатрическое движение в нашей стране возникло в 60-е годы и совпало с правозащитным движением. До «оттепели» нужды в политическом использовании психиатрии не было: с инакомыслием боролся ГУЛАГ. Потребность в том, чтобы объявить свободомыслие проявлением душевного заболевания, появилась тогда, когда с помощью пули делать это стало «неудобным». Вначале экспертное судебно-психиатрическое обследование прошли все диссиденты при возбуждении против них уголовных дел, затем психиатрия стала использоваться во все больших масштабах для административной расправы. Теоретическим обоснованием стала доктрина о вялотекущей шизофрении, одним из проявлений которой является изменение мировоззрения, «метафизическая интоксикация», столь свойственная периоду становления личности и определению своего места в мире. Любая попытка понять психические феномены, связать их с психологически объяснимыми мотивами объявлялась антинаучной «психологизацией». В психиатрическую и обывательскую среду внедрялись идеи «психопатологизации», когда любое отклонение от одобряемого образа мыслей и

стиля жизни надлежало рассматривать как болезнь.

Но, честно говоря, не знаю, что нанесло больший вред здоровью общества — карательная психиатрия советских лет, основанная все же на случаях, или массовая «перестроечная» кампания против психиатрии, бушевавшая в 1986-90 годах. Кампания, кстати, ни к чему не привела, поскольку все «нужные» люди, как водится, были выведены из-под удара: предполагавшийся процесс над психиатрами, ставившими фиктивные диагнозы, не состоялся, а осужден был один ни в чем не повинный врач и замараны несколько психиатров, по злой иронии судьбы как раз не имевших никакого отношения к властям. Зато теперь, когда дым перестроечных баталий осел, выяснилось, что у людей успел сформироваться испуг перед врачами. А ведь обратиться к психиатру «советскому человеку» и так непросто, теперь же врачу приходится прорываться еще и сквозь пелену предубеждений.

В нынешнем году был принят Закон о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан. Закон меняет всю систему взаимоотношений лиц с психическими нарушениями и общества, провозглашая их равенство и гарантируя соблюдение всех гражданских прав, а также обеспечивая независимость врача-психиатра и судебный контроль за его действиями.

Но появились и новые проблемы. Если раньше в государственных интересах использовалась психиатрия, то теперь борющиеся за власть и влияние группировки используют душевнобольных и психически неустойчивых лиц в своих целях. Происходит массовая обработка сознания народа прямым воздействием на психику через средства информации. Колдуны, экстрасенсы, безграмотные врачеватели, просто душевнобольные упорно возвращают граждан к архаическим формам мышления. Болезнь, непрошенная и нежданная, нагло входит в дом.

Кстати, если говорить о болезнях общества, то уместно вспомнить закономерность, не упомянутую Марксом, но хорошо известную психиатрам. В период потрясений не только рядовые граждане переживают «сон разума» — в политику приходят люди с явными психическими отклонениями. «Политика катастроф» — хороший способ изжить свои невротические конфликты, что подсознательно чувствуют больные люди. Это известное наблюдение подтверждается тем фактом, что во времена потрясений резко уменьшается число неврозов и других непсихотических расстройств.

Существуют таинственные связи больной души и творчества. Овеществление духовной жизни очищает душу, высвечивает наиболее темные ее уголки, способствует гармонизации психической деятельности. Психическая неустойчивость, внутренние конфликты, неудовлетворенность собой и отношениями в обществе могут служить «энергетикой» творчества. Художник, создавая, словно освобождается от того, что, находясь в глубине души, может разрушить ее.

Но помимо очищающего начала, искусство, как проекция душевной жизни, отображает в ярких вечных образах такие глубины психической деятельности, которые недоступны в обычном человеческом общении. Как в психотическом состоянии и во сне открывается запертая в глубинах подсознания история развития человечества, так и искусство открывает, овеществляет и делает доступным всему человечеству такие богатства, такие душевные уродства и такие драмы, которые одухотворяются творчеством и благодаря творческому акту становятся всеобщим достоянием.

Истоки творческого акта и психопатологии, возможно, имеют общее начало. Вместе с тем искусство, являясь горьким, трудным и требующим все больших доз лекарством для его создателя, спасает мир, излечивая его — ведь то, что есть в Творце, есть и в каждом из нас. Искусство — инструмент познания человека. Вряд ли можно понять феномен психического отчуждения без Носа, гуляющего по Невскому проспекту, без кафкианского процесса над невинным человеком, принимающем свою «вину» как данность. А можно ли исследовать корни социальной бесовщины без антигероев Достоевского, воспринять гармонию слияния человека с миром без образов Гете и Толстого? Поэзия глубже и полнее проникает в сущность души и языка, чем философия.

И в то же время искусство, как вечный Целитель мира, должно иметь здоровое начало. По этой причине творчество душевнобольных, даже талантливых профессионалов, имеет к искусству весьма отдаленное отношение. В период психоза, разрушающего сами устои душевного бытия, творчество невозможно — как невозможно понимание психоза с точки зрения нормы. Творческий акт — это призыв к общению и возможен он только после пережитой бури, часто как попытка отобразить психотическое прошлое, но уже с точки зрения психически здорового в данный момент человека. В периоды психоза останавливается творчество, и это трагедия творца. Но само воспоминание о психозе в художественных образах — мощный источник творчества, катарсис, призыв к сопереживанию.

Искусство через эмоции обращается к душе человека, особенно так называемое искусство прямого действия, обращенное непосредственно к эмоциям. Это музыка, живопись, поэзия. Мы знаем о физиологической связи эмоций с различными структурами мозга, о том, как они могут ограничивать сознание, сужать его, способствовать манипуляции сознанием. Вот почему власть, стремясь овладеть умами людей, пытается прежде всего установить контроль над искусством, которое одновременно и служит тиранам, и сопротивляется им. Подчиняясь закономерностям душевной жизни, оно нередко вопреки воле автора выполняет свою роль, правдиво отражая бытие духа.

Не знаю, хотел ли этого Шостакович, но его музыка озвучивает стоны растоптанной, растерзанной палачами и машинами души. Не думаю, чтобы Корин желал, чтобы персонажи его «Реквиема» анафемствовали, проклиная тех, кто растоптал уходящую (возвращающуюся!) Русь. Но как бы мы — больные и здоровые, «нормальные» и «ненормальные» — ни сражались с собственным «я», оно всегда восстанет, возникнет, заявит о себе. Быть может, тогда, когда мы меньше всего этого ждем...

Так внемлите, друзья! Вам поведаю я
Пять бесспорных и точных примет,
По которым поймете — если только найдете, —
Кто попался вам — Снарк или нет.

Разберем по порядку. На вкус он не сладкий,
Жестковат, но приятно хрустит,
Словно новый сюртук, если в талии туг, —
И слегка привиденьем разит.

Он встает очень поздно. Так поздно встает
/Важно помнить об этой примете/,
Что свой утренний чай на закате он пьет,
А обедает он на рассвете.

В-третьих, с юмором плохо. Ну как вам сказать?
Если шутку он где-то услышит,
Как жучок, цепенеет, боится понять
И четыре минуты не дышит.

Он, в-четвертых, любитель купальных кабин
И с собою их возит повсюду,
Видя в них украшение гор и долин.
/Я бы мог возразить, но не буду/.

В-пятых, гордость! А далее сделаем так:
Разобьем их на несколько кучек
И рассмотрим отдельно — Лохматых Кусак
И отдельно — Усатых Колючек.

Снарки, в общем, безвредны. Но есть среди них...
/Тут оратор немного смутился/.
Есть и БУДЖУМЫ... Булочник тихо поник
И без чувств на траву повалился.

Льюис Кэрролл. «Охота на Снарка».
Перевод Г.Кружкова.

МИЛЛЕР, Майкл Д. (MILLER, Michael D.).

Американский литератор. Родился в 1944 г. Имеет ученую степень доктора философии. Более десятка лет проработал в отделе «паблик рилейшнз» компании «AT&T». Творческой деятельностью занимается с начала 70-х. В 1984 г. стал одним из победителей литературного конкурса для непрофессионалов «Писатели будущего», организованного Л. Рон Хаббардом. «Черед Тайсона» — первая публикация автора.

АЗИМОВ, Айзек

(См. биобиблиографическую справку в № 3 с.г.)
Из интервью, опубликованного в биографическом сборнике «Современные авторы»:
«... Мнение критиков меня волнует крайне мало, поскольку в моих писаниях они всегда находят куда больше, чем я имел в виду. Впрочем, они, может статься, правы: когда я читаю их рассуждения, они мне кажутся вполне разумными. И все же я совершенно не помню ничего подобного. Однажды я написал маленький рассказик о том, как Уильям Шекспир попадает в сегодняшний день и крайне удивляется, обнаружив, что через четыре сотни лет со дня его смерти в театрах по-прежнему идут его пьесы, а в колледжах читаются о них лекции. И вот он записывается на курс этих лекций и, разумеется, полностью проваливает итоговый экзамен. Я испытал подобное на собственной шкуре. Когда я читал о том, что следует говорить при анализе моих рассказов, то понимал, что если бы от меня потребовали сделать это, я, вероятно, не справился бы».

БЕНФОРД, Грегори (BENFORD, Gregory).

Американский писатель. Родился в 1941 г. в г. Мобил, шт. Алабама. Изучал физику в Оклахомском (г. Норман) и Калифорнийском (г. Сан-Диего) университетах, где получил дипломы бакалавра и магистра.
Работал физиком-исследователем в радиационной лаборатории, с 1973 г. — преподаватель Университета штата Калифорния (г. Ирвин). Совмещать научную деятельность с литературной начал задолго до дебюта на «профессиональной арене» (первая публикация — рассказ «Замена» в журнале «Fantasy & Science Fiction», июнь 1965 г.; однако уже в начале 60-х гг. был известен поклонникам фантастики как их коллега-фэн: редактировал фэнзин «Войд» («Пустота»), вместе с братом- близнецом Джеймсом пробовал писать рассказы). После выдержанных в достаточно традиционной манере первых романов («Если звезды — это боги» — повествование о встречах землянина с внеземными формами жизни; «Проект «Юпитер» — своеобразное «предисловие» к хайнлайновскому «Фермеру в небе») создал вызвавший настоящий фурор боевик «Панорама времен», благодаря которому стал одним из лидеров НФ 80-х годов. Двукратный лауреат премии «Небьюла», обладатель Мемориальной премии Дж. Кэмпбелла. Продолжает работать.

ТОМПСОН, Джеймс Э. (THOMPSON, James E.).

Американский автор. Два единственных его произведения были включены Айзеком Азимовым в антологию «Сто лучших научно-фантастических рассказов». Иных сведений о нем анналы мировой НФ не содержат. Среди псевдонимов известных писателей-фантастов это имя также не фигурирует.

РЕЙНОЛЬДС, Мак

(См. биобиблиографическую справку в № 3 с.г.)
Из комментария, написанного по просьбе редакции энциклопедического справочника «Писатели-фантасты двадцатого столетия» (датировано 1981 г.):
«... Мир переживает беспрецедентный период революционных изменений — в науке, в медицине, в технологиях, семейных связях, социальных системах, отношениях между нациями, поколениями, полами. И если мы хотим, чтобы наше будущее состоялось, мы должны решать наши сегодняшние проблемы. Покончить с войной, покончить с бедностью, покончить с изнасилованием нашей планеты, создать жизнеспособное мировое правительство — вот только несколько целей, к которым мы всегда должны стремиться. Я не преследовал в своих рассказах каких-либо корыстных целей частного порядка. Я высказывался в них одновременно и за, и против всех социально-экономических систем, о которых мне известно, включая социализм во всех его многочисленных формах, коммунизм, синдикализм, анархизм, фашизм, теократию, технократию, конкурентное общество и индустриальный феодализм. Создается впечатление, что среднему читателю (даже читателю НФ) просто не приходит на ум, что современной нам социальной системе есть альтернатива — или альтернативы. Я пытаюсь довести до его сознания, что альтернатива есть — и, возможно, альтернатива желанная».

ДИК, Филип К. (DICK, Philip K.).

Классик американской НФ. Родился в 1928 г. в Чикаго. По окончании средней школы работал диктором на радиостанции, продавцом в магазине пластинок. Свои первые шаги на литературном поприще сделал в 1952 г. (дебютная публикация — рассказ «Вкус уаба» в журнале «Planet Stories», июль упомянутого года); всего же за тридцать лет писательской деятельности создал 36 романов и десятки рассказов. Среди затрагиваемых в его творчестве тем — мессианство как одна из ипостасей человеческой натуры (романы «Мир, который был создан Джонсом», «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»), наркотики («Три стигмата Палмера Элдритча», «Жди теперь прошлого года»), отделение истинного от подобия, эрзаца («Человек в высоком замке», «Предпоследняя истина»). Лауреат премии «Хьюго», обладатель Мемориальной премии Дж. Кэмпбелла. Скончался в 1982 г.

Подготовил Александр РОЙФЕ

В № 6 «Если» по вине редакции допущены ошибки.

1. Год рождения Шарля Эннеберга — 1906 (рубрика «Personalia»).
2. Строки, цитируемые в статье Степана Киселева, принадлежат Марине Цветаевой, а не Анне Ахматовой, как утверждается в журнале (рубрика «Гипотеза»).

Приносим свои извинения авторам и читателям журнала.

ЕСЛИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Гордон Диксон
ПОЛУНОЧНЫЙ МИР

Клиффорд Саймак
ПРИЗРАК МОДЕЛИ Т

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Станислав Лем
«LES ROBINSONADES»

Р. А. Лафферти
ВНАЧАЛЕ БЫЛ КОСТЫЛЬ